

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Социологический институт РАН

Власть и элиты

Power and elites

2025
Том 12
№ 2

Санкт-Петербург
2025

РЕДАКЦИЯ

А.В. Дука, *главный редактор*, к.пол.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.С. Быстрова, *заместитель главного редактора*, к.э.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Д.Б. Тев, *заместитель главного редактора*, к.с.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.Ю. Швая, *ответственный секретарь*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

В.Д. Дмитриева, *секретарь редакции*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

EDITORIAL TEAM

Aleksandr V. Duka, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Alla S. Bystrova, *Deputy editor in chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Denis B. Tev, *Deputy editor in chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Andrey Yu. Shvaya, *Executive secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Valeriia D. Dmitrieva, *Secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дука Александр Владимирович, *главный редактор*, кандидат политических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Быстрова Алла Сергеевна, *зам. главного редактора*, кандидат экономических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Тев Денис Борисович, *зам. главного редактора*, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, член-корр. РАН, МГИМО (У) МИД России, НИУ ВШЭ, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), Москва, Россия

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Завершинский Константин Федорович, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Козловский Владимир Вячеславович, доктор философских наук, профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Кочетков Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Лапина Наталия Юрьевна, доктор политических наук, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Ледяев Валерий Георгиевич, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор, ИНИОН РАН, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Мацузато Кимитака, доктор юридических наук, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мохов Виктор Павлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Панов Петр Вячеславович, кандидат исторических наук, доктор политических наук, Институт гуманитарных исследований ПФИЦ Уральского отделения РАН Пермь, Россия

Покатов Дмитрий Валерьевич, доктор социологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Сельцер Дмитрий Григорьевич, доктор политических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Тыканова Елена Валерьевна, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

EDITORIAL BOARD

- Aleksandr V. Duka**, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Alla S. Bystrova**, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Denis B. Tev**, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Valeriy A. Achkasov**, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Oksana V. Gaman-Golutvina**, Doctor of Political Science, Corresponding Member of RAS, Professor, MGIMO-University, NRU “Higher School of Economics”, President of the Russian Political Science Association, Moscow, Russia
- Vladimir A. Gutorov**, Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Konstantin F. Zavershinskiy**, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Vladimir V. Kozlovskiy**, Doctor of Philosophy, Professor, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
- Alexander P. Kochetkov**, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- Natalia Yu. Lapina**, Doctor of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Moscow, Russia
- Valeriy G. Ledyaev**, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
- Olga Yu. Malinova**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia
- Kimitaka Matsuzato**, Doctor of Law, Professor, The University of Tokyo, Tokyo, Japan
- Viktor P. Mohov**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
- Petr V. Panov**, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Science, Institute for Humanitarian Research of PFRC of the Ural Branch RAS, Perm, Russia
- Dmitry V. Pokatov**, Doctor of Sociology, associate professor, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia
- Dmitriy G. Seltser**, Doctor of Political Science, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
- Aleksandr I. Solovyev**, Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
- Elena V. Tykanova**, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
- Alla E. Chirikova**, Doctor of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Чирикова А.Е.

- 7–37 Метод интервью в изучении элитных групп: власть и бизнес

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

Быстрова А.С., Дмитриева В.Д., Дука А.В.,

Колесник Н.В., Тев Д.Б.

- 38–109 Структура политических возможностей
и источники рекрутирования региональной
политической элиты России

Гольбрайх В.Б.

- 110–135 Региональные министры культуры:
особенности карьерных траекторий
и бассейна рекрутирования

ЭЛИТЫ И ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ

Лапина Н.Ю.

- 136–161 Леворадикальная политическая культура в политике
и социальных движениях современной Франции

CONTENTS

PROBLEMS OF THE ELITE STUDIES

A. Chirikova

- 7–37 Interview Method in the Study of Elite Groups: Power and Business

RUSSIAN REGIONAL ELITES

A. Bystrova, V. Dmitrieva, A. Duka, N. Kolesnik, D. Tev

- 38–109 The Political Opportunity Structure and Sources
of Recruitment of the Regional Political Elite in Russia

V. Golbraikh

- 110–135 Regional Ministers of Culture: Peculiarities
of Career Trajectories and Recruitment Pools

ELITES AND POLITICS IN EUROPE

N. Lapina

- 136–161 Radical Left Political Culture in Politics and Social Movements
of Modern France

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.1>

EDN: OEWMRG

*А.Е. ЧИРИКОВА*¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1

МЕТОД ИНТЕРВЬЮ В ИЗУЧЕНИИ ЭЛИТНЫХ ГРУПП: ВЛАСТЬ И БИЗНЕС

Аннотация. Статья посвящена методологической проблеме использования интервью в социологических исследованиях элитных групп. В тексте представлен краткий историографический обзор работ зарубежных и отечественных социологов, изучавших элитные группы посредством интервью в XX–XXI вв., и излагаются собственные методологические разработки автора, касающиеся подготовки гайдов, получения доступа к влиятельным респондентам и техники ведения интервью с разными представителями элиты (чиновниками и бизнесменами). В статье обобщается опыт более 1000 интервью, проведенных автором в разные годы при изучении московских, региональных и локальных элит. Интервью с закрытыми элитными группами показали, что получение достоверной информации от действующих властных и бизнес-акторов далеко не прямой процесс. Он требует особой техники, которая бы позволила добиться точной информации. Коммуникация с элитными группами нередко сопровождается осознанными или неосознанными искажениями при описании повседневных практик. С одной стороны, данные искажения вызваны привычкой элитных групп общаться со СМИ и демонстрировать в этом общении исключительно позитивную картину происходящего во власти и бизнесе. С другой стороны, они могут быть обусловлены нежеланием отвечать на неудобные вопросы (например, о неформальных практиках взаимодействия внутри элитных групп). В представленном исследовании с опорой на классификацию видов

слушания Иствуда Атватера автор описывает приемы, которые позволяют интервьюеру удерживать внимание представителей разных элитных групп, минимизируют стереотипные суждения и позволяют глубже проникать в повседневные практики управления региональным и городским развитием, а также бизнес-процессами.

Ключевые слова: метод интервью, локальные элиты, деловая элита, техники ведения интервью, обработка материалов интервью.

Для цитирования: Чирикова А.Е. Метод интервью в изучении элитных групп: власть и бизнес // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 2. С. 7–37. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.1> EDN: OEWMRG

«Воображение важнее знания»
Альберт Эйнштейн

ВВЕДЕНИЕ: МЕТОД ИНТЕРВЬЮ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЗАПАДНЫХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭЛИТНЫХ ГРУПП

Интервью как метод социологического исследования зародился на Западе в стенах Чикагской школы и относительно быстро стал проникать в исследования элитных групп, в том числе разных уровней бизнеса и власти. Первые работы в этой области появились в США в 1950–1960 гг. и принадлежат Гарри Кинкейду и Маргарет Брайт [38]. В своем исследовании авторы обратились к изучению деловой элиты, что для того времени было смелым шагом. Полученные результаты смогли убедить некоторых представителей научного сообщества, что применяемая Кинкейдом и Брайт методология работает и позволяет получить интересные результаты. Однако упоминаемый подход встретил и немало критики, поскольку в то время в социологии господствовала количественная методология. В 1964 г. Уильям Хант, Уайлдер Крейн и Джон Уальке продемонстрировали богатые возможности метода интервью в кросс-культурных сравнительных исследованиях политической элиты [37]. Это дало толчок для более широкого использования интервью в исследованиях 1990–2000 гг.

На рубеже веков метод интервью стал привлекать все большее число исследователей, а тематика их работ становилась все шире. Теперь научному сообществу стала интересна не только сама перспектива

использования данного метода для изучения элитных групп, но и его возможности и ограничения, а также поиск оптимальных моделей интервью для различных респондентов. Именно в эти годы появляются работы, в основе которых лежат интервью с деловой и политической элитой США (см., например: [41; 44] и др.). К числу наиболее значимых трудов можно отнести исследование Дэвида Ричардса, сделавшего предметом своего изучения разные подходы изучения элиты и имеющиеся в них подводные камни, подтвердив тем самым, что использование метода интервью требует постоянной рефлексии [42].

Как показали исследования Аллана Кокрейна, интервью открывает обширные возможности для изучения местной власти [33]. Используя данный метод, автор смело вскрывал и анализировал иллюзии представителей местной элиты относительно эффективности своей работы. В эти же годы появляется исследование российских и западных социологов “Interviewing the Soviet elite” [45]. Основанное на интервью с советской элитой, оно станет классическим.

Однако самое большое количество зарубежных социологических исследований, посвященных изучению элит, написано после 2000-х гг. В это время появляются работы, в которых рассматриваются методологические подходы к интервьюированию представителей элиты [35], особенности техники интервью в политологии [39], вопросы использования интервью при изучении государственной политики [31] и др. Вновь обсуждаются способы получения доступа к интервью и возможные ошибки в разговоре с различными элитными группами [34; 40]. Теперь исследователей интересует более широкий круг методологических вопросов. К примеру, выходят публикации, в которых обсуждаются особенности использования метода интервью в исследованиях и кодирования его результатов [30], ставятся вопросы валидности и надежности полученных таким образом данных [32] и анализируются этические дилеммы личного интервьюирования [46]. В 2002 г. также публикуется работа, осмысляющая опыт изучения элит в России, хотя широкого отклика среди отечественных ученых она не получила [43]. В последние 10–15 лет метод интервью все чаще используется в зарубежных социологических исследованиях. Число его сторонников неизменно растет, как и доверие к получаемым с помощью метода интервью данным.

В советские исследования элит метод интервью, а точнее такая его разновидность как метод *мягкого* или *глубинного интервью*, стал проникать на рубеже 1980–1990 гг. «Мягкое интервью, — отмечала в свое время Мария Васильева, — имеет преимущество перед количественными, или жесткими методами, в деликатной ситуации неструктурированного понятийного пространства исследования. Исследователь, работающий с мягкими интервью, встречает много сложностей, например, с репрезентативностью, но, по крайней мере, не рискует попасть в положение социолога, задающего миролюбивому холостяку вопрос: “Вы перестали бить свою жену по утрам?”, давая при этом лишь два варианта ответа “Да и Нет”» [8, с. 5].

Одними из первых отечественных исследователей, последовательно использовавших метод интервью в социологических и социально-экономических исследованиях были Геворк Погосян [17], Сергей Белановский [5] и несколько позднее Игорь Бунин [6]. Погосян, впервые в СССР, предложил рассматривать метод интервью как особый вид общения и подверг его экспериментальному изучению. Проведенное исследование позволило сделать автору однозначный вывод: «Распространенное в современной западной социологии, и в особенности социальной психологии, недоверчивое отношение к данным, полученным при помощи интервью, и стремление к так называемому “объективированию” методов сбора информации путем отказа от использования интервью за счет применения методов скрытого наблюдения и отказа от вербальных свидетельств опрашиваемых, не имеет под собой серьезного методологического обоснования и продиктовано в сущности характерным для “эмпирической социологии” тяготением к естественнонаучной методологии, к прямому переносу ее методов и техник в область социального познания» [17, с. 37].

Еще одной влиятельной российской научной работой 1990-х гг., которая была проведена с использованием метода мягкого или глубинного интервью, стало исследование элитных групп под названием «Россия от настоящего к будущему», осуществленное в 1994–1996 гг. под руководством члена-корреспондента РАН Константина Миккульского [15]. В нем была опробована специальная техника ведения глубинного интервью, которая в дальнейшем стала основой и моих

собственных исследований. Кроме того, на меня также повлияли работы коллег из Центра независимых социальных исследований города Санкт-Петербурга¹ (Елены Здравомысловой, Анны Темкиной, Софьи Чуйкиной и Юлии Зеликовой) [13]. Достаточно широко методы качественного анализа были представлены в 1990-х гг. в работах Института социологии РАН и других научных центров. Здесь можно вспомнить, например, такие проекты как: «Век социальной мобильности в России» (рук. В. Семенова, ИС РАН), «Элита брежневской формации» (рук. О. Крыштановская, ИС РАН), «Биографическое исследование социальной истории Сибири» (рук. М. Рожанский, Иркутский государственный университет) и др.

В 1997 г. вышла моя монография «Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности», в которой я показала, как работает метод интервью при изучении элиты московского бизнеса [27]. В это же время появились исследования Вадима Радаева [19], Виктории Семеновой [23], Светланы Барсуковой [2], также осмысляющие использование метода интервью. Нельзя не выделить отдельно работы Светланы Барсуковой начала 2000-х гг., в которых она на примере анализа сращивания теневой экономики и теневой политики продемонстрировала, что метод интервью наиболее эффективен при изучении скрытых практик в политике. В частности, благодаря использованию данного метода Барсуковой удалось показать, как теневые капиталы вовлекаются в избирательный процесс [2]. Виктория Семенова в 1998 г. выпустила монографию «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию», а в 2000 г. в ИС РАН защитила докторскую диссертацию по теме «Эвристический потенциал качественной методологии в современной российской социологии», где показала широкие возможности качественных методов при изучении повседневных практик [24].

Большой вклад в утверждение качественной методологии в 2000-е гг. внесла также Елена Рождественская (Е. Мещеркина). Ее работы этого времени, основанные на анализе биографических интервью, подтвердили, что качественные исследования могут быть многогран-

¹ 22 июня 2015 г. Министерство юстиции Российской Федерации включило организацию в реестр «иностранных агентов».

ными и полезными при анализе различных социальных процессов [21]. Позже автор продолжила использовать качественную методологию, не только применяя ее как тонкий исследовательский инструментарий, но и осмысляя ее ограничения и преимущества при изучении федеральной элиты власти и бизнеса [20].

Признанным авторитетом в области качественной методологии является петербургский социолог Виктор Воронков, возглавляющий Центр независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге. В 2000-е гг. были опубликованы его исследования, выполненные с использованием качественной методологии и показавшие, какие сложные социальные процессы можно изучать, не обращаясь к количественным данным [9; 10; 11]. Тему методологических особенностей интервью в социологических исследованиях и его репрезентативности в 2020-е гг. продолжил Сергей Белановский [3; 4]. Интересное исследование было также предпринято Олегом Оберемко и Натальей Терентьевой, которые посвятили работу анализу особенностей и критериев эффективности метода фокусированного интервью [16].

В последние 10 лет мы с моим соавтором Валерием Ледяевым провели цикл исследований с использованием метода интервью властных групп и бизнеса в 7 муниципалитетах, результаты которых были обобщены в монографии «Власть в малом российском городе» (2017) [29]. Этот проект еще раз утвердил меня во мнении, что властные акторы и представители бизнеса — это сложный объект, для изучения которого наиболее продуктивен именно метод интервью.

Перечень исследований, выполненных в недавние годы методом интервью, можно продолжать бесконечно. Достаточно посмотреть выпуски журналов «СОЦИС» или «ПОЛИС», с каждым годом публикующих все больше авторов, использующих метод интервью как основной инструмент для изучения социума [22]. Тем более это актуально при изучении закрытых элитных групп, которые скептически относятся к анкетам, но иногда соглашаются поговорить с интервьюером лично. Правда, для организации подобной встречи следует приложить немало усилий, которые не всегда оправдываются. Из последних публикаций мне хотелось бы выделить монографию, подготовленную на кафедре методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ и обобщающую результаты многолетних исследований [7].

Таким образом, в наше время качественная методология получила широкое развитие. Споры о возможности использования метода интервью сдвинулись от вопроса «а научно ли это» в область дискуссии «как это лучше делать?». Все большее число исследователей стали доверять результатам качественных исследований, а некоторые из них признали неоспоримое преимущество метода интервью перед количественными данными. При этом, несмотря на то, что научного консенсуса относительно релевантности метода интервью в социологических исследованиях как такового нет, на мой взгляд, в последние годы этот метод стал особенно популярным. Отчасти это объясняется тем, что исследования, основывающиеся на материалах интервью, «открыты» для большего числа читателей, нежели исследования, написанные тяжеловесным «статистическим языком». Однако это не единственная причина. Сложные социальные процессы, которые происходят сегодня в российском обществе, не всегда могут быть измерены с помощью количественной методологии, которая более действенна, когда речь идет об устоявшихся практиках и процессах. Сегодня жизнь меняется на глазах и вскрыть ее закономерности становится все сложнее, поэтому исследовательский инструментарий требует все более тонкой настройки, без которой понять и анализировать современный социум едва ли возможно.

Предлагаемый далее анализ техники интервью строится на основе опыта реальных интервью, проведенных мною в 1994–2025 гг. Участники интервью — представители московской и региональной муниципальной / деловой элиты. Всего за прошедшие годы мною было организовано и проведено более 1000 интервью. Настало время обобщить имеющийся опыт.

МЕТОД МЯГКОГО ИНТЕРВЬЮ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕХНИКИ И СПОСОБА ОБРАБОТКИ МАТЕРИАЛОВ

Метод интервью как исследовательская техника: ограничения при разработке гайда интервью

Несмотря на то, что метод интервью становится все более популярным в зарубежных и российских социологических исследованиях, он имеет четкие границы использования, хотя и обладает преимуще-

ствами в сравнении с количественной методологией. Прежде всего, метод интервью хорошо работает в исследованиях новых процессов, закономерности развития которых пока неизвестны. Не менее продуктивным этот метод оказывается при изучении закрытых, мифологизированных, неформальных практик [29] или экспертных позиций, в чем я неоднократно убеждалась, проводя экспертные интервью. Анализ практик, формирующихся внутри различных институтов («чистый лист», позиции и мотивация элиты, корпоративные практики), требует тонкого инструментария, который может обеспечить метод интервью.

Важно подчеркнуть, что наиболее продуктивно интервью работает тогда, когда имеет значение не только сама информация, но и субъект ее предоставляющий. Субъективность, характерная для качественной методологии, в данном случае является преимуществом, а не недостатком. Тем не менее, и в этом случае следует четко формулировать проблему при разработке проекта исследования и, главное, верифицировать полученные методом интервью данные, особенно когда наблюдаемые тренды не устойчивы.

Об ограничениях метода необходимо помнить при разработке гайда интервью, который существенно отличается от гайда анкетных опросов:

- В гайд интервью не стоит включать вопросы, характерные для количественной методологии;
- При разработке гайда интервью следует избегать слишком большого количества исследовательских проблем;
- Гайды интервью для разговоров с властными и бизнес-группами не должны быть тождественны. Несмотря на наличие у обеих упомянутых групп такого общего качества как закрытость, темп интервью с их представителями, его эмоциональный фон, рефлексивная дистанция могут различаться. Интервью с бизнес-элитой требует высокой креативности, нестандартных обобщений, неожиданных вопросов со стороны интервьюера, что сохраняет к нему интерес интервьюируемых. Представители власти предъявляют схожие требования к интервьюеру, однако для них важно хорошее знание работы властных институтов и управленческий опыт, что помогает избегать шаблонных ответов, к которым нередко прибегают члены властных элит.

Кроме того, если Вы намерены изучать властные или бизнес-практики с привлечением элиты, необходимо опираться на позиционный или решенческий принципы отбора. Для получения необходимой информации важно ориентироваться на главных действующих лиц, находящихся в эпицентре принятия решений во власти и бизнесе или действующих в соответствии с этими решениями. Замена лидеров «на работающих рядом», как правило, снижает качество получаемых материалов, а иногда существенно искажает их. Исключением, пожалуй, являются экспертные интервью, когда отдаленность от представителя элиты является скорее преимуществом.

В данной работе я останавливаюсь на некоторых наиболее значимых особенностях техники ведения интервью. За рамками текста оказываются важные сюжеты оптимальной продолжительности интервью, выхода из пространства интервью, сюжеты обеспечения анонимности / безопасности данных, право на их интерпретацию. Всё это весьма насыщенные и сложные сюжеты, и их освещение достойно отдельного внимания, которое я надеюсь уделить упомянутым проблемам в будущем.

Особенности техники интервью со статусными информантами: как пробиться к занятой элите?

Доступ к информанту — наиболее сложная часть интервью, из-за которой они часто срываются, ставя под угрозу результаты проекта. В моей практике процент срыва интервью из-за невозможности найти выход на нужное лицо составляет не более 10–15 %. Как получить согласие на разговор от нужного человека? Первое и основное — за Вами должна стоять солидная организация, направляющая Вас на исследование. Для этого Вы должны запастись письмами, подписанными руководителями этой организации, в которых они подтверждают Ваши полномочия ответственного исполнителя проекта. В моем случае такими поручителями выступали директор Института социологии ФНИСЦ РАН и директор ФНИСЦ РАН. Документы, написанные от их лица, производили убедительное впечатление и открывали двери во многие кабинеты. В письме обязательно указывался ответственный исполнитель. В результате к моему приезду мое портфолио и мой статус были проверены, что давало мне право на интервью. Однако

это только первый шаг. Затем те лица, с кем интервью уже состоялись, делились впечатлением с теми, кому разговор только предстоял. Если впечатление было положительным, все двери администраций и крупных компаний были для меня открыты, однако если я допускала какую-то ошибку, вдруг возникали непреодолимые причины, по которым респондент не мог прийти на интервью. В моей практике такое случилось всего один раз, но этот опыт в дальнейшем помог мне вести интервью так, чтобы не пересекать невидимых границ и не испортить у собеседника впечатление.

Таким образом, организация интервью с элитой — совсем не простое дело. Вы должны быть готовы к мобилизации всех возможностей, чтобы получить согласие на интервью. ***При подготовке исследования Вам могут помочь:***

- Официальные письма, подтверждающие Ваше право на проведение интервью в данной организации;
- Статусные фигуры, коллеги как посредники во взаимодействии, помогающие достигать нужных договоренностей;
- Безошибочность поведения в процессе интервью, харизма, доверительное общение;
- Просьба о помощи в доступе к нужной фигуре у статусного лица, прошедшего через интервью.

Важно понимать, что интервью со статусными информантами требует особого подхода, так как у этой категории респондентов сформировались особые техники коммуникации, связанные с руководящей позицией. Часто статусные собеседники стараются перехватить контроль над течением беседы у интервьюера, как это точно подметила Елена Рождественская [20], но именно этого им и не стоит позволять делать. ***Перечислю приемы ведения разговора, которые, на мой взгляд, помогают вести интервью со статусными фигурами:***

- Пристройка в коммуникации «наравне». Избегать пристройки «снизу»;
- Цепкость, возвращение к интересующему сюжету даже при попытке ухода от него;
- Выстраивание доверительного контакта, поиск оптимальной дистанции общения;

- Рефлексивное слушание: перефразирование и резюме как базовая технология;
- Иной взгляд или провокация. Не следует со всем соглашаться в процессе интервью. Если у интервьюера иной взгляд, его можно корректно предъявить;
- Сравнение как принцип анализа ситуации;
- Нарращивание масштаба обобщения, если интервьюируемый склонен застревать «в мелочах»;
- Выделение и поддержка наиболее интересных обобщений, сделанных информантом.

В некоторых случаях я предваряла интервью со статусными фигурами разговорами с экспертами, которые хорошо знали ситуацию в регионе или в городе. Это помогало мне выстраивать интервью, ориентируясь как на знание локальной обстановки, так и личностных особенностей представителя элитной группы. Однако не стоит думать, что любой человек, называющий себя экспертом, может подойти для такого консультирования. Подбор экспертов очень важен. Следует избегать тех, кто агрессивно навязывает свою точку зрения и игнорирует ваши аргументы.

Сформулирую принципы отбора экспертов и характер взаимодействия с ними:

- При выборе эксперта необходимо четко определить сферу его профессионализма;
- Техника ведения экспертных интервью предполагает комфортную дистанцию общения для получения нужной информации;
- В ходе интервью важно не только соглашаться с тем, как ситуацию видит эксперт, но и предлагать ему для оценки собственный взгляд на проблему. В этом случае анализ ситуации будет итогом диалога интервьюируемого и интервьюера.

Важный вывод, который я могла бы сделать, проведя большое количество интервью, — нужно быть не только точным и чутким слушателем, но и интересным собеседником, опережая интервьюируемого по масштабу обобщения на его же профессиональном поле. Такая способность приходит не сразу, именно поэтому важно не просто знать изучаемую тему, но и самому быть в ней экспертом.

Метод интервью: слушать и слышать

В 1984 г. вышел перевод монографии американского психолога Иствуда Атватера «Я Вас слушаю», которая быстро завоевала признание у российских читателей [1]. Эта книга попала мне в момент, когда я начала использовать интервью как метод для исследования элитных групп. Именно тогда я поняла, что наблюдения Атватера чрезвычайно полезны для интервьюера, поскольку основное, что он, как психолог, делает, — это слушает и задает вопросы.

В упомянутой книге Атватер выделил несколько техник слушания и показал, как они используются в разных ситуациях, а также ввел такое понятие как «темперамент слушания», благодаря знанию о котором мне удалось обойти много подводных камней при исследовании элиты. Чтобы описать техники слушания и задавания вопросов, я воспользуюсь предложенной этим автором аналитической схемой. На мой взгляд, она как нельзя лучше описывает то, что происходит в процессе интервью, и прямо указывает на то, что нужно сделать, чтобы собеседник услышал Вас, а Вы его.

Итак, доктор Атватер предложил различать три вида слушания: рефлексивное, нерефлексивное и эмпатическое. Два из этих видов он отнес к активному виду слушания, включающему в себя такие параметры, как устойчивое, направленное внимание, умение слушать всем телом, внимательное молчание, уточнение и понимание, использование профессионального языка интервьюируемого и положительный язык поз и жестов. Однако главный вывод Атватера был неожиданным: даже если Вы владеете всем репертуаром активного слушания, самое главное, — отнюдь не техника, но **темперамент слушания**. Этот вывод привел меня к простому умозаключению: слушание — это активный процесс, именно поэтому от техники и темперамента слушания элитных групп в процессе интервью нередко зависит качество получаемой информации. Это знание стало аксиомой моих дальнейших исследований, и раз за разом я убеждалась в тонкости наблюдений Атватера.

Что такое темперамент слушания, от которого напрямую зависит успех всего интервью? В ходе своих исследований я несколько расширила перечень характеристик, предложенных Атватером, и предлагаю понимать темперамент слушания следующим образом:

- Активное невербальное реагирование на содержание речи;
- Устойчивая демонстрация заинтересованности;
- Подчеркнутая эмоциональность восприятия, эмпатийность;
- Быстрота реагирования;
- Стремление двигаться вглубь проблемы, разрушая стереотипные взгляды.

Без сомнения, данный перечень может быть расширен по мере накопления опыта интервьюирования. С другой стороны, замечу, что и выполнение всех перечисленных правил — это нетривиальная задача, но именно оно отличает хорошее интервью от плохого.

Важным видом активного слушания является так называемое **рефлексивное слушание**, ключевая техника интервью с элитными группами. Атватер определяет его как слушание, при котором устанавливается обратная связь с говорящим для контроля точности восприятия услышанного и уточнения позиции собеседника. При рефлексивном слушании допускается перефразирование слов интервьюируемого, эмоциональный отклик на проявления его чувств и, наконец, резюмирование или соединение фрагментов интервью в единое целое, благодаря которому интервьюер убеждается в том, насколько адекватно он понял респондента. Несмотря на то, что с атватерской классификацией типов слушания я полностью согласна, тем не менее, хочу отметить, что беседовать с респондентом, не включая эмпатийный механизм, по моему убеждению, невозможно. Именно поэтому мой совет начинающим исследователям: слушай, что говорят интервьюируемые, но понимай, что они чувствуют.

Следующий вид активного слушания, выделенный Атватером, — это **нерефлексивное слушание**. Обычно интервью не стоит строить, придерживаясь исключительно этой техники, но бывает, когда нерефлексивное слушание весьма адекватно ситуации. Например, при высокой психологической закрытости респондента и его слабой мотивации, когда необходимо, чтобы респондент втянулся в диалог. В нерефлексивном слушании нет загадки — это умение внимательно молчать, не вмешиваясь в речь собеседника. Со стороны интервьюера требуется минимизировать вербальные реакции. Допускаются отдельные «открывающие» реплики, чтобы выразить одобрение, интерес и понимание. Тем не менее, не следует заполнять все пространство

интервью нерефлексивным слушанием, иначе цели интервью так и не будут достигнуты. Данную технику следует использовать либо в начальной фазе разговора, либо при эмоциональном возбуждении собеседника, чтобы дать ему возможность выразить свою мысль. Кроме того, техника нерефлексивного слушания на удивление хорошо работает и когда достигается глубокий контакт с респондентом. В этом случае речь интервьюируемого лучше не прерывать своими замечаниями, а дожидаться, когда он сам выйдет на нужный сюжет.

И наконец, последний вид слушания по Атватеру — это *эмпатическое слушание*, под которым подразумевается внимание к эмоциональной окраске и внутренней ценности информации для участника интервью. Эмпатическое слушание относится к более интимному типу общения и является противоположностью критического и оценочного восприятия сказанного. Напротив, такое слушание создает возможность для свободного самовыражения собеседника. Именно поэтому, имея богатый опыт интервью, я пришла к выводу: несмотря на то, что интервьюеру важно качество получаемой информации, иногда гораздо важнее не анализировать содержание речи в момент беседы, а проявлять эмпатию к собеседнику.

Итак, чтобы слушать и слышать собеседника, пассивного внимания недостаточно. Как показывает мой опыт проведения интервью, лучших результатов можно добиться за счет активного слушания, важная роль в котором отведена темпераменту слушания и эмпатии интервьюера. Рефлексивный компонент беседы также имеет большое значение, поскольку благодаря адекватным вопросам, учитывающим позицию респондента, поток информации удается направлять и корректировать, тем самым порой выводя диалог на более высокий рефлексивный уровень.

Как вести интервью, чтобы добиться нужных результатов?

Далее перейдем к нескольким моим собственным методологическим наблюдениям. Но прежде важно оговорить: если использовать перечисленные коммуникативные приемы, качество интервью может улучшиться, однако их список далеко не исчерпывающий. Я исхожу из простого принципа: интервью — это всегда баланс между тем, что хочешь узнать ты, и тем, что хочет сказать собеседник. *Для меня*

наиболее продуктивными оказались следующие правила проведения интервью:

Условие 1. Развитая концентрация. Уметь не только слышать, но и критически осмысливать услышанное, делая выводы здесь и сейчас.

Условие 2. Симультанное слушание. Одновременно слушать и обдумывать следующий вопрос и контраргументы.

Условие 3. Статус второстепенного факта. Не пропускать мелочей. Второстепенные ассоциации бывают важнее для диагностики основного содержания, нежели развернутый ответ респондента.

Условие 4. Жестко придерживаться цели интервью и добиваться нужной информации с настойчивостью, даже в том случае, если интервьюируемый пытается переключить поток ассоциаций.

Вновь оговорюсь, что перечисленные условия получения нужной информации не единственные. Тем не менее, если интервьюер их придерживается, он способен получить материал, вполне пригодный для дальнейшего анализа.

Однако чего стоит избегать в процессе интервью? Я лишь поделюсь своими рекомендациями, но следить за ходом беседы и корректировать его ход Вы должны научиться самостоятельно, чтобы вовремя замечать, когда разговор идет не в том направлении. Возможно, представленные ниже принципы помогут Вам осознать и проанализировать собственные ошибки. **Итак, на мой взгляд, в процессе интервью не стоит:**

- Пытаться применить сразу все известные Вам техники ведения беседы, выбирайте технику уместно, с учетом интереса респондента и характера разворачивающегося диалога;
- Терять свое личностное начало, реагируя на статус и значительность кабинета интервьюируемого. Иногда это сложно, но умение приходит с опытом;
- Говорить исключительно на своем профессиональном языке. Респондент не обязан его понимать, а потому результатом подобной ошибки может быть отказ от интервью под благовидным предлогом;
- Ссылаться в качестве авторизации на информацию, полученную в других интервью. Это распространенная ошибка, однако, порой она может приводить к непредсказуемым последствиям. Система

отношений между руководителями администраций или ключевыми акторами бизнеса иногда наполнена скрытыми конфликтами, что может исказить доступные Вам данные.

Все сказанное в данном разделе о том, как следует вести интервью и как можно избежать ошибок, — это лишь общий набросок. В любом случае интервью — это процесс сотворчества двух участников диалога, в котором должны учитываться персональные особенности каждого из них.

Как добиться от респондента правдоподобной информации: уровень контроля и скрытые практики

Проблема, с которой сталкивался любой интервьюер, — это достоверность получаемой информации, ее правдоподобие, особенно, если учитывать, что элитные группы, представляющие власть или бизнес в регионах или городах, всегда действуют в собственных интересах и не склонны открываться перед теми, кто представляет Москву. Нередко столица видится им неоправданно обласканным городом, на который работает вся Россия. Поэтому в ходе интервью я стремилась уходить от социально одобряемых ответов респондентов за счет уточняющих вопросов. Полученная информация проверялась перекрестными вопросами, что позволяло снизить искажения, обусловленные стремлением соответствовать социальным ожиданиям.

В моей практике мне приходилось вести разные исследовательские проекты, которые я бы разделила на два типа: открытые и скрытые. Тема *открытых исследований* была изначально обговорена с участниками исследования или их руководителями, и первые вопросы интервью полностью ей соответствовали. По этой модели строились мои интервью с локальными элитами в разных российских городах. В рамках исследования «Власть в малом российском городе», в котором применялась теория городских режимов, был разработан гайд интервью, содержащий вопросы об иерархии влиятельных акторов, взаимодействии власти и бизнеса, командообразовании и др. При этом даже в открытом исследовании были вопросы, направленные на получение такой информации, которой информант не хотел делиться, например, о неформальных практиках взаимодействия внутри регионального парламента [28]. Нередко мне приходилось не выделять

подобные вопросы в отдельный блок, а задавать их по ходу разговора, когда респондент сам приближался в размышлениях к данной теме [25].

В случае открытого исследования, чтобы получить необходимую информацию, во вступительной беседе следует продемонстрировать респонденту высокий уровень знания проблемы, что помогает в дальнейшем избегать упрощенных оценок с его стороны и повышает качество интервью. Кроме того, во всех типах интервью важно сохранять максимальный интерес к респонденту и его оценкам, тем самым снижая уровень его психологического контроля за ходом разговора. Демонстрация интереса к респонденту может сопровождаться одобрительными реакциями, техникой «глаза в глаза», поддерживающей мимикой, что позволяет собеседнику почувствовать себя в диалоге комфортно и тем самым минимизирует стереотипные суждения, которые нередко возникают в беседе из-за опасения «сказать лишнее». Умение слушать всем телом, высокий темперамент слушания заставляют респондента забывать о необходимости скрывать информацию.

В некоторых случаях в открытых исследованиях я прибегала к модели «интервью на троих». Как правило, это позволяло «разговорить» нужного мне собеседника, который по какой-то причине был закрыт в общении. Приглашение еще одного участника к интервью аргументировалось мной как необходимость получения более конкретной цифровой информации и, как правило, не вызывало сопротивления основного информанта. Оно могло происходить как непосредственно в процессе интервью, так и до его начала. В том случае, если я подозревала, что будущий респондент не очень расположен вести разговор с исследователем из Москвы, я привлекала его коллегу как мотиватора, способного оживить диалог. Практика интервью на троих позволила мне убедиться в том, что иногда работа с двумя информантами гораздо продуктивнее, чем с одним. Тем не менее, ее результат может сильно зависеть от техники ведения интервью. Как показывает опыт, первым к обмену мнениями стоит пригласить наиболее мотивированного информанта, чтобы второй втянулся в разговор вслед за ним. Однако в том случае, если приглашенный информант ниже по статусу основного информанта, то первым делиться информацией по возможности должен более статусный респондент. Хотя из этого правила

бывают исключения, и привлечение менее статусного собеседника к разговору первым также оказывается рабочей техникой.

Другой тип исследований, в котором мне доводилось участвовать, — **это скрытые исследования**. Данный тип использовался при изучении таких сложных исследовательских направлений как неформальные платежи в российской медицине и образовании, когда проводились интервью с главными врачами медицинских учреждений, руководителями и профессурой вузов [26; 12]. В этом случае интервью обязательно начиналось с легенды и лишь позже переходило непосредственно к интересующей теме. В случае с неформальными платежами в медицине и образовании такой легендой был цикл вопросов о заработной плате и способах подработки, после чего плавно задавались вопросы о неформальных платежах. Такой переход воспринимался как естественный и не вызывал сопротивления респондентов. По технике исполнения это были самые сложные интервью, однако полученный таким образом исследовательский материал, по признанию коллег, был уникальным.

Я бы выделила ряд принципов, которые помогают получать информацию при изучении скрытых практик:

- Терпение и настойчивость. Как правило, респонденты переходят к теме не сразу;
- Доминирование эмпатичного слушания «всем телом» со стороны интервьюера;
- Минимизация моральных оценок, даже в том случае если кажется, что получаемая информация этого заслуживает;
- Защитная позиция в отношении нелегитимных практик;
- Апелляция к позиции экспертов;
- Просьба описывать практики, существующие в сообществе вообще, а не в конкретном учреждении.

Итак, в процессе интервью важно не просто получать информацию, но вести диалог так, чтобы респондент находился в комфортной для себя зоне и чувствовал себя компетентным в ответах на задаваемые вопросы. Именно в этом случае он не замечает, как переходит за границы того, что можно, а что нельзя говорить человеку с диктофоном. Важно стараться снизить гиперконтроль собеседника над собствен-

ными словами, но это требует от интервьюера умения демонстрировать повышенное внимание даже тогда, когда он слышит общераспространенные вещи, а это не всегда получается. В том случае, если интервьюеру это удастся, есть вероятность получить ценные материалы, которые продвинут исследователя в понимании изучаемой проблемы.

Элита бизнеса: модели взаимодействия интервьюера и интервьюируемого

Элита регионального и московского бизнеса — особая группа респондентов, перед которыми ученый с хорошим исследовательским багажом и сложившейся техникой ведения интервью может оказаться весьма беспомощен: бизнесмены склонны вести себя достаточно настороженно и закрыто, если не обеспечить им пространства для свободы мысли. Усталость от коммуникации — весьма распространенное состояние представителей этой группы элиты. Несмотря на то, что у бизнесменов, как ни у какой другой группы респондентов, сформировано уважение к слушателю, это спасает далеко не всегда: бизнесмены так ограничены во времени, что необходимо находить нетривиальные способы, чтобы удержать их в диалоге. Опишу те модели интервью, которые были апробированы мною в процессе работы с бизнес-элитой и оказались достаточно эффективными.

Модель № 1, Актуализационная. В первом случае исследователь позволяет собеседнику находиться в удобном для него режиме беседы и предоставляет ему в диалоге большую свободу, не прибегая к жесткой переориентации хода разговора. Фигура интервьюера располагается как бы на периферии. Как это ни парадоксально, респонденты из бизнес-элиты редко обсуждают собственную картину мира, «Я-концепцию» и свое самоощущение жизни. При общей усталости от коммуникации потребность «глубинного» общения и возможность взглянуть на себя самого, в случае достижения доверия, весьма успешно вовлекает бизнесменов в коммуникацию.

Реализация данной модели возможна при условии формулирования четких целей, для которых затевается интервью. Прагматичность является доминирующей чертой бизнесменов и распространяется на пространство беседы о себе. При этом такой тип разговоров бизнес-элиты, как правило, имеет рефлексивный характер и направлен на коррек-

тирование своего образа. Применение «актуализационной модели» при всей ее привлекательности возможно тогда, когда кроме «приятия и понимания» интервьюер способен демонстрировать в беседе не бытийный, любопытствующий или эмоциональный подход, а опыт работы с «внутренними» состояниями, предлагая неожиданные интерпретации внутренних позиций собеседника. Правда, в подобной помощи должна соблюдаться мера, и здесь важно промолчать, когда другой говорит о себе. Основной жанр этого типа интервью — игра пауз.

Любая моноконструкция в общении с бизнес-элитой быстро истощает диалог, он требует постоянного поиска, новых поворотов. Осознанно или нет, но чувствуя напряженность внутреннего поиска интервьюера, респондент подключается к этому процессу и переходит на тот же уровень мотивационной включенности. Иными словами, диалог будет настолько интересен, насколько интервьюер сможет запустить внутренний творческий процесс респондента. До тех пор, пока сотворчество не началось, сложно уйти от плоских логических конструкций и тривиальных суждений. Коммуникация с бизнес-элитой — это напряженное творчество. Остро ценящие свое время, такие партнеры по диалогу пытаются сразу же прочувствовать внутренний потенциал интервьюера и «отключаются» из коммуникации, если он их не удовлетворяет.

Модель № 2, «Другой взгляд». В противовес актуализационной, весьма эффективна, на мой взгляд, также такая модель диалога, в основе которой лежит техника «освежающей беседы», используемая в западном менеджменте [36]. Реализация подобного типа диалога задает коммуникации особую направленность, переводя ее в модус «спокойного противостояния». Такой переход дает собеседникам возможность поразмышлять о тех или иных явлениях с различных позиций. При этом порой интервьюер намеренно утрирует расхождение во взглядах. Эта конструкция диалога позволяет узнать контексты, оценить устойчивость подходов и глубину личностных стратегий. В этом случае интервьюеру важно демонстрировать заинтересованность в более глубоком погружении в тему и не пытаться психологически доминировать над собеседником. Партнер по диалогу, способный видеть события с разных ракурсов и оценивать увиденное в своей системе координат, разрушает внутреннюю моноконструкцию восприятия

другого, направляя процесс «умственного поиска» по нетривиальным путям. Однако, несмотря на то, что бизнесмены охотно включаются в подобный тип коммуникации, интервьюеру нужно уметь быстро переключаться с одной модели общения на другую.

Модель № 3, «Профессиональный интерес». Обычно бизнес-элита уважительно относится к профессионалам. Используя третью модель диалога, можно рассчитывать на весьма серьезное вовлечение собеседника в разговор. Парадокс, однако, заключается в том, что сначала необходимо завоевать «право на профессиональную позицию» в диалоге, постоянно уточняя природу и объект вашего интереса. Интервьюируемый, в свою очередь, осознанно или неосознанно оценивает ваш профессиональный уровень. Сформировав положительный образ партнера по диалогу, бизнесмены начинают говорить весьма охотно. Профессионалу интересен другой профессионал, если с его помощью он может добиться собственных целей. Приглашая бизнесменов к диалогу, Вы должны будете «оплатить» время, которое они затрачивают на эту встречу, собственной нетривиальностью, превратив разговор в интересное событие.

Модель № 4, «Личная история». Последняя модель интервью в известной степени повторяет актуализационную, но является более фокусированной. О личной профессиональной стратегии и жизненном пути бизнесмены обычно говорят довольно искренне. Складывается ощущение, что личные истории построения карьеры — **важная часть идентичности** бизнес-элиты. Одно лишь прикосновение к этой теме вызывает у бизнесменов живой отклик. Несмотря на известную склонность бизнесменов углубляться в воспоминания, я никогда не злоупотребляла возможностью поговорить о прошлом, предпочитая обсуждать вопросы настоящего и будущего.

Опыт «сотворчества» интервью с бизнес-элитой убедил меня в необходимости выработки индивидуальных стратегий ведения беседы. Это дает возможность каждый раз нащупывать «зоны преимущества» партнеров по диалогу, чтобы интервью не превратилось в очередной вынужденный разговор «на заданную тему». Естественно, я не могла не задумываться о том, насколько объективны суждения, которые я делаю на основании интервью, и насколько искренни в своих словах мои информанты. Оценить это непросто. Однако, могу предположить,

что бизнесмены, как правило, менее склонны к приукрашиванию, навязыванию своих взглядов, «самопредставлению», нежели политики или представители городской власти.

Как обрабатывать материалы интервью

Важно не только провести интервью с представителями элитных групп, но и правильно обработать их данные для дальнейшей аналитики. Это непростая задача, и я не могу утверждать, что справляюсь с ней так же хорошо, как с другими. Превращение интервью в материал, подходящий для анализа, — это процесс, который плохо поддается формализации. Отчасти это делается интуитивно, «на автомате», или напротив, предполагает много индивидуального творчества. Поэтому тем исследователям, которые прицельно интересуются техникой обработки материалов, я бы посоветовала обратиться к хорошим учебникам, где эта тема разбирается подробно [14; 18]. Я же расскажу об этом вкратце.

Часто ученые, работающие с материалами интервью, предпочитают машинную обработку материалов. Однако я на протяжении всей работы избегала подобной практики. Даже транскрипцию интервью я всегда делала самостоятельно, потому что именно так, по моему мнению, лучше запоминаются ключевые моменты разговора. Далее при прочтении текстов интервью я старалась «очистить» информацию от непреднамеренных субъективных искажений. Например, не учитывала позицию, от которой интервьюируемый впоследствии отказался, уточнив свои слова. Затем тексты интервью разбивались мною на тематические блоки, в зависимости от полученной информации и целей исследования. Как правило, я делила расшифровки на две части: запланированные темы и темы незапланированные, возникшие спонтанно в процессе интервью. Потом я суммировала высказывания тематически, что давало мне возможность в дальнейшем анализировать всю палитру суждений. Я учитывала как позитивные, так и негативные комментарии респондентов, обращаясь к технике «экспертиза над экспертизой», то есть, не просто пересказывая точки зрения информантов, но и давая им экспертную оценку с учетом мотивации говорящего. Особое внимание я всегда уделяла нетипичным позициям, стараясь дать им объяснение.

Есть еще один важный момент, о котором я хочу сказать отдельно. Это так называемый «маленький факт». Казалось бы, его статус в ходе исследования невелик и, как правило, его относят к группе артефактов. Однако я убеждена, что иногда маленький факт имеет огромное значение для интервью в целом и позволяет кардинально переосмыслить слова собеседника, а также понять его характер.

Итак, массив высказанных в ходе интервью суждений нуждается в развернутом анализе, типологизации, концептуальной интерпретации и системном анализе. Уровень обработки качественных данных будет тем выше, чем менее стереотипным будет Ваш подход к анализу результатов.

МЕТОД ИНТЕРВЬЮ: НАУКА ИЛИ ИСКУССТВО? ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Где бы я ни читала лекции про технику интервью, мне всегда задают один и тот же вопрос: метод интервью строится на научной основе или это искусство? Мой ответ неизменен: интервью — это искусство, которое не может существовать без научных опор. Для проведения интервью требуется высокий уровень креативности, который наиболее ярко проявляется в искусстве, однако в данном случае креативность не должна выходить за заданные рамки. Интервью одновременно требует драйва, четко выраженной профессиональной позиции, хорошего знания проблемных точек и неподдельного интереса к собеседнику. Одной креативности здесь недостаточно, нужен экспертный взгляд, который формируется благодаря опыту и предполагает высокую мотивированность интервьюера разобраться в происходящем. Профессиональная мотивация, в свою очередь, формируется под влиянием многих факторов, но во многом обусловлена желанием провести глубокий анализ проблемы, невозможный вне науки, для которой изучение общих социальных закономерностей является ключевой целью.

Какими качествами должен обладать интервьюер, чтобы рискнуть работать методом интервью? На этот вопрос сложно дать однозначный ответ. Однако можно сказать, **без каких качеств провести хорошее интервью будет трудно:**

- Экспертное знание изучаемой проблемы;
- Высокий уровень эмпатии, умение слушать и слышать собеседника, выраженный темперамент слушания;

- Предельная концентрация и быстрое реагирование, способность моментально перестраиваться с одной темы на другую;
- Сила желания, высокая мотивация.

Отсюда вывод — чтобы интервью получилось, надо хорошо понимать свои психологические преимущества и ограничения. Стоит понимать, что не все нужные качества есть у интервьюера в начале его / ее профессионального пути. Иногда надо провести достаточно большое количество интервью, чтобы сказать себе — у меня это получается. Однако мой совет: **прежде чем начинать работу с использованием этого сложного метода, нужно честно ответить себе на вопросы:**

Вопрос 1. Можно ли сделать то, что я хочу, без интервью?

Вопрос 2. Готов(а) ли я вести интервью завтра?

Вопрос 3. Каковы мои личные ограничения для того, чтобы работать этим методом?

В заключение отмечу, если кто-то после прочтения этой статьи загорится желанием использовать метод интервью в своих исследованиях, я буду считать, что поставленная мною цель достигнута. И если кто-то, взвесив свои возможности, напротив, откажется от интервью в своих исследованиях, то я также буду считать, что проделанный мной анализ не был бесполезным.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирикова Алла Евгеньевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник. Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7(499)127-59-57. **Электронная почта:** chirikova_a@mail.ru.

Research Article

ALLA E. CHIRIKOVA¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS

5, korpus 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russia

INTERVIEW METHOD IN STUDYING ELITE GROUPS: POWER AND BUSINESS

Abstract. This article is devoted to the methodological problem of using the interview method in sociological research of elite groups. The paper provides a brief historiographical overview of the works of foreign and domestic sociologists who

studied elite groups through interviews in the 20th and 21st centuries, and outlines the author's own methodological developments regarding the preparation of guides, access to respondents, and interview techniques with various elite representatives (officials and businessmen). The article summarizes the experience of more than 1,000 interviews conducted by the author in different years while studying Moscow, regional and local elites. The interviews conducted with closed elite groups have shown that obtaining reliable information from current government and business actors is far from a straightforward process. It requires a special technique to achieve accurate information. Communication with elite groups is often accompanied by conscious or unconscious distortions in describing everyday practices. On the one hand, these distortions are caused by the habit of elite groups to communicate with the media and demonstrate in this communication an exclusively positive picture of what is happening in government and business. On the other hand, they may be caused by an unwillingness to answer uncomfortable questions (for example, about informal practices of interaction within elite groups). In this article, the author describes techniques that allow interviewers to hold the attention of representatives of different elite groups, minimize stereotypical judgments and penetrate deeper into the everyday practices of managing regional and urban development, as well as business processes.

Keywords: interview method, local elites, business elite, interview techniques, processing interview materials.

For citation: Chirikova A.E. Interview method in the study of elite groups: power and business. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 7–37. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.1>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla E. Chirikova — Doctor of Sociology, main research fellow. Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 127-59-57. **E-mail:** chirikova_a@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Атватер И. Я вас слушаю...: Советы руководителю, как правильно слушать собеседника.* М.: Экономика, 1984. 111 с.
Atvater I. I hear you: how to use listening skills for profit [Russ. ed.: *Ja vas slushaju...: Sovety rukovoditelju, kak pravil'no slushat' sobesednika*. Moscow: Ekonomika, 1984. 111 p.]
2. *Барсукова С.Ю. Сращивание теневой экономики и теневой политики // Мир России: социология, этнология.* 2006. Т. 15. № 3. С. 158–179. EDN: HUBUVZ

- Barsukova S.Ju. The fusion of the shadow economy and shadow politics. *Mir Rossii: sociologija, etnologija*. 2006. Vol. 15. No. 3. P. 158–179. (In Russ.)
3. Белановский С. Глубокое интервью и фокус-группы. Изд. 3-е, перераб. М.: Директ-Медиа, 2022. 456 с.
Belanovsky S. *Glubokoe interv'ju i fokus-gruppy*. Izd. 3-e, pererab [In-depth interviews and focus groups. 3rd edition, revised]. Moscow: Direkt-Media, 2022. 456 p. (In Russ.)
 4. Белановский С.А. Репрезентативность качественных опросов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 69–94.
<https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.4>. EDN: BFQZVX
Belanovsky S.A. Representativeness of qualitative surveys. *Interakcija. Interv'ju. Interpretacija*. 2023. Vol. 15. No. 1. P. 69–94.
<https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.4> (In Russ.)
 5. Белановский С.А. Сравнительный анализ свободного и формализованного интервью в социально-экономических исследованиях // Сравнительный анализ и методики социологических исследований / Ред. В.Г. Андреенков, С.М. Маслова. М.: Институт Социологии РАН, 1989. С. 121–141.
Belanovsky S.A. *Comparative analysis of free and formalized interviews in socio-economic research. Sravnitel'nyj analiz i metodiki sociologicheskikh issledovanij* [Comparative analysis and methodologies of sociological research]. Ed. by V.G. Andreenkov, S.M. Maslova. Moscow: ISRAS, 1989. P. 121–141. (In Russ.)
 6. Бунин И. Бизнес в России. 40 историй успеха. М.: Издательство Око, 1994. 319 с.
Bunin I. *Biznes v Rossii. 40 istorij uspeha* [Business in Russia. 40 stories of success]. Moscow: Izdatel'stvo Oko, 1994. 319 p. (In Russ.)
 7. Ваньке А.В., Полухина Е.В., Стрельникова А.В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2020. 256 с.
Vanke A., Polukhina E.V., Strelnikova A.V. *Kak sobrat' dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to collect data in qualitative field research]. Moscow: HSE publ., 2020. 256 p. (In Russ.)
 8. Васильева М.Н. Использование мягких интервью в социологии (на примере изучения социо-ментальных систем). Автореф. дис. канд. социол. н.: 22.00.01. М.: МГУ, 1997. 18 с.
Vasilyeva M.N. *Ispol'zovanie mjagkih interv'ju v sociologii (na primere izuchenija socio-mental'nyh system)* [The use of soft interviews in sociology (based on the study of socio-mental systems): Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sociology: 22.00.01]. Moscow: Moscow State University publ., 1997. 18 p. (In Russ.)

9. Воронков В. От объяснения к пониманию: в развитие дискуссии // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 5. С. 43–44. EDN: PHHDGL
Vorontkov V. From explanation to understanding: in development of the discussion. *Teleskop: nabljudenija za povsednevnoj zhizn'ju peterburzhcev*. 2004. No. 5. P. 43–44. (In Russ.)
10. Воронков В. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // Неприкосновенный запас. 2004. № 3 (35). С. 23–26.
Vorontkov V. This crazy, crazy, crazy quantitative world. *Neprikosnovennyy zapas*. 2004. No. 3 (35). P. 23–26. (In Russ.)
11. Воронков В. Чему альтернативна «альтернативная» социология? // Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений / Ред. В. Куренной. М.: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии», 2006. С. 221–230.
Vorontkov V. What is an alternative to “alternative” sociology? *Mysl'jashhaja Rossiya: Kartografija sovremennyh intellektual'nyh napravlenij* [Thinking Russia: Cartography of contemporary intellectual trends]. Ed. by V. Kurennoj. Moscow: Nekommercheskij fond «Nasledie Evrazii», 2006. P. 221–230. (In Russ.)
12. Высшее образование в России: правила и реальность / Ред. С.В. Шишкин. М.: Независимый институт социальной политики, 2004. 205 с.
Vysshee obrazovanie v Rossii: pravila i real'nost' [Higher education in Russia: rules and reality]. Ed. by S.V. Shishkin. Moscow: Nezavisimyj institut social'noj politiki, 2004. 205 p. (In Russ.)
13. Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: Сб. научн. ст. / Ред. Е. Здравомыслова, А. Темкина. СПб.: Центр Независимых Социальных Исследований, 1996. 81 с.
Gendernoe izmerenie social'noj i politicheskoy aktivnosti v perehodnyj period. *Sb. nauchn. statej* [Gender dimension of social and political activity in the transition period. Collection of scientific articles]. Ed. by E. Zdravomyslova, A. Temkina. St. Petersburg: Centr Nezavisimyh Social'nyh Issledovanij, 1996. 81 p. (In Russ.)
14. Лукина М.М. Технология интервью. Учебное пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2003. 191 с.
Lukina M.M. *Tehnologija interv'ju. Uchebnoe posobie dlja zhurnalistov* [Interview technology. A training manual for journalists]. Moscow: Aspekt-Press, 2003. 191 p. (In Russ.)
15. Микуйский К.И., Бабаева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А., Чирикова А.Е. Российская элита: опыт социологического анализа. Ч. 1. Концепция и методы исследования. М.: Наука, 1995. 39, [2] с.

- Mikulsky K.I., Babaeva L.V., Tarshis E.Ya., Reznichenko L.A., Chirikova A.E. *Rossijskaja elita: opyt sociologicheskogo analiza. Chast' 1. Konceptcija i metody issledovanija* [Russian elite: an experience of sociological analysis. Part 1. Concept and research methods]. Moscow: Nauka, 1995. 39, [2] p. (In Russ.)
16. *Оберемко О.А., Терентьева Н.Н.* Фокусированное интервью по Роберту Мертону: особенности и критерии эффективности метода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 74–90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04>. EDN: ZYHYL
Oberemko O.A., Terenteva N.N. Focused interview according to Robert Merton: features and criteria of quality. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2018. No. 6. P. 74–90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.04> (In Russ.)
 17. *Погосян Г.А.* Метод интервью и достоверность социологической информации. Ереван: Институт философии и права, 1985. 142 с.
Pogosyan G.A. *Metod interv'ju i dostovernost' sociologicheskoy informacii* [Interview method and reliability of sociological information]. Yerevan: Institut filosofii i prava, 1985. 142 p. (In Russ.)
 18. Практики анализа качественных данных в социальных науках: учеб. пособие / Ред. Е.В. Полухина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 383 с.
Praktiki analiza kachestvennyh dannyh v social'nyh naukah: ucheb. posobie [Practices of qualitative data analysis in social sciences: a manual]. Ed. by E.V. Polukhina. Moscow: HSE publ., 2023. 383 p. (In Russ.)
 19. *Радаев В.* Кому принадлежит власть на потребительских рынках: Отношения розничных сетей и поставщиков в современной России. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2011. 383 с.
Radaev V. *Komu prinadlezhit vlast' na potrebitel'skih rynkah: Otnoshenija roznichnyh setej i postavshhikov v sovremennoj Rossii* [Who holds power in consumer markets: Relations between retail chains and suppliers in modern Russia]. Moscow: HSE publ., 2011. 383 p. (In Russ.)
 20. *Рождественская Е.Ю.* Интервьюируя элиту и селебрити: сравнительный анализ возможностей и ограничений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5 (165). С. 64–91. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1988>. EDN: FKBUMP
Rozhdestvenskaya E.Y. Interviewing the elite and celebrities: A comparative analysis of methodological opportunities and limitations. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2021. No. 5 (165). P. 64–91. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1988> (In Russ.)

21. Рождественская Е.Ю. Словами и телом: травма, нарратив, биография // Травма: Пункты: Сб. ст. / Ред. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 108–132.
Rozhdestvenskaya E.Yu. With words and body: trauma, narrative, biography. *Travma: Punkty: sbornik statej* [Trauma: Points: collection of articles]. Ed. by S. Ushakin, E. Trubina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. P. 108–132. (In Russ.)
22. Савинская О.Б. Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 122–131. EDN: IJAHSR
Savinskaya O.B. Subjectivity in qualitative research: new approaches. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2007. No. 10. P. 122–131. (In Russ.)
23. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Добросвет, 1998. 289 с.
Semenova V.V. *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sociologiju. Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov* [Qualitative methods: introduction to humanistic sociology. Textbook for university students]. Moscow: Dobrosvet, 1998. 289 p. (In Russ.)
24. Семенова В.В. Эвристический потенциал качественной методологии в современной российской социологии: Дис. ... доктор социол. н.: 22.00.01. М., 2000. 272 с.
Semenova V.V. *Evristsicheskii potentsial kachestvennoi metodologii v sovremennoi rossiiskoi sotsiologii: Dis. ... Doctor social. n.: 22.00.01* [Heuristic potential of qualitative methodology in modern Russian sociology: Dissertation for the degree of Doctor of Sociology: 22.00.01] Moscow, 2000. 272 p. (In Russ.)
25. Социальные неравенства и социальная политика в современной России / Ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука, 2008. 423 с.
Social'nye neravenstva i social'naja politika v sovremennoj Rossii [Social inequalities and social policy in modern Russia]. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Nauka, 2008. 423 p. (In Russ.)
26. Шишкин С.В., Богатова Т.В., Потапчик Е.Г., Чернец В.А., Чирикова А.Е., Шилова Л.С. Неформальные платежи за медицинскую помощь в России. М.: МОНФ, 2003. 168 с.
Shishkin S.V., Bogatova T.V., Potapchik E.G., Chernets V.A., Chirikova A.E., Shilova L.S. *Neformal'nye platezhi za medicinskuyu pomoshh' v Rossii* [Informal payments for medical care in Russia]. Moscow: MONF, 2003. 168 p. (In Russ.)
27. Чирикова А.Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М.: Институт социологии РАН, 1997. 201 с.

- Chirikova A.E. *Lidery rossijskogo predprinimatel'stva: mentalitet, smysly, cennosti* [Leaders of Russian entrepreneurship: mentality, meanings, values]. Moscow: ISRAS, 1997. 201 p. (In Russ.)
28. Чирикова А.Е. Региональные парламенты: ресурсный потенциал и неформальные правила политической игры // Власть и элиты в российской трансформации / Ред. А.В. Дука. Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2005. С. 194–222.
Chirikova A.E. Regional parliaments: resource potential and informal rules of the political game. *Vlast' i elity v rossijskoj transformacii* [Power and elites in the Russian transformation]. Ed. by A.V. Duka. Saint-Petersburg: Intersocis, 2005. P. 194–222. (In Russ.)
 29. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. 416 с.
Chirikova A.E., Ledyayev V.G. *Vlast' v malom rossijskom gorode* [Governance in Russian town]. Moscow: HSE publ., 2017. 416 p. (In Russ.)
 30. Aberbach J.D., Rockman B.A. Conducting and coding elite interviews. *PS: Political Science and Politics*. 2002. Vol. 35. No. 4. P. 673–676.
<https://doi.org/10.1017/S1049096502001142>
 31. Beamer G. Elite interviews and state politics research. *State politics & policy quarterly*. 2002. Vol. 2. No. 1. P. 86–96. <https://doi.org/10.1177/153244000200200106>
 32. Berry J.M. Validity and reliability issues in elite interviewing. *PS: Political science and politics*. 2002. Vol. 35. No. 4. P. 679–682.
<https://doi.org/10.1017/S1049096502001166>
 33. Cochrane A. Illusions of power: Interviewing local elites. *Environment and Planning A*. 1998. Vol. 30. No. 12. P. 2121–2132. <https://doi.org/10.1068/a302121>
 34. Goldstein K. Getting in the door: Sampling and completing elite interviews. *PS: Political science and politics*. 2002. Vol. 35. No. 4. P. 669–672.
<https://doi.org/10.1017/S1049096502001130>
 35. Harvey W.S. Methodological approaches for interviewing elites. *Geography compass*. 2010. Vol. 4. No. 3. P. 193–205.
<https://doi.org/10.1111/j.1749-8198.2009.00313.x>
 36. Hirschhorn L. *The workplace within: Psychodynamics of organizational life*. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. 278 p.
 37. Hunt W.H., Crane W.W., Wahlke J.C. Interviewing political elites in cross-cultural comparative research. *American journal of sociology*. 1964. Vol. 70. No. 1. P. 59–68.
 38. Kincaid H.V., Bright M. Interviewing the business elite. *American journal of sociology*. 1957. Vol. 63. No. 3. P. 304–311. <https://doi.org/10.1086/222223>

39. Leech B.L. Interview methods in political science. *PS: Political science and politics*. 2002. Vol. 35. No. 4. P. 663–664.
<https://doi.org/10.1017/S1049096502001117>
40. Lilleker D.G. Interviewing the political elite: Navigating a potential minefield. *Politics*. 2003. Vol. 23. No. 3. P. 207–214.
<https://doi.org/10.1111/1467-9256.00198>
41. Peabody R.L. et al. Interviewing political elites. *PS: Political science and politics*. 1990. Vol. 23. No. 3. P. 451–455. <https://doi.org/10.2307/419807>
42. Richards D. Elite interviewing: Approaches and pitfalls. *Politics*. 1996. Vol. 16. No. 3. P. 199–204. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9256.1996.tb00039.x>
43. Rivera S.W., Kozyreva P.M., Sarovskii E.G. Interviewing political elites: Lessons from Russia. *PS: Political science and politics*. 2002. Vol. 35. No. 4. P. 683–688.
<https://doi.org/10.1017/S1049096502001178>
44. Thomas R.J. Interviewing important people in big companies. *Journal of contemporary ethnography*. 1993. Vol. 22. No. 1. P. 80–96.
<https://doi.org/10.1177/089124193022001006>
45. White S. Kryshstanovskaia O., Kukolev I., Mawdsley E., Saldin P. Interviewing the Soviet elite. *The Russian review*. 1996. Vol. 55. No. 2. P. 309–316.
<https://doi.org/10.2307/131843>
46. Woliver L.R. Ethical dilemmas in personal interviewing. *PS: Political science and politics*. 2002. Vol. 35. No. 4. P. 677–678.
<https://doi.org/10.1017/S1049096502001154>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.2>.

EDN: OGDUXA

*А.С. БЫСТРОВА¹,
В.Д. ДМИТРИЕВА¹,
А.В. ДУКА¹,
Н.В. КОЛЕСНИК^{1, 2},
Д.Б. ТЕВ¹*

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия 199106, Санкт-Петербург, 25 линия Васильевского острова, д. 6.

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется концепция структуры политических возможностей и оценивается ее объяснительный потенциал в исследованиях рекрутирования политической элиты. Рассматриваются такие составляющие структуры политических возможностей, как размер legislatures, особенности эволюции региональных избирательных систем, профессионализация законодательных позиций, характер взаимоотношений федерального центра и региональной власти, а также исполнительной и представительной властей региона. Объектом исследования выступают политические элиты десяти российских регионов. На основании анализа биографической базы данных, собранной за период 2005–2021 гг., авторы изучают влияние перечисленных выше факторов на бас-

сейн рекрутирования депутатов законодательных органов субъектов РФ. В частности, показано, что относительная малочисленность региональных легислатур способствует социальной закрытости депутатского корпуса, доминированию в нем выходцев из привилегированных социально-профессиональных групп. Непрофессиональный (любительский) характер большинства депутатских позиций, как и плюральная избирательная система, благоприятствует плутократизации политической элиты. В свою очередь, контроль губернаторов над представительной властью может проявляться в рекрутировании спикеров и других руководителей легислатур из регионального чиновничества. В исследовании учитываются региональный, культурный и социально-структурный контексты рекрутирования на властные позиции. Особое внимание уделяется специфике карьерных траекторий и проблематике гендерного дисбаланса во властных структурах. Анализ эмпирического материала позволяет не только проиллюстрировать выдвигаемые теоретические положения, но и проверить практическую применимость концепции структуры политических возможностей.

Ключевые слова: политические элиты, рекрутирование элит, гендер, структура политических возможностей, региональные избирательные системы, карьера, гендерный дисбаланс.

Для цитирования: Быстрова А.С., Дмитриева В.Д., Дука А.В., Колесник Н.В., Тев Д.Б. Структура политических возможностей и источники рекрутирования региональной политической элиты России // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 2. С. 38–109.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.2>. EDN: OGDUXA

ФАКТОРЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ И СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Факторы элитной (в частности, законодательной) карьеры и рекрутирования на властные, в т.ч. парламентские позиции многообразны. В качестве объясняющих факторов исследователи анализировали как персональные, так и структурные и контекстные характеристики. Первые долгое время были доминирующими. Причем теоретические схемы зачастую подтверждались эмпирическими исследованиями или наблюдениями. Так, суждение Г. Моска о том, что «за исключением коротких периодов насильственной революции, личные качества

всегда менее важны для достижения высших позиций в жизни, чем рождение или семья» [111, р. 123, 260–261], в значительной мере отражало устойчивые траектории восхождения по социальной лестнице в европейских традиционных и ранних современных обществах (первое издание книги вышло в 1896 г.). Гарольд Лассуэлл рассматривал элитное происхождение в качестве важного фактора продвижения наверх: «Среди незлиты мы можем выделить индивидов, которые позже станут элитой, или тех, кому, по-видимому, суждено войти в элитный класс. Мы говорим о них как о предэлите. Хотя установленные курсы подготовки могут включать военные, дипломатические и гражданские должности для всех, предэлитная персона обычно может рассчитывать на гораздо более длительный период времени на каждом уровне и претендовать на получение высших должностей гораздо позже, чем лица элитного происхождения» [109, р. 127].

Отдавая должное родственным связям, В. Гутсман расширяет набор факторов карьерного продвижения: «Анализ *cursus honorum*¹ в политической элите показал, как хороший и ранний старт, материальная независимость, ранг и родственники помогли мужчинам подняться в политике» [99, р. 371]. В эпоху капитализма возможность стать членом элитного сообщества и достичь значимой позиции стала связываться с индивидуальными особенностями личности. Так, Х. Элау с коллегами на основе интервью с американскими законодателями четырех штатов выделяли несколько важных характеристик, способствующих успешному продвижению в верхние слои общества: знание политических технологий, вовлеченность в политику, гражданская позиция и преданность государству, политические амбиции, политическая «пригодность». Эти факторы были объединены исследователями в категорию «карьерные навыки» (*career skills*). При этом исследователи упомянули, что в разных штатах значение для карьерного роста имеют различные навыки, способности и квалификация [93, р. 232]. Существенную роль также играют «карьерное спонсорство» и «карьерные возможности».

¹ «Путь чести» — в Древнем Риме последовательность магистратур, через которые проходила карьера политиков сенаторского ранга. В данном случае автор использует этот термин по аналогии, что достаточно распространено в англо-американской литературе.

Как пишут авторы, «под “возможностью” мы понимаем конкретные обстоятельства, которые необходимо использовать по мере их возникновения, случайно или нет, а не выгодное положение в социальной структуре. В некотором смысле, конечно, распознавание и использование возможностей сами по себе являются навыками, которые отличают политика от обычного гражданина. Но возможности в том виде, в каком они были задуманы, по сути, зависят от ситуации, в которой осуществляется политическая карьера» [93, р. 235]. Такая субъективизация размывала в духе методологического индивидуализма грань между персональным и структурным и не позволяла проводить более тонкий анализ процесса рекрутирования политической элиты.

Остается еще вопрос о личной мотивации индивида при совершении выбора заняться политикой. Здесь нам видятся значимыми два аспекта. Во-первых, собственно мотивация продвижения в публичной сфере. В научной литературе показано разнообразие побуждений такого рода активности [108, р. 102; 21, с. 405–406; 46, с. 57–62; 60, с. 210]. Во-вторых, набор факторов, стимулирующих инициативу и упорство в карьерном продвижении. Исследование Э. Рекки показало, что «в итальянском случае на самостоятельный выбор начальных должностей в политической карьере влияли: (а) пол (политика воспринимается как типично мужское занятие), (б) наличие образовательной и/или профессиональной «страховки» от возможных карьерных неудач, (с) включенность в политический мир членов семьи, обеспечивающих модель идентичности для политической работы, и (d) предшествующая привязанность к спонсору, который может способствовать политическому использованию (е) большого объема социального капитала» [114]. Конечно, со времени проведения исследования Рекки кое-что изменилось, и ситуация в разных странах неодинакова. Тем не менее указанные факторы могут быть существенными при анализе индивидуального продвижения человека, ищущего политической карьеры. В более общем плане в литературе указывается, что существенное значение для мотивации достижения имеют социокультурная среда, структура семьи, влияние родителей [74, с. 175–199]. Кроме того, мотивация к участию — в данном случае политическому и управленческому — усложняется психосоциологическими парадоксами, которые могут сдерживать индивидов [83, р. 555].

Удачным структурированием разнообразных факторов индивидуального политического продвижения на элитные позиции можно считать модель элитного рекрутирования Б. Харасимива, стремящегося учесть разноуровневые механизмы и акторов, участвующих в данном процессе [100; 101]. Он выделяет две группы факторов рекрутирования на элитную позицию: «толкающие», действующие «снизу», со стороны претендента на нее, и «вытягивающие», действующие «сверху», со стороны производящих отбор персон и инстанций. В первую группу автор помещает профессиональную роль, социальный статус, мотивацию и пр., а во вторую — покровительство (связи), структуру политических возможностей, предпочтения селектората и пр. В этой классификации замечен определенный перекося в сторону субъективных, персонализированных оснований со стороны селекционных инстанций. Однако следует иметь в виду и институционализированность позиций отбирающих и «вытягивающих» персон. Сами эти персоны не случайны, а включены в систему институциональных взаимоотношений и структурно-функциональных требований к рекрутируемым индивидам. Использование модели Харасимива целесообразно, в частности, потому, что позволяет проанализировать, как та или иная социально-профессиональная позиция (например, регионального чиновника или бизнесмена) и сопряженные с ней ресурсы, компетенции и интересы влияют на возможности продвижения занимающей ее персоны на депутатские позиции, включая руководящие должности в легислатуре.

Особое значение в качестве фактора рекрутирования имеет «структура политических возможностей». Как писал Дж. Шлезингер, амбиции, которые «лежат в сердце политики» [120, р. 1], проявляются внутри данной структуры возможностей, формирующей карьерные выборы. Исследователь специально отмечал: «Я не включаю в структуру политических возможностей все возможности, которые открываются перед политиком. Особенно важно различать социальные и политические возможности» [120, р. 11]. Структура возможностей, по сути, представляет собой институциональную и политическую среду, в рамках которой индивид планирует свою карьеру. Согласно Й. Борхерту, она может быть аналитически разделена на четыре аспекта: структуру государства, структуру политических институтов, струк-

туру представительства и структуру политических организаций [83, р. 123]. Борхерт также отмечает, что, с точки зрения амбициозного претендента, институциональная структура возможностей может выражаться в наличии определенных должностей, их доступности (относительной легкости, с которой их можно получить) и привлекательности (то есть той власти, престижа, дохода, возможностей карьерного роста и других благ, которые эти посты предоставляют) [83, р. 121–123]. Сложные взаимодействия между тремя этими характеристиками, заданными структурой возможностей, являются основой индивидуальных расчетов, которые взвешивают относительные издержки и выгоды баллотирования на определенную должность [83, р. 123], в частности, на позицию в региональной легислатуре. И не следует забывать, что несмотря на то, что институциональные построения могут подталкивать искателей элитных позиций к активным действиям, они же «дают пищу для неосуществимых стремлений» [13, с. 196]. Ресурсное обеспечение стремлений очевидно неравномерно распределено [16].

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в условиях разных политических режимов качественное состояние структуры политических возможностей кардинально различается. Более того, включение механизма авторитарной консолидации может значительно ограничить функционирование ряда институтов и организаций [32]. Состояние общества — в условиях социальных потрясений или в относительно спокойное («нормальное») время — задает характеристики политической циркуляции и, как следствие, специфику возможностей для выходцев из различных социальных групп [64, с. 441–450]. Если рассматривать ситуацию в общем социальном плане, существенно, что структурные и институциональные характеристики конкретного общества снижают или усиливают возможности восходящей мобильности. Сравнительное исследование структуры возможностей ФРГ и ГДР показало значимые различия, что связано с особенностями социально-профессиональной структуры, политическим контекстом, межпоколенческими отношениями, включая конкуренцию за социальные позиции [50].

В дальнейшем мы соотнесем параметры структуры институциональных политических возможностей с результатами наших иссле-

дований по десяти российским регионам. Эмпирическим основанием этих исследований является биографическая база данных, собираемая с 2005 г. Она формируется с применением структурно-биографического метода. Обозначенный метод сбора и анализа информации позволяет установить взаимосвязь между структурой региональных элит и биографией персон, образующих элитные группы [12, с. 158]. Стратегия исследования включала сбор биографических сведений, размещенных в открытых источниках. Из полученного массива данных выделялась релевантная для исследовательских задач информация, которая вносилась в структурированные биографические анкеты. Далее производились кодировка и ввод данных для последующей обработки в статистическом пакете SPSS. В итоге нами была получена база данных по десяти субъектам РФ, среди которых Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ростовская область, Калининградская область, Костромская область, Хабаровский край, Москва, Новосибирская область, Ставропольский край и Республика Дагестан. Отбор регионов производился на основании комбинированной стратегии «наибольшего сходства» и «наибольшего различия» [12, с. 142–143]. Всего в базе данных 3035 наблюдений, из которых 1816 приходится на политиков, и 181 переменная, которая позволяет закодировать широкий спектр параметров (от социально-демографических до профессиональных), необходимый для изучения таких проблематик, как бассейн рекрутирования региональных элит, их карьерные траектории и пр.

Для предотвращения теоретической путаницы и недопонимания следует сказать, что рассматриваемый подход при сходстве названий и некоторых важных оснований отличается от идущей от Питера Эйзенгера и Сиднея Тэрроу концепции структуры политических возможностей, применяемой при анализе общественных движений и протестной активности [31].

РАЗМЕР РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУР И ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Структура, характер и роль legislatures в обществе задает направление как процесса рекрутирования, так и его анализа [121, р. 627]. Количество потенциально доступных властных позиций (должностей),

«размер структуры возможностей» [119, р. 20] — одна из основных характеристик структуры политических возможностей [83; 118, р. 14]. Говоря в этом смысле о постсоветских региональных легислатурах, нужно отметить, что, в целом, они являются довольно компактными представительными органами, в сравнении, например, с предшествовавшими им советами народных депутатов. При этом численность депутатского корпуса, как соотношение между ней и численностью населения субъекта федерации, сильно варьируется в региональном разрезе. До 2010 г. количество региональных депутатов устанавливалось только конституциями и уставами субъектов РФ и весьма существенно различалось. По состоянию на 2009 г., самым многочисленным был представительный орган Тывы (162 депутата), а самым малочисленным — парламент Ненецкого автономного округа (НАО) (11 депутатов). В 2010 г. был утвержден действующий и поныне единый критерий численности депутатов региональных парламентов, предусматривающий наличие от 15 до 50 депутатов в регионах с населением менее 0,5 млн человек, от 25 до 70 депутатов в регионах с населением от 0,5 до 1 млн, от 35 до 90 депутатов в регионах, где проживают от 1 до 2 млн и от 45 до 110 депутатов в регионах с населением свыше 2 млн¹. В настоящее время наибольшее количество депутатов в Государственном собрании Башкортостана (110 чел.), а наименьшее — в Думе Чукотского автономного округа (ЧАО) (15 чел.). Несмотря на федеральное регулирование, показатель количества жителей на одного депутата очень сильно варьируется: в 2019 г. он составлял от 2 315 человек в НАО до 277 921 чел. в Москве². В определенной степени такое различие связано, во-первых, с возможностью групп интересов и гражданского общества в субъектах федерации влиять

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // КонсультантПлюс [электронный ресурс]. Дата обращения 18.07.2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/

² Исаченко С. Сколько депутатов в России? // Рестра. 08.04.2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 18.07.2023. URL: <https://restra.net/single-post/skolko-v-rossii-deputatov>

на институциональный дизайн структур власти, во-вторых, с тем, насколько инстанции и группы, принимающие решения, заинтересованы во включении в региональный публичный политический процесс внеэлитных акторов (что связано с некоторой транспарентностью), в-третьих, с наличием эффективных неформальных непубличных коммуникационных каналов согласования интересов между элитами и иными акторами.

Велика степень вариативности и между 10 рассматриваемыми в нашем исследовании регионами (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

**Количество депутатов региональных legislatures,
 численность населения и количество жителей,
 приходящихся на одного депутата, чел.**

*Number of regional legislature deputies, population size
 and number of residents per deputy, persons*

Субъект РФ	Количество депутатов региональной легислатуры	Численность населения (на 1 января 2023 г.)	Количество жителей на одного депутата
Республика Дагестан	90	3 209 781	35 664
Ставропольский край	50	2 891 204	57 824
Хабаровский край	36	1 284 090	35 669
Калининградская область	40	1 032 343	25 809
Костромская область	35	571 900	16 340
Новосибирская область	76	2 794 266	36 767
Ленинградская область	50	2 023 767	40 475
Ростовская область	60	4 164 547	69 409
Москва	45	13 104 177	29 1204
Санкт-Петербург	50	5 600 044	112 001

Как видим, среди исследуемых регионов лидером по числу депутатов на население является Костромская область, а аутсайдером — Москва.

Какое значение количество властных позиций в региональных легислатурах и, что важнее, их соотношение с численностью населения могут иметь с точки зрения особенностей бассейна рекрутирования законодателей? Можно предположить, что при прочих равных условиях чем меньше таких потенциально доступных позиций в органе представительной власти, чем выше соотношение между численностью населения и количеством депутатов, тем острее должна быть конкуренция за парламентские должности, тем больше ресурсов должно требоваться для их получения, тем более узким должен быть доступ к ним и, как следствие, тем более социально эксклюзивным и привилегированным должен быть состав тех, кто занимает властные позиции. В этой связи показательно, что депутатскому корпусу региональных легислатур (которые, как уже было отмечено, довольно компактны в сравнении с советами народных депутатов), постсоветской региональной политической элите, в целом свойственна высокая степень социальной закрытости с точки зрения бассейна ее рекрутирования, который довольно узок. В подавляющем большинстве члены политической элиты являются выходцами из высокостатусных социально-профессиональных групп. Как показывает анализ по десяти регионам, почти 90 % законодателей непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность (и более 80 % перед вхождением в должность, предшествующую нынешней) занимали позиции депутатов, администраторов или бизнесменов, т.е. относились к тем или иным властным группам, «начальству», нередко входя в состав региональной властной элиты. На этом фоне мы обнаруживаем почти полное отсутствие в региональной политической элите выходцев из низших классов, рабочих и крестьян. Впрочем, и группы, занимающие средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре, также очень скромно представлены в современной региональной политической элите России. Так, например, только 3 % будущих депутатов были рекрутированы в нынешний созыв легислатуры непосредственно из сферы науки, культуры, образования и здравоохранения [11, с. 106–108], причем среди указанной группы обычно преобладают топ-менеджеры соответствующих, в основном бюджетных, организаций (ректоры вузов, главные врачи больниц, директора школ и их заместители) и мало рядовых врачей, преподавателей и учителей.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Избирательная система есть «совокупность правовых норм, определяющих, как итоги голосования преобразуются в результаты выборов». Иными словами, это правила перевода отданных за кандидатов голосов в реальные мандаты [48]¹. Не существует универсальной избирательной системы, применение которой обеспечило бы справедливые результаты выборов в любом контексте. Например, к плюсам мажоритарной системы традиционно относят близость к избирателю, достигаемую за счет отсутствия «посредника» в виде политических партий. Однако использование данной системы ставит вопрос о принципах выделения одномандатных избирательных округов, отвечающих требованию единой нормы представительства. Показателен проведенный А.Е. Любаревым экспертный опрос, по результатам которого 77 человек, или 71 % экспертов, высказались за недопущение как полностью мажоритарной, так и полностью пропорциональной системы на выборах в легислатуры субъектов РФ [49, с. 35–37].

Приоритезация конкретной избирательной системы связана также с проблематикой политической автономии законодательной власти. Это наглядно продемонстрировал А.В. Кынев, согласно которому история выборов в России в последнюю четверть века может быть разделена на пять этапов, соотносящихся с политической ситуацией в стране и нашедших свое выражение в реформировании избирательного законодательства [42].

¹ Некоторые исследователи придерживаются критической точки зрения на избирательный процесс: «Выборы не служат политическим мандатом; напротив, они выполняют функцию символического успокоения масс» [28, с. 125]. Конечно, политическая история и современность демонстрируют нам внушительные победы контрэлит на выборах. Однако, как заметил сотрудник австралийского консервативного Института общественных проблем Г. Джонс, «электорат выигрывает битву, элита выигрывает войну» [105]. Отечественные особенности электорального процесса сформулировала О.В. Гаман-Голутвина: «В современной России не парламент формирует исполнительную власть, а парламентарии избираются благодаря патронажу исполнительной власти и Администрации Президента РФ» [17, с. 123].

**1. Период от создания избирательного блока «Единство»
 («Медведь») до начала 2-го президентского срока
 В.В. Путина, 1999–2004 гг.**

Разнообразие региональных избирательных систем, отличавшее первый этап, сочеталось с относительно небольшой численностью депутатского корпуса во многих субъектах РФ. По итогам первых двух электоральных циклов средний размер региональных legislatures не достигал и 50 человек. Среди исследуемых нами регионов количество депутатов 1-го и 2-го созывов оставалось неизменным в Ростовской области (45 человек), Хабаровском крае (25), Москве (35), Санкт-Петербурге (50), Новосибирской области (49), Ставропольском крае (25) и Дагестане (121). Численность депутатов увеличилась в Ленинградской области (с 25 до 50), Калининградской области (с 21 до 32) и Костромской области (с 13 до 21). На общем фоне выделяются Дагестан и Санкт-Петербург, где относительно большой размер legislatures можно связать с представительством интересов конкретных групп — этнических и политических соответственно.

В рассматриваемый период эти два региона использовали мажоритарную систему, при которой необходимо набрать абсолютное большинство голосов избирателей. При высоком уровне общественной фрагментации это требование приводит к проведению второго тура выборов, в котором принимают участие лишь лидеры первого тура. Это стимулирует политических игроков к объединению в коалиции и препятствует победе кандидатов, придерживающихся радикальных (и экстремистских) взглядов. В российских реалиях конца 1990-х гг. мажоритарная система способствовала продвижению на втором туре лояльных центру кандидатов. В Дагестане мажоритарная система применялась как инструмент сглаживания межэтнических конфликтов, в то время как в 1998 г. в Петербурге она негативно сказалась на электоральных результатах оппозиционной партии «Яблоко».

Широкое распространение в рассматриваемый период получила *плюральная система* — мажоритарная избирательная система относительного большинства. В регионах она воспроизводила общероссийскую электоральную картину, при которой места в legislatures получали «либо беспартийные ставленники исполнительной власти и бизнеса, либо выдвиженцы компартии». Это сдерживало фрагмен-

тацию региональных партийных систем, возникающую при использовании пропорциональной избирательной системы. Последняя частично применялась в Калининградской области, где 5 из 32 депутатов проходили по партийным спискам. Однако в условиях стремления администраторов к консолидации власти в регионе выборы по пропорциональной системе были политически невыгодны, поскольку предполагали наличие партии как важного актора электорального процесса. В таком случае исполнительная власть, не способная к созданию партии законодательного большинства, теряла контроль над региональными депутатами [26].

Резюмируя, слабость законодательной власти на местах фиксировалась как косвенно (низкая численность депутатского корпуса), так и напрямую, в рамках избирательных систем. В субъектах РФ возник общественный запрос на ослабление региональных администраторов, совпавший со стремлением федеральной власти к централизации. В 2001 г. был принят закон «О политических партиях», ужесточивший процедуру регистрации политических партий и сделавший их федеральными. С 2005 г. партии лишились права на создание избирательных блоков с общественными организациями. В 2002 г. был издан закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому не менее 50 % региональной легислатуры (или одной из ее палат) должны были избираться по пропорциональной системе. Половина депутатов выдвигалась от политических партий, зарегистрированных в федеральном центре, т.е. выводилась из-под влияния исполнительной власти региона [42, с. 62–66].

2. Период от 2-го президентского срока В.В. Путина до начала «болотных» протестов, 2004–2011 гг.

В конце 2004 г. произошло изменение законодательства о политических партиях. Были увеличены показатели, необходимые для официальной регистрации партии: в пять раз возросла минимальная численность партии (с 10 до 50 тыс. человек) и в половине субъектов РФ партийные отделения должны были иметь минимум не 100, а 500 членов. Это привело к сокращению числа политических партий и, как следствие, к упрощению контроля за их деятельностью со сто-

роны центра. На практике это означало, что попадание региональных политиков в списки кандидатов, выдвинутых на выборы политическими партиями, зависело от одобрения федеральной власти [42, с. 66–68].

Важно отметить, что уже после введения в 2002 г. обязательного избрания половины региональной легислатуры по пропорциональной системе перед депутатами возникла дилемма: либо изменить количество избирательных округов, либо увеличить численность состава законодательного органа. В первом случае территория субъекта РФ на основе единой нормы представительства делилась на одномандатные округа, от которых теперь избирались не большинство, а 50 % депутатов (в отличие от преваляровавшей ранее плюральной системы). Происходило укрупнение избирательных округов и, как следствие, удорожание предвыборной кампании. Во втором случае размер округов оставался прежним, что достигалось за счет расширения региональной легислатуры и противоречило стремлению исполнительной власти осуществлять контроль над представительным органом. Среди субъектов РФ, в которых была заметно снижена численность депутатского корпуса, оказался Дагестан (со 121 до 72 человек). Напротив, наибольший рост количества депутатов в это время наблюдался в Ставропольском крае и Новосибирской области (в каждом регионе в 2 раза), а также в Костромской области (с 24 до 36 человек) [43, с. 109–112].

3. Политический кризис после выборов в Государственную думу, 2011 г.

Согласно В.Я. Гельману, к 2011–2012 гг. в России сформировался режим, который может быть маркирован как «электоральный» авторитаризм¹. Специфика такого режима заключается в акценте на значимости института выборов, включая регулярность их проведения и поддержание ограниченной конкуренции, в качестве инструмента легитимации власти на внутривнутриполитической и международной арене. Опорой электорального авторитаризма стали «вертикаль власти» и до-

¹ В классификации Ф. Закарии он, скорее, подпадает под тип «нелиберальной демократии» (*illiberal democracy*) [35]. Это существенное терминологическое различие фиксирует разные аналитические перспективы и интерпретации.

минирующая партия («Единая Россия»), а также установление высоких барьеров вхождения в электоральный процесс [22].

В условиях федеративного государства можно говорить о региональном преломлении электорального авторитаризма. Проведенное Р.Ф. Туровским в 2011 г. исследование национализации / регионализации партийной системы выявило «типичные», т.е. склонные голосовать как страна в целом, и «девиантные» субъекты РФ. Из исследуемых нами регионов в первую группу попали Ростовская область и Ставропольский край. Скорее типичным субъектом федерации оказалась Москва, что можно связать с вопросом об уровне фальсификаций на выборах 2011 г. [48, с. 220]. Девиантные регионы были разделены на лояльные, отдававшие голоса за «Единую Россию» (Дагестан), и голосовавшие скорее за оппозиционные партии (Костромская область) [71, с. 109–111].

В целом сжатие политического поля привело к учащению протестного голосования, а после выборов в Государственную думу VI созыва — к массовым протестам. Отсутствие широкого спектра альтернатив выразилось в росте общественного недовольства и голосовании не за определенную политическую силу, а против «Единой России» как доминирующей партии. События конца 2011 г. выявили необходимость реформирования партийного законодательства. Минимальная численность членов была резко снижена (до 500 человек), а сбор подписей для участия в выборах как партий, так и выдвигаемых ими кандидатов был отменен. Это способствовало возникновению новых партий, часть из которых была призвана «распылять» голоса оппозиционно настроенных избирателей [42, с. 68–70].

4. Период между двумя волнами массовых протестов: от Болотной площади до пенсионной реформы, 2011–2018 гг.

Изменение законодательства также открыло возможность для создания политических акторов, которые могли бы конкурировать с «партией власти» на региональном уровне. В связи с этим федеральный центр предпринял шаги по снижению роли партий в электоральном процессе. В 2013 г. был обнародован «закон Клишаса», в соответствии с которым уже не 50 %, а не менее 25 % региональной легислатуры должно формироваться по пропорциональной системе.

Увеличение доли депутатов, проходящих по одномандатным округам, предполагало рост затрат на избирательные кампании. Большие шансы на электоральный успех должны были иметь кандидаты, обладавшие личными ресурсами: материальными, организационными и пр. Однако в российском контексте 2010-х гг. распространенной практикой стало получение административной поддержки, ставившее депутатов в зависимое от федеральной власти положение. Ограничение на участие в выборах новых акторов накладывал также тот факт, что в 2014 г. было возвращено требование по сбору подписей политическими партиями, с резким повышением барьера до 3 % избирателей округа [42, с. 70–73].

Предписания «закона Клишаса» не затрагивали Москву и Санкт-Петербург, которые могли установить избирательную систему самостоятельно. В 2014 г. выборы в Московскую городскую Думу прошли по плюральной системе. Среди аргументов в поддержку выдвижения кандидатов исключительно по одномандатным округам назывались представительство интересов избирателей и ответственность перед ними (один депутат на 160 тыс. москвичей). Данная система должна была также препятствовать голосованию за «паровоз» — лидера, который проводит в легислатуру весь партийный список¹. В итоге после изменения законодательства некоторые субъекты РФ, избирательные системы которых стали тяготеть к плюральной, расширили состав легислатур. За счет разукрупнения избирательных округов на 10 человек увеличился депутатский корпус столицы, Ростовской области и Хабаровского края.

Следует также отметить, что к 2018 г. во многих регионах оформились устойчивые паттерны избирательного процесса. Проведенный политологами кросс-региональный анализ выборов в легислатуры (циклы 2008–2012 гг. и 2013–2017 гг.) позволил классифицировать субъекты РФ по уровню электоральной конкуренции. Среди регионов, для которых характерно наличие «авторитарного гегемона», оказались Ростовская область и Дагестан. В таких режимах доминирующий

¹ Мосгордума одобрила переход к мажоритарной системе выборов // Российская газета. 22.01.2014 [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://rg.ru/2014/01/22/vibori-site-anons.html>

политический актор, обычно губернатор, осуществляет контроль за выдвижением и избирательными кампаниями кандидатов. Напротив, в качестве конкурентного региона, где победа правящей партии не определена заранее, был маркирован Санкт-Петербург. Авторитарными режимами с умеренной конкуренцией по результатам анализа были названы Калининградская и Новосибирская области, в которых не наблюдаются сильные оппозиционные настроения. Особенность этих субъектов федерации в том, что их региональные элиты способны к консолидации в рамках пропорционального компонента избирательной системы (что обеспечивает победу «Единой России»), но не могут преодолеть внутриэлитные конфликты при прохождении по одномандатным округам, поддерживая тем самым конкуренцию. Значимость личностного фактора продемонстрировала Москва, которая после отставки Ю.М. Лужкова с поста мэра более не классифицировалась как гегемонистский авторитарный региональный режим [117].

5. Период после социальных протестов, 2018 г. — настоящее время.

После массовых выступлений против пенсионной реформы общественное недовольство вновь, как во время кризиса 2011 г., воплотилось в протестном голосовании. В условиях небольшого количества партий электоральный успех в ряде субъектов РФ одержали представители системной оппозиции. Ответной мерой со стороны федерального центра стало сокращение в наиболее «проблемных» регионах доли депутатского корпуса, избираемой по пропорциональной системе. Среди таких субъектов РФ выделяется Хабаровский край, где «правящей партией» во время губернаторства С.И. Фургала (с 2018 по 2020 гг.) стала ЛДПР. Однако и по одномандатным округам кандидаты «Единой России» проходили на региональных выборах лишь в 70 % случаев [42, с. 73–74].

К современному этапу «закон Клишаса» практически перестал применяться и многие регионы вернулись к системе, сочетающей плюральный и пропорциональный компоненты в соотношении 50/50. Основные параметры избирательных систем в исследуемых нами десяти субъектах РФ отражены в таблице 2 (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Избирательные системы региональных legislatures

Electoral systems of regional legislatures

Субъект РФ	Количество депутатов региональной legislatures, чел.	Избирательная система
1	2	3
Санкт-Петербург	50	25 депутатов — по одномандатным избирательным округам 25 депутатов — по единому избирательному округу
Ленинградская область	50	50 % от установленного числа депутатов — по одномандатным избирательным округам 50 % от установленного числа депутатов — по общеобластному избирательному округу
Ростовская область	60	40 депутатов — по одномандатным избирательным округам 20 депутатов — по единому избирательному округу
Калининградская область	40	20 депутатов — по одномандатным избирательным округам 20 депутатов — по единому избирательному округу
Костромская область	35	25 депутатов — по одномандатным избирательным округам 10 депутатов — по единому областному избирательному округу
Хабаровский край	36	24 депутата — по одномандатным избирательным округам 12 депутатов — по единому избирательному округу
Москва	45	Выборы депутатов Мосгордумы проводятся по одномандатным избирательным округам

Окончание табл. 2

1	2	3
Новосибирская область	76	38 депутатов — по одномандатным избирательным округам 38 депутатов — по единому областному избирательному округу
Ставропольский край	50	25 депутатов — по одномандатным избирательным округам 25 депутатов — по единому избирательному округу
Республика Дагестан	90	Депутаты Народного Собрания избираются по республиканскому избирательному округу

Примечание. Сведения собраны на официальных сайтах региональных legislatures и сайтах-агрегаторов правовой документации¹.

Note. The information is collected on the official websites of regional legislatures and legal documentation aggregators.

¹ Закон Санкт-Петербурга от 17 февраля 2016 г. № 81-6 (ред. от 31.05.2023) «О выборах депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/537988851>; Закон Ленинградской области от 1 августа 2006 г. № 77-оз (ред. 26.05.2023) «О выборах депутатов Законодательного собрания Ленинградской области» // ГАРАНТ [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://base.garant.ru/7910531/>; Областной закон Ростовской области от 18 сентября 2002 г. № 270-ЗС (ред. от 23.03.2023) «О Законодательном Собрании Ростовской области» // Законодательное Собрание Ростовской области [электронный ресурс]. Дата обращения 06.08.2025. URL: <https://zsro.ru/o-zakonodatelnom-sobranii/pravovye-osnovy-deyatelnosti-zakonodatelnogo-sobraniya/>; Историческая справка о Законодательном Собрании Калининградской области // Законодательное Собрание Калининградской области [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://zaksob39.ru/duma/history/>; Устав Костромской области от 24 апреля 2008 г. № 300-4-ЗКО (ред. от 25.12.2019) // Костромская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://www.kosoblduma.ru/laws/region/article/ustavKO.html>;

Рис. 1. (Fig. 1.) Шкала избирательных систем региональных legislatures
Scale of Electoral Systems of Regional Legislatures

Размещение анализируемых регионов на шкале от плюральной до пропорциональной системы дает следующие результаты (см. рис. 1). «Крайними точками» оказываются Москва, где все депутаты Мосгордумы выдвигаются по одномандатным округам, и Дагестан, Народное Собрание которого, напротив, целиком избирается по республиканскому округу. Ровно посередине шкалы располагаются пять регионов (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, Новосибирская область и Ставропольский край), legislatures которых

Общие сведения // Законодательная Дума Хабаровского края [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100256>; Закон г. Москвы от 6 июля 2005 г. № 38 (ред. от 31.05.2023) «Избирательный кодекс города Москвы» // Общественная палата города Москвы [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: https://ormoscow.ru/documents?id_653=141; Закон Новосибирской области от 15 февраля 2007 г. № 87-ОЗ (ред. от 04.10.2023) «О выборах депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области» // ГАРАНТ [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://base.garant.ru/7177390/>; Закон Ставропольского края от 27 июля 2006 г. № 68-кз (ред. от 09.10.2018) «О выборах депутатов Думы Ставропольского края» // Дума Ставропольского края [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://www.dumask.ru/official/zakonodatelnye-osnovy-deyatelnosti/item/2782-news14082.html>; Закон Республики Дагестан от ноября 2006 г. № 50 (ред. от 20.03.2023) «О выборах депутатов Народного Собрания Республики Дагестан» // Консорциум Кодекс [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802077759>

в одинаковой степени формируются по плюральной и пропорциональной системам: 50 % депутатов проходят по одномандатным округам и 50 % — по избирательному округу, образуемому на всей территории субъекта РФ. Оставшиеся регионы тяготеют скорее к плюральной системе: по одномандатным округам выдвигается 71,4 % кандидатов в депутаты Костромской области, 66,7 % — Ростовской области и Хабаровского края.

Говоря о специфике функционирования пропорциональной системы в российских реалиях, важно отметить, что электоральные результаты партий и, как следствие, конфигурация политических сил в легислатурах, сильно варьируются в субъектах федерации. Как продемонстрировал в своем исследовании П.В. Панов, несмотря на реализуемую центром политику унификации, в период 2007–2021 гг. своеобразие партийно-электорального ландшафта субъектов РФ достаточно устойчиво воспроизводилось на выборах как в Государственную Думу, так и в региональные легислатуры. Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о ключевой роли социокультурного (доля этнических меньшинств) и исторического (индекс специфики политической истории регионов РФ) факторов в определении партийно-электорального ландшафта субъектов федерации. Большое влияние оказывает также географический фактор, который является статистически значимым при учете не территориальной удаленности от центра, а расположения региона «за Уралом», в восточной части России [55].

Полностью пропорциональная избирательная система используется в Дагестане — одной из северокавказских республик, где отсутствует доминирующий этнос и, соответственно, основание для единообразного голосования. Решающую роль на выборах в Дагестане играют внутриэлитные договоренности, посредством которых отражается и презентруется полиэтническая структура населения. Если в 1990-е гг. при формировании Народного Собрания применялись официально установленные этнические и «женские» квоты, то после электоральной реформы 2002 г. они были отменены. С этого времени гарантия представительства основных этнических групп во власти реализуется через неформальные практики распределения политико-управленческих позиций, включая места в региональной легислатуре [56; 47, с. 282–287]. Предположительно, квотирование мандатов

между этническими сегментами общества проще осуществить при наличии «чистой» избирательной системы: либо через выдвижение исключительно по одномандатным округам, либо при составлении партийных списков по единому округу. В связи с этим после введения требований о наличии пропорционального компонента избирательная система Дагестана из мажоритарной была постепенно преобразована в пропорциональную.

В свою очередь, плюральная система в чистом виде применяется в Москве, где с 2014 г. все депутаты Мосгордумы выдвигаются по одномандатным округам. Однако интересен и пример Костромской области, избирательная система которой тяготеет к плюральной. Данный регион характеризуется высоким уровнем протестных настроений, что сказывается на электоральном процессе. В 2000-е гг. на выборах в Костромскую областную Думу наблюдались конкурентная борьба, падение явки избирателей и высокая доля проголосовавших «против всех» (в 2005 г. эта опция оказалась второй по приоритетности). Среди депутатов, прошедших в легислатуру 4-го созыва по одномандатным округам, большую часть составили самовыдвиженцы и оппозиционеры. В целом на выборах в Костромскую Думу 3–5 созывов электоральный успех одерживали бизнесмены, образовывавшие от 53 % до 70 % легислатуры. Костромская область, в сравнении с другими регионами ЦФО (Владимирской, Ивановской и Тверской областями), обладала самым высоким абсолютным показателем «олигархизации» легислатуры, т.е. «концентрации активов и валовой прибыли в руках депутатов-собственников» [58; 59].

В настоящее время хозяйственно-экономическая сфера как предэлитная деятельность остается значимой для 73 % депутатского корпуса Костромской области. Это наивысший показатель среди исследуемых нами субъектов РФ. Прямые выходцы из бизнеса, для которых предшествующая работа связана с занятием ключевых постов на предприятиях, образуют 37,5 % политической элиты региона. При этом в 2020 г. Костромская область заняла предпоследнее место среди регионов ЦФО по ВРП на душу населения¹. Следовательно, плутократи-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 462.

ческое рекрутирование депутатов может быть объяснено наличием у бизнесменов достаточного количества ресурсов (финансовых, позиций основных работодателей и пр.), мобилизация которых предоставляет им преимущество при организации избирательных кампаний в одномандатных округах [11, с. 88–89, 100–106]. Пример Костромской области подтверждает важность учета экономических факторов, даже если они не показывают статистически значимых коэффициентов при изучении конкретных избирательных систем [55, с. 215–216].

Таким образом, взятый федеральным центром в 2000-е гг. курс на унификацию электоральных процессов в регионах нашел свое выражение в создании «рамочного» законодательства, с течением времени изменявшегося и подстраивавшегося под политическую конъюнктуру. При этом сохранилась и вариативность избирательных систем, обусловленная существенными отличиями субъектов РФ по целому ряду параметров: от этнического состава населения до экономической ситуации. Сложившиеся (ре)конфигурации плюральной и пропорциональной систем, которые в чистом виде представлены Москвой и Дагестаном, можно рассматривать в качестве частных случаев «баланса сил» между национализацией и регионализацией выборов в субъектах РФ.

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ КАК ФАКТОР РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Одной из важных характеристик структуры политических возможностей, от которых зависит привлекательность депутатских позиций в региональных легислатурах, является степень их профессионализации. Иными словами, в какой мере депутаты осуществляют свою деятельность на профессиональной постоянной основе или, напротив, являются непрофессионалами, совмещающие свои обязанности с внешней, основной занятостью. Барьером, помимо нормативного регулирования, выступают время и деньги. Живет индивид «для» политики или «за счет» политики: имеет ли он возможность без дохода от нее ею заниматься — важнейший в этом плане вопрос [14, с. 653–656]. Надо заметить, что лишение на данном основании выходцев из различных социальных групп возможности исполнять депутатские обязанности

имеет давнюю историю. Прямой и косвенный имущественный ценз отсекает малоимущие социальные слои и индивидов, занятых на работе ежедневно. Борьба за оплачиваемый депутатский труд велась организованно еще в XIX в. Одним из требований Народной хартии чартистов 1838 г. было вознаграждение депутатов [20, с. 7–8; 62, с. 189]. Противоположный порядок «необходимо означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев» [14, с. 655]. Это демонстрируют и наши исследования.

В целом для региональных легислатур РФ характерен относительно низкий уровень профессионализации. Так, по данным на 2009 г., в большинстве регионов основная часть депутатов работала на непостоянной, неоплачиваемой основе, при этом только в 9 субъектах все депутаты были профессионалами¹. В 2015 г. уже только в двух регионах (Санкт-Петербурге и Чеченской республике) все депутаты работали на профессиональной основе, при этом в 65 регионах таких депутатов было меньшинство, в том числе в 34 регионах их было менее четверти². О степени профессионализации депутатских позиций в 10 рассматриваемых регионах свидетельствует таблица 3 (см. табл. 3).

Как демонстрируют полученные нами данные, ситуация сильно варьируется: если в двух регионах (Санкт-Петербурге и Ленинградской области) доминируют парламентарии-профессионалы, причем в Петербурге таковыми являются все депутаты, то во всех остальных субъектах большинство заняты «любительским» парламентаризмом.

¹ Подсчитано по: Щипанов А.В. Обзор законодательства субъектов Российской Федерации о законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Екатеринбург, 2009 // Уральский институт регионального законодательства [электронный ресурс]. Дата обращения 18.07.2023. URL: <http://www.uirz.ru/Obzor/obzor3.html>

² Подсчитано по: Рейтинг региональных парламентов по числу депутатов, работающих на постоянной основе // Дума Ставропольского края. 2015 [электронный ресурс]. Дата обращения 06.08.2025. URL: <https://www.dumask.ru/analiticheskie-materialy/analiticheskie-zapiski/item/15044-рейтинг-per.html>

Таблица 3 (Table 3)

**Количество и доля депутатов, работающих на постоянной основе
 в рассматриваемых субъектах РФ, чел.**

*Number and proportion of deputies working on a permanent basis
 in the subjects of the Russian Federation under consideration, persons*

Субъект РФ	Количество депутатов региональной легислатуры, чел.	Количество депутатов, работающих на постоянной основе, чел.	Доля депутатов, работающих на постоянной основе, % (округленно)
Республика Дагестан	90	32 (2021)	36
Ставропольский край	50	23 (2021)	46
Хабаровский край	36	12 (2022)	33
Калининградская область	40	17 (2021)	43
Костромская область	35	13 (2022)	37
Новосибирская область	76	26 (2023)	34
Ленинградская область	50	42 (2021)	84
Ростовская область	60	15 (2023)	25
Москва	45	15 (2023)	33
Санкт-Петербург	50	50 (2023)	100

Примечание. Сведения о количестве депутатов, работающих на постоянной основе, собраны из открытых источников¹.

Note. Information on the number of deputies working on a permanent basis is collected from open sources.

¹ Тимур Гусаев: «Очень жаль, что люди не поверили в серьезность вируса с самого начала» // Дербент. 01.02.2021 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://derbend.ru/2021/02/01/timur-gusaev-ochen-zhal-chto-lyudi-ne-poverili-v-sereznost-virusa-s-samogo-nachala/>; В новом созыве облдумы за зарплату работают меньше депутатов // РБК. 18.11.2021 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.07.2023. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/18/11/2021/619616a39a7947a463683d9a>; Закон от 25 декабря 2006 года N 81-ОЗ «О статусе депутата Законодательного Собрания Новосибирской области (с изменениями на 20 февраля 2023 года)» // Консорциум Кодекс [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://docs.cntd.ru/document/5423802>; Областной закон Ростовской

Какое значение имеет уровень профессионализации депутатских позиций с точки зрения особенностей источников рекрутирования законодателей? Институциональный дизайн региональных легислатур,

области от 21 февраля 2019 г. N 92-ЗС «О внесении изменения в статью 3 Областного закона «О Законодательном Собрании Ростовской области». Обзор документа // ГАРАНТ. 02.03.2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/rostov/1261819/>; Первое заседание Думы Ставропольского края седьмого созыва. 01.10.2021 // Вечерка. 01.10.2021 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://vechorka.ru/article/pervoe-zasedanie-dumy-stavropolskogo-kрая-sedьmogo-sozyva/>; Обобщенная информация об исполнении депутатами Законодательной Думы Хабаровского края обязанности представить сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2022 год // Законодательная Дума Хабаровского края [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: [http://duma.khv.ru/Site.aspx?p=270100002~77700009~\[doc\]270121661&p270100002=~77700009~\[doc\]270121643&p270101416=~77700010~\[docs\]270101567&p270100003=~13~2701019743](http://duma.khv.ru/Site.aspx?p=270100002~77700009~[doc]270121661&p270100002=~77700009~[doc]270121643&p270101416=~77700010~[docs]270101567&p270100003=~13~2701019743); Обобщенная информация об исполнении депутатами Костромской областной Думы обязанности представить сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2022 год // Декларатор [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://declarator.org/office/view-file/205796/>; Сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера депутата Законодательного собрания Ленинградской области, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей за период с 1 января по 31 декабря 2021 года // Законодательное собрание Ленинградской области [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: https://www.lenoblzaks.ru/media/documents/Сведения_о_доходах_и_имуществе_депутатов_за_2021_год.pdf; Обобщенная информация об исполнении (о ненадлежащем исполнении) депутатами Московской городской Думы обязанности представить сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2022 г. // Декларатор [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://declarator.org/office/view-file/205792/>; Закон Санкт-Петербурга от 8 февраля 1995 года N 13-з «О статусе депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» // Официальный интернет-портал правовой информации [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prrevDoc=131042219&backlink=1&&nd=131004778>

при котором большинство их членов вправе работать на непостоянной основе, сочетая свои обязанности с основной внешней занятостью, выгоден представителям привилегированных социально-профессиональных групп и, прежде всего, бизнесменам, способствуя их массовому притоку в региональные парламенты. Во-первых, такие деятели, занимая ключевые должности в организациях, контролируя свои собственные условия труда и свое рабочее время, а также имея значительные финансовые ресурсы, часто в состоянии совмещать основную работу с депутатской деятельностью (в том числе и отчасти жертвовать ею ради законодательной работы). Этого нельзя сказать об основной массе наемных работников, которые не обладают необходимыми для такого совмещения свободным временем и материальными возможностями (карьерной и финансовой гибкостью). Во-вторых, имея процветающую внешнюю карьеру, бизнесмены и иные высокопоставленные деятели не заинтересованы в том, чтобы покидать свои привилегированные позиции. Возможность совмещения депутатской деятельности с основным местом работы выгодна им, поскольку устраняет опасность существенно проиграть в доходе, престиже или властных возможностях при переходе в депутаты на постоянной основе. Напротив, лица, занимающие позиции низшего и среднего звена, часто заинтересованы в таком переходе, что принесло бы им выигрыш в плане дохода, власти и престижа.

Другими бенефициариями частично профессиональной легислатуры являются депутаты с постоянной занятостью в региональных парламентах. Они имеют возможность концентрировать в своих руках властные полномочия, организацию работы законодательных ассамблей и распоряжение ресурсами. Важным аспектом является оперативность получения информации и реагирования. Постоянно действующие депутаты имеют в этом отношении отчетливое преимущество. Время, являясь в этом случае административным ресурсом, конвертируется в решения. Существенными являются и тенденции «последних десятилетий, ввиду которых индивидуальный статус депутатов был ослаблен, а коллегиальные начала в деятельности представительных органов, напротив, усилены» [27, с. 123]. Следствием этого является ослабление автономной контрольной и представительной деятельности конкретного депутата.

Словом, при прочих равных условиях, чем меньше в легислатуре (в частности, региональной) профессионализированных позиций, чем более развит институт парламентского совместительства и «любительский» парламентаризм, тем более значительной может быть доля бизнесменов и выходцев из других привилегированных социально-профессиональных групп среди депутатов. Связь непрофессионального принципа организации депутатской деятельности с особенностями рекрутирования депутатского корпуса подтверждает и западный опыт. В частности, как отмечают исследователи, в Швейцарии поддержание «полупрофессионального» характера федерального парламента «ведет к искаженному представительству», когда «большие части электората лишены своего права быть избранными» [127, р. 381]. Федеральное собрание Швейцарии «имеет чрезвычайно маленький, экономически ограниченный базис рекрутирования. Для того чтобы быть в состоянии позволить себе такую должность «на неполный рабочий день», надо быть или самостоятельно занятым, или работать на очень гибкого работодателя. Тот факт, что только 8 % населения, но более половины избранных парламентариев, являются самостоятельно занятыми, подтверждает это впечатление» [127, р. 383]. Показательно и то, что к концу 1980-х гг. на каждого члена швейцарского парламента, в среднем, приходилось 5,6 мест в советах директоров [127, р. 378]. Другое исследование выявило, что в США существует позитивная связь между профессионализацией легислатур штатов и представительством в них Демократов (и, напротив, негативная — для Республиканцев). Это обусловлено тем, что Демократы заинтересованы в профессиональном парламентаризме, поскольку, переходя на постоянную законодательную работу, они выигрывают в доходе и престиже, а «любительский» парламентаризм им невыгоден, поскольку его трудно совмещать с основной работой. Иная ситуация у Республиканцев, которые, с одной стороны, имеют процветающие внешние карьеры (например, в бизнесе) и не заинтересованы в том, чтобы прекращать их ради профессиональной законодательной работы, а, с другой стороны, благодаря карьерной и финансовой гибкости, они могут совмещать основную занятость с «любительским» парламентаризмом [94].

Что касается рассматриваемых регионов РФ, примечательно, что наиболее низкие уровни плутократизации (непосредственного вхож-

дения экономических акторов в политические институты), если судить по показателю предшествующей работы, демонстрируют депутатские корпуса Санкт-Петербурга и Ленинградской области, для легислатур которых характерна наибольшая профессионализация (как видно из таблицы 3, соответственно 100 % и 84 % депутатов). В Петербурге только 11 %, а в Ленинградской области 19 % парламентариев непосредственно перед избранием руководили экономическими структурами [11, с. 101]. В то же время наиболее широко представлены прямые выходцы из бизнеса среди политической элиты Ростовской области (для которой характерна наименьшая профессионализация легислатуры — всего 25 %). В этом регионе 40,5 % народных избранников занимали ключевые позиции на предприятиях перед тем, как войти в нынешнюю должность [11, с. 101–102]. Также показательно, что высшая политическая элита легислатур (спикер, вице-спикеры и председатели комитетов), которая, в отличие от рядовых депутатов, чаще всего работает на постоянной основе, в меньшей степени рекрутируется из бизнеса. Так, только 17 % и 31 % ее представителей занимали соответственно предшествующую и предпредшествующую должности в бизнесе, в сравнении с примерно 30 % и 40 % всех депутатов [11, с. 101].

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛЕГИСЛАТУР С ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ И БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Характер взаимоотношений исполнительной и представительной властей региона и, в частности, уровень автономии легислатуры от губернатора также является одной из важных характеристик структуры возможностей законодательной карьеры. Надо сказать, что роль легислатур в системе власти субъектов РФ исторически менялась. В 1990-е гг. имело место относительное разнообразие региональных политических режимов и, в связи с этим, типов легислатур [23; 41]. Хотя в этот период во многих регионах парламенты были подчинены исполнительной власти, где-то они играли значительную самостоятельную роль, а иногда даже возникали легислатуры, оппозиционные губернаторам. Однако в конце 1990-х — начале 2000-х гг. легислатуры ослабли, как правило, оказавшись под контролем глав регионов, что

характерно и для настоящего времени [29, 70; 77; 98]. Этот контроль осуществляется «главным образом посредством патронажной машинной политики, которая... включает в себя выстраивание устойчивых связей между действующим губернатором и его клиентами в региональных законодательных элитах» [98, р. 557–558].

Ослабление региональных легислатур, однако, не означает, что они являются просто *rubber stamp* парламентами («резиновым штампом», заверяющим любые решения администрации). При всей своей зависимости от региональных администраций, ЗС обладают существенными полномочиями (от принятия бюджета и программ социально-экономического развития субъектов РФ до утверждения назначений чиновников) и обычно остаются довольно значимыми институтами, а не декоративными «витринами», играющими чисто символическую роль. Об этом косвенно говорит то, что легислатуры, как правило, включают крупных по региональным меркам бизнесменов и других высокопоставленных персон и в целом членство в них традиционно ассоциируется с элитным статусом [97, р. 5]. В литературе неоднократно указывалось на то, что легислатуры в авторитарных условиях выполняют важные функции, способствуя повышению жизнеспособности режима [96; 104; 110; 115; 128]. Одна из этих функций заключается в кооптации оппозиции и ослаблении социального протеста [115; 72]. Кроме того, что связано с предыдущей функцией, легислатуры выступают как арены, на которых различные члены и сегменты властной (прежде всего региональной) элиты согласовывают свои интересы, ведут торг, переговоры и соревнуются друг с другом за влияние и блага [115, р. 238].

Можно утверждать, что несмотря на то что в современных условиях господства субнационального авторитаризма региональные легислатуры обычно слабые институты, сильно зависимые от региональных администраций, степень автономии и влияния этих органов и их руководства все же варьируется в региональном разрезе. Об этом, в частности, свидетельствуют рейтинги влияния региональных парламентов и их спикеров¹. Причем в некоторых случаях, если не ле-

¹ Володенков С.В., Инжинова А.Д. Заключительный отчет научно-исследовательской работы по теме «Деятельность законодательных (представи-

гислатуры в целом, то их спикеры могут приобретать политический вес, сопоставимый с влиянием главы региона. Примером является бывший спикер Законодательного собрания Петербурга В.С. Макаров. Как писали в прессе, «при губернаторе Георгии Полтавченко Макаров возглавил ЗакС, добился полной лояльности парламента себе, взял под контроль многие муниципалитеты, районные администрации и избирательные комиссии, став едва ли не самым влиятельным политиком Петербурга. И тем самым фактически загнал “тишайшего” Полтавченко в политический тупик»¹.

Характер взаимоотношений региональных администраций и представительных органов и степень автономии последних, как элемент структуры политических возможностей, может иметь существенное влияние на бассейн рекрутирования и карьеру законодателей, прежде всего, занимающих руководящие посты в легислатуре и, в первую очередь, спикеров. Как отмечал С. Хантингтон, показателем автономии той или иной политической организации является то, что важнейшие позиции в ее руководстве «обычно достижимы лишь для тех, кто прошел период ученичества на менее важных позициях» [73, с. 40].

В этом смысле, можно ожидать, что относительно высокая автономия легислатур от администраций в тех или иных регионах будет при прочих равных условиях способствовать рекрутированию их спикеров и других руководителей из числа опытных депутатов-профессионалов с относительно длительным стажем работы в этих законодательных органах на менее высоких постах (впрочем, она же может благоприятствовать и их притоку из частного бизнеса). Напротив, сильный контроль губернаторов над легислатурами в других

тельных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации как инструмент обеспечения единого правового пространства Российской Федерации». М., 2012 // Государственная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 25.07.2023.

URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/10/4964>

¹ Спикер петербургского парламента бросает вызов Кремлю // МК.RU Санкт-Петербург. 31.01.2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.07.2023. URL: <https://spb.mk.ru/politics/2019/01/31/spiker-peterburgskogo-parlamenta-brosaet-vyzov-kremlyu.html>

регионах при прочих равных условиях может способствовать рекрутированию их руководства из регионального чиновничества. Избрание на пост спикера выходца из региональной администрации, лично знакомого губернатору и пользующегося его доверием, можно в этом смысле рассматривать как форму проявления контроля главы региона над легислатурой. Впрочем, здесь ситуация далеко не однозначна. Если региональный парламент — традиционно слабый и подконтрольный институт, то у губернатора, напротив, может не возникать потребности в такой специальной мере обеспечения и упрочения контроля над ним, как продвижение своего непосредственного соратника из администрации на пост спикера. Кроме того, хотя подконтрольность легислатур и может повышать доступность ее «командных высот» для чиновников, их *rubber stamp* характер может уменьшать привлекательность депутатской карьеры для бюрократов, потому что переход в эти органы означает утрату реальной власти (в силу этого выходцы из административной элиты могут с большей готовностью переходить в относительно сильные парламенты). Помимо этого, тот факт, что депутатские позиции редко служат трамплином к высшим административным должностям регионального уровня, например, постам в правительствах субъектов РФ¹ [67, с. 160], также может снижать их привлекательность для амбициозных чиновников, стремящихся достичь вершины исполнительной власти. Тем не менее депутатская должность (которая в сравнении с административным постом требует обычно меньших затрат времени и усилий, довольно престижна, а в случае работы на постоянной основе и высокооплачиваема²) может

¹ В рассматриваемых 10 регионах только 2 % членов административной элиты были депутатами того или иного уровня непосредственно до вхождения в нынешнюю должность.

² Зарплата депутата Мосгордумы составляет около 200 тыс. рублей // ТАСС. 24.09.2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 18.07.2023. URL: <https://www.tass.ru/moskva/6920859/amp>; Перова А. Okлад 60 тыс. рублей: сколько депутаты получают в Петербурге // Налоги и бухгалтерия. Онлайн-журнал [электронный ресурс]. Дата обращения 17.07.2023. URL: <https://online-buhuchet.ru/oklad-60-tys-rublej-skolko-deputaty-poluchayut-v-peterburge/>

служить синекурой или запасным аэродромом для чиновников, вынужденных по тем или иным причинам оставить свой пост. Избрание в парламент может быть для них не только формой почетной отставки или пенсии, но и возможностью передохнуть, осмотреться и дожидаться в удобном кресле нового назначения.

Надо сказать, что практика рекрутирования региональных чиновников в легислатуры довольно распространена [11, с. 100]. Например, в десяти рассматриваемых регионах примерно каждый восьмой-двенадцатый депутат был чиновником в 1995–2014 гг., а 11 % работали в административных структурах непосредственно перед избранием в нынешний созыв легислатуры. Также важно отметить, что в целом в рассматриваемых регионах рекрутирование из чиновничества вообще сильнее выражено среди высшей политической элиты (спикер, вице-спикеры, председатели комитетов), чем среди рядовых депутатов: 17 % ее представителей работали в административных структурах непосредственно перед избранием в нынешний созыв легислатуры [11, с. 100]. Относительно высок удельный вес выходцев из региональных администраций (обычно заместителей губернаторов (председателей правительств) среди спикеров [3; 116]. Так, примерно треть спикеров региональных парламентов, занимавших свой пост в 1993–2019 гг., имела предшествующий опыт работы в региональной администрации, причем каждый пятый пришел непосредственно оттуда [68, с. 44]. При этом в 19 регионах такой опыт имело большинство спикеров постсоветских легислатур (например, в Ингушетии 9 из 10) [68, с. 44]. Что касается десяти рассматриваемых регионов, то и в них такие случаи имеют место. В частности, бывшие председатели парламентов Калининградской области и Дагестана работали, соответственно, заместителем председателя и председателем правительства своих регионов. Среди десяти действующих спикеров четверо имеют опыт работы в региональных администрациях, причем двое (в Санкт-Петербурге и Ставропольском крае) — непосредственно перед избранием. Показателен случай Санкт-Петербурга, когда после поражения спикера В.С. Макарова в противостоянии с новым губернатором А.Д. Бегловым и его ухода в Государственную Думу новым спикером Законодательного собрания стал А.Н. Бельский, вице-губернатор по внутренней политике (такой карьерный переход

свидетельствует о том, что глава региона вернул себе контроль над легислатурой).

В целом, можно отметить, что в перспективе было бы целесообразно сопоставить рейтинги влияния региональных legislatures с распространенностью практики избрания их спикеров из регионального чиновничества. Только строгий статистический анализ может подтвердить или опровергнуть предположение о наличии связи между этими переменными.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Концептуализация структуры политических возможностей Й. Борхерта, на которую в большой степени опирается наше исследование, достаточно формальна, и в этом заключаются ее достоинства и недостатки. Она привязана к существующим институтам, задающим рамки элитного восхождения индивидов. Структура институционально контекстуальна [84, р. 10]. Но для большего понимания процесса рекрутирования элит необходимо «контекстуализировать контекст». Конечно, есть опасность «утонуть» в многообразии социальных, политических, культурных и экономических факторов, оказывающих воздействие на функционирование структуры политических возможностей. Поэтому остановимся лишь на некоторых существенных факторах.

Влияние региональных особенностей политического процесса на траектории политических карьер

Карьерные траектории региональных депутатов в определенной мере «привязаны» к особенностям территорий. Социально-политическое, экономическое, культурное и т.д. разнообразие регионов страны означает сохранение особенностей практик формирования корпуса региональных депутатов, специфических черт проведения выборов, в том числе и прежде всего степень их конкурентности. Также сохраняются различия в законодательных нормах и правилах функционирования представительных органов власти, степени их автономности.

Яркий пример того, как институциональные изменения могут влиять на карьерные траектории региональных политиков, дает

недавняя история из Аргентины. До 1996 г. столицей Аргентины управлял назначаемый президентом страны интендант. Интендант не имел высокого статуса во властной иерархии государства. В 1996 г. город получил автономный статус, была принята Конституция автономного города Буэнос-Айрес. В соответствии с Конституцией Буэнос-Айресом управляет правительство, глава которого избирается населением города. Чтобы стать главой правительства города, необходимо набрать более 50 % голосов. В результате изменения институциональных рамок главе города было предоставлено больше полномочий, расширились функции и обязанности. Те, кто получали доступ к этой должности, становились центральными фигурами в политической жизни страны, поскольку они управляли самым богатым регионом, городом, который является экономическим, культурным и информационным центром страны. Образовался трамплин для президентства, появились новые избирательные стимулы политических акторов, перспективы новых карьерных траекторий (к примеру, показательные истории президентов Аргентины Фернандо де ла Руа и Маурисио Макри)¹ [107].

Региональные уровни российской власти в исторической ретроспективе развивались в условиях Российской империи, Советского Союза и вот уже более тридцати лет Российской Федерации. В рамках различных типов государственности, складывавшихся в отдельные периоды истории, происходили преобразования, направленные на большую или меньшую централизацию / децентрализацию структур государственной власти и управления. Преобразования имели целью обеспечение эффективного государственного управления, в том смысле, как это понималось центральной властью. Многие политические институты, практики осуществления власти и функционирования институтов власти и государственного управления по крайней мере отчасти наследовались и сохранялись, внешне преобразуясь и обретая иные названия. Они воспринимались политиками и дру-

¹ Constitución de la Ciudad de Buenos Aires. Dada en la sala de sesiones de la convencion constituyente de la ciudad de Buenos Aires, el primero del mes de octubre del ano mil novecientos noventa y seis // InfoLEG. Accessed 08.08.2024. URL: <https://www.infoleg.gob.ar/?pageid=166>

гими акторами как проявления российской специфики, «особого пути» страны и т.д.

Коль скоро в нашем случае речь идет о карьерах политиков, выскажем несколько соображений об определении и типологии карьер, а также подходах к исследованию политических карьер. Согласно наиболее общему определению, карьера — это продвижение субъекта по ступеням служебной лестницы, сопровождающееся использованием полученных ранее навыков, умений, квалификационных возможностей [52]. По ходу перемещений по карьерной лестнице может изменяться статус, социальная роль, размер и форма вознаграждения. В отечественной и зарубежной литературе можно встретить множество типологий карьер, их анализ и описание. Варианты типологий построены на различных основаниях и зависят от задач, которые поставил перед собой исследователь. В общем виде можно сказать, что в имеющихся типологиях учитывается скорость и направление движения по карьерной лестнице, обстоятельства, а еще шире контекст, определяющий траектории карьер [4; 63; 80; 122; 123; 120]. Наша собственная классификация карьерных траекторий в предшествующих исследованиях базировалась на критерии приверженности индивидов в своей карьере определенным сферам деятельности. Поэтому выделялись социальный и профессиональный типы карьер. Анализировались показатели, характеризующие предэлитный этап карьеры (возраст вступления, сфера деятельности, должностная позиция). Исследовались ступени элитной карьеры, длительность пребывания на отдельных ступенях карьеры и скорость продвижения. Интерес представляли так называемые зигзаги в карьере — перемещения по горизонтали с изменением региона и сферы деятельности [5; 6; 8; 9]. Также нашими коллегами выполнены работы по исследованию мобильности и эндогенности региональной элиты, судьбам политиков и депутатов после оставления должности [10; 11; 12; 30; 65, 69].

Исследовательские подходы к изучению политических карьер можно разделить на две большие группы в зависимости от того, что помещается в центр анализа — актор или контекст, в рамках которого формируются карьерные траектории. Все подходы имеют слабые и сильные стороны. М. Верчези сгруппировал подходы к исследованию

политических карьер, толково описал их достоинства, недостатки и эвристические возможности [124].

Возвращаясь к разговору о влиянии территориальных особенностей на карьерные различия и сам доступ в элитные группы, укажем, что среди определяющих факторов имеются такие, действие которых достаточно очевидно. Это не только место рождения и первичной социализации, социальное происхождение (семья и семейные ресурсы), но и место получения высшего образования. Так, у человека, родившегося и выросшего в небогатой семье (может быть, неблагополучной) в сельской местности, где в школе не хватало учителей, а в ближайшем городе и/или областном центре из вузов были только сельскохозяйственный или педагогический, возможности выбора карьеры невелики. Профессиональная социализация и деятельность после окончания вуза — время приобретения деловых связей, которые наряду с семейными связями могут послужить и нередко служат «вытягивающими» факторами карьерного продвижения. Это важно, поскольку в нашей стране велика роль неформальных связей, принадлежности к определенному клану и лояльности его патрону [2; 19; 44; 53; 15; 78]. Лояльность и взаимное доверие скрыты за формулами: «школьные друзья», «однокурсники», «коллеги по работе / бизнесу», «сослуживцы», «из хорошей семьи» и т.д.

По Конституции Российская Федерация представляет собой федеративное государство с республиканской формой правления и многоуровневой политической системой. Последняя в определенной степени унаследована от СССР, однако претерпела существенные изменения. Республиканского уровня больше нет. Вместо союзных республик в государственном устройстве РФ около девяти десятков субъектов. В качестве субъектов федеративных отношений выступают области, края, несколько национальных республик, три города — Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Появились федеральные округа, объединяющие несколько субъектов РФ. Задача округов — контроль федерального центра и повышение эффективности государственного управления на входящих в них территориях. Сохранился локальный уровень, институты которого также подверглись ряду преобразований.

В субъектах РФ, очень разнообразных по социально-экономическим, культурным, этнонациональным и религиозным характери-

кам, имеются различия в ходе политического процесса, паттернах политического поведения региональных политиков и населения, типах политической культуры. В границах отдельных субъектов РФ отличаются модели и практики взаимоотношений внутри корпуса региональной элиты, особенности взаимодействия исполнительных и законодательных институтов власти и уровень их автономности. Отмечаемое разнообразие является следствием по-разному воспринятых традиций и практик формирования «политического класса» советского периода развития страны. Более 30 лет существования РФ как государства отмечены несколькими моделями взаимодействия федерального центра и субъектов РФ. Флуктуации централизации / децентрализации имели в своей основе стремление федеральных элит не только повысить эффективность государственного управления, но и обеспечить единство, целостность страны, что является непростой задачей, учитывая размер территории и разнообразие расположенных на ней субъектов федерации.

Если оценивать прошедшие более 30 лет в целом, необходимо сказать, что преобладала тенденция к централизации. Как отмечают некоторые исследователи, усиление роли и влияния региональных лидеров носило кратковременный характер. Оно ненадолго возросло в 1990-е гг., но уже в начале 2000-х гг. федеральный центр вернул себе ведущую роль в отношениях с региональными лидерами [18; 121]. Региональная специфика, воплотившаяся в существовании различных типов региональных политических режимов, сохранилась [54; 117].

Непосредственное исследование связи / зависимости политических карьер и регионализации в контексте реформ и их последствий проводится уже более двух десятилетий в странах ЕЭС / ЕС. Были тщательно проанализированы реформы, направленные на децентрализацию и способствовавшие возникновению новых политических институтов и расширению полномочий региональных и местных правительств [102; 106; 87]. Реформы обусловили изменения в государственном управлении, партийных системах. Сформировались многоуровневые политические системы. Изменения также затронули участников политического процесса, прежде всего политические элиты. В публикациях, анализирующих политические карьеры в новых условиях, показывалось, что децентрализация и регионализация

бывших унитарных государств привели к укреплению регионального уровня власти и государственного управления в качестве самостоятельной арены политических карьер. Ученые стали говорить о появлении регионального политического класса и формировании карьерных интересов, которые отличались от интересов политиков национального уровня. В ходе исследований было подвергнуто сомнению установившееся представление о том, что посты на региональных аренах деятельности служат всего лишь карьерной ступенью на пути к национальному (федеральному) уровню власти. Оказалось, что число политиков с такой карьерной траекторией относительно невелико. В реальности сосуществуют модели карьерных траекторий, в которых национальные (федеральные) или региональные арены являются основными направлениями политической карьеры [122].

Исследователи также обратили внимание на влияние укрепившегося регионального уровня на отбор и циркуляцию элит. На материалах Испании, Франции и Великобритании было установлено, что пост премьер-министра регионального правительства стал одной из высших должностных позиций в политической иерархии. Ученые связали это явление с расширением территориальной автономии и ростом количества ресурсов, которыми располагают власти регионального и местного уровня. Было зафиксировано большее разнообразие карьерных траекторий. В рамках трех широких моделей (одноуровневая, двухуровневая и многоуровневая) выделено еще восемь вторичных моделей карьерных траекторий в соответствии с преобладанием определенных уровней политической системы [86].

В других работах также находим вывод о большем разнообразии моделей карьерных траекторий в многоуровневых политических системах, что отражает процессы регионализации и федерализации. Однако степень и характер влияния регионализма на траектории политических карьер остаются предметом споров, основная причина которых — разногласия по методическим вопросам [85; 90; 91].

Ранее говорилось об исследованиях траекторий политических карьер в старых странах ЕЭС / ЕС. Интерес к проблеме заметен и в тех странах, которые недавно присоединились к союзу. Приведем интересную работу, сделанную на материалах Чехии. В ней изучались карьерные траектории сенаторов (с 2000 по 2017 г.). Авторы описали

типичные перемещения между политическими уровнями и аренами, выделили восходящие и нисходящие траектории, сделали вывод о преобладании в стране восходящих карьер сенаторов [80].

Наши собственные исследования [7] показали, что рецентрализация, происходящая в Российской Федерации с начала 2000-х гг. и сопровождающаяся унификацией некоторых параметров политического процесса, сохраняет территориальную специфику многих характеристик, определяющих региональные особенности структуры политических возможностей. В связи с этим заметны региональные различия в составе корпуса политической элиты и карьерных траекториях политиков. Они прослеживаются по параметрам бассейна рекрутирования, количества ступеней в элитной карьере, скорости продвижения. Основная часть политиков перемещается по карьерной лестнице в рамках региона. Таким образом, преобладают региональные карьеры, при этом они могут включать в себя посты из нескольких арен деятельности политиков. На федеральный уровень, в свою очередь, перемещается лишь небольшая часть чиновников.

Гендерная структура и гендерный порядок

Уже во второй половине 1990-х гг. расширяется предметная сфера в изучении российской элиты и появляются исследования, в которых не только содержится описание или анализ той или иной субэлитной группы, но и вводится новое измерение элиты — гендерное. В гендерных исследованиях российской элиты объектом изучения чаще всего выступают женщины. Интерес для исследователей представляют такие сюжеты, как мотивация участия женщин в политике, общественной жизни, сфере управления, формы политического поведения женщин, женские избирательные движения и др. [37].

Индекс гендерного неравенства [27] в политической сфере России достаточно низок, однако исследователи отмечают диспропорции (например: [46; 75]). Недопредставленность женщин фиксируется уже на этапе выдвижения кандидатов и в избирательных списках [1, с. 80–81; 51, с. 171–172]. Впрочем, эта проблема интернациональна (см.: [113]), и в связи с ней часть исследователей говорит о гендерной сегрегации [25, с. 261]. Вместе с тем во многих странах представленность женщин во властных структурах в последние десятилетия

растет, также сокращается и общий показатель гендерного разрыва в политике [76, с. 159–163].

Процесс феминизации как административной, так и политической элиты остается относительно слабо изученной проблемой. По мнению С. Энсли, в имеющихся научных работах основное внимание уделяется анализу факторов, которые влияют на возможности женщин занять высшие руководящие позиции в органах исполнительной власти. Отмечается, что демографические, социально-экономические, культурные и политические факторы на разных уровнях управления влияют на доступ женщин к власти. Выявлено, что существует корреляция между представленностью женщин на министерских должностях, феминизацией властных органов в стране и типом демократии [79]. Пристальное внимание в работах по вопросу феминизации властных структур уделяется гендерным квотам и значимости численного присутствия женщин во властных структурах, в том числе и в парламентах [37].

По мнению П. Норрис и Д. Ловендуски, которые изучали американские законодательные органы власти, возможности для рекрутирования определяются институциональной и политической ситуацией, особенностями структуры выборных должностей и правилами, определяющими способ достижения этих должностей. Сторонники теории рационального выбора заключают, что баллотирование кандидатов на различные должности происходит только в том случае, если имеются соответствующие возможности. Далее авторы исследования обращают внимание на роль партий, количество выборных должностей на разных уровнях, уровень текучести кадров и уровень партийной конкуренции в каждом штате. Учитывая все перечисленные параметры, они приходят к выводу, что возможности для рекрутирования в законодательную власть различаются от штата к штату, от одного города к другому [112, с. 21].

В разных странах процесс феминизации элитных структур происходил в различных институциональных условиях и в различное время. Среди развитых стран достаточно поздно включение женщин в политические властные структуры происходило во Франции. Как показала Н.Ю. Лапина, важным фактором в этом процессе стало не столько появление у женщин избирательных прав (в 1944 г.), сколько принятие в 1999 г. поправки в конституцию страны о «равном доступе женщин

и мужчин к выборным постам и государственным должностям» и последующие изменения в избирательном праве [45, с. 99–100]. К этому следует добавить и давление международного контекста (влияние членства в Евросоюзе). Изменилась структура политических возможностей. Соответственно, выросла и пропорция женщин во власти.

Французский случай показывает значимость трансформации институционального дизайна, несмотря на большое влияние факторов, консервирующих гендерную асимметрию. К последним исследователи относят исторические традиции, особенности политической культуры, специфику политических институтов, сохранение стереотипов массового и индивидуального сознания [45, с. 101]. Данный перечень актуален и для России и включает в себя также «особенности политической культуры (ценности, установки, нормы и гендерные стереотипы); социоэкономические факторы (образование, профессиональная деятельность, доходы, гражданское состояние); институциональные факторы (правительственная и партийная практики назначений, избирательная система, образцы карьеры, система квот, гендерная сегрегация и дискриминация)» [24, с. 11]. Такой набор факторов служит достаточно сильным барьером для участия женщин в политике. Р. Бернард в соавторстве с коллегами, анализируя политические амбиции женщин-кандидатов на высокие властные позиции, заключают, что политические амбиции женщин-кандидатов варьируются в зависимости от состава домохозяйств и таких структурных барьеров, как уровень дохода и источники дохода [81]. Именно политическая экономия семьи удерживает самых амбициозных женщин-кандидатов от выдвижения на высокие посты [81].

Несколько иной список препятствий к построению женской политической карьеры предлагают Н.Ю. Лапина и А.Е. Чирикова. На основании интервью авторы говорят о высоком уровне конкуренции; слабом представительстве женщин в региональной бизнес-элите; несформированности каналов продвижения женщин в законодательную власть; социокультурных стереотипах электорального поведения избирателей и слабой активности самих женщин [46, с. 62]. Можно сказать, что приведенный список не столько противоречит предыдущим наблюдениям, сколько существенно дополняет их. Например, исследование, проведенное еще в социалистической Югославии,

показало, что гендерные диспропорции могут сохраняться и при сильном идеологическом и институциональном давлении [89]. Опыт Аргентины, где в 1991 г. впервые в мире были введены гендерные квоты на национальном уровне, демонстрирует, что улучшение доступа женщин к выборным должностям не решает проблемы существующего гендерного неравенства в доступе к элитным сетям [95].

Макроданные по семидесяти странам мира показывают вариации и корреляции, которые существуют между ростом гендерного равенства и богатством / бедностью общества и разницей поколений. Особое внимание в работе уделено гендерному измерению политического участия: традиционный активизм через выборы и политические партии, гражданский активизм через общественные организации, движения и протестный активизм (петиции, бойкоты, демонстрации). Что касается гендерного равенства в элите, то авторы заключают, что в мире сохраняется мужское доминирование в традиционных политических элитах, таких как партии и парламенты [103, р. 28].

Отдельный пул эмпирических исследований по рекрутированию женщин во власть — это исследования стран, имеющих сходные черты с российскими реалиями. Так, исследование М. Эскобар-Леммон и М. Тейлор-Робинсон, посвященное Латинской Америке, показало, что степень вовлеченности женщин в процесс принятия решений и получение ими министерских портфелей на национальном уровне связаны со степенью демократизации страны и типом управления (парламентская / президентская республика) [92]. При этом авторы не выявили положительную корреляцию между количеством женщин в правительстве или в парламенте страны и политической идеологией президента, находящегося у власти (левый / правый край идейно-политического спектра и др.).

О функционировании властных институтов в РФ С.Г. Айвазова еще восемнадцать лет назад писала: «[Ф]ормальные институты равноправия никак не согласуются с преобладающими (неформальными) правилами поведения представителей всех трех ветвей государственной власти (исполнительной, законодательной, судебной)» [1, с. 79]. С тех пор ситуация принципиально не изменилась. Открытие институциональных возможностей не гарантирует успех. Радикальный взгляд на причины гендерной диспропорции во властных структурах

связывает ситуацию с «мужской шовинистической структурой власти» (male-chauvinist structure of power) [125, p. 387]. Однако следует сказать, что это очевидное упрощение и лишь один из аспектов проблемы.

Социально-демографическая структура региона

Отдельного внимания заслуживает вопрос о взаимосвязи между социально-демографической структурой изучаемых регионов и политическими возможностями социальных групп. Авторы эмпирических исследований показывают, что политическое неравенство среди различных социальных групп в российском обществе только увеличивается и связано оно не только с возрастом и образованием, но и с полом. Это находит отражение в сохраняющихся формах гендерного неравенства в регионах России.

Следует сказать и о структурной особенности нашей страны. Как отмечается исследователями, «гендерная структура *российской социально-территориальной системы* дихотомична по отношению к глобальному миру и, в отличие от него, устойчиво сохраняет гендерную асимметричность в пользу женщин» [63, с. 117]. Анализ данных показывает, что в структуре населения всех изучаемых нами регионов женщины численно преобладают над мужчинами (см. табл. 4). Подобная ситуация складывается и в других регионах, что подтверждают открытые статистические данные. Однако если рассматривать данные по численности мужчин и женщин в разрезе *трудоспособного возраста* (для мужчин 16–61 лет, а для женщин — 16–56 лет), то количество женщин в данной возрастной группе несколько снижается. По данным Росстата на 1 января 2024 г., к примеру, в Дагестане женщин трудоспособного возраста проживало 945 443 чел. (мужчин — 1 008 402 чел.), в Ленинградской области — 576 140 чел. (мужчин — 645 748 чел.), в Хабаровском крае — 365 014 чел. (мужчин — 399 614 чел.), в Калининградской области — 285 540 чел. (мужчин — 317 645 чел.).

Статистические данные показывают, что женщины доминируют в социальной структуре населения Республики Дагестан, Ставропольского края и Новосибирской области. При этом заметна закономерность: именно в законодательных органах этих регионов женщины-депутаты представлены меньше всего. Наиболее феминизированными являются парламенты Москвы, Хабаровского края, Ростовской

Таблица 4 (Table 4)

Гендерные характеристики региональных парламентов*Gender characteristics of regional parliaments*

№	Наименование региона	Количество женщин на тысячу мужчин	Количество депутатов, чел.	Количество женщин в парламенте (на 2024 г.), чел.
1	Республика Дагестан	1 664 620	90	5
2	Ставропольский край	1 500 000	50	4
3	Хабаровский край	1 113 000	36	12
4	Калининградская область	1 130 000	40	7
5	Костромская область	1 175 000	35	1
6	Новосибирская область	1 515 600	76	1
7	Ленинградская область	1 199 000	50	9
8	Ростовская область	1 145 000	60	9
9	Москва	1 153 000	45	19
10	Санкт-Петербург	1 208 000	50	10

и Ленинградской областей, и именно в этих регионах, напротив, наблюдается незначительное преобладание количества мужчин над женщинами в трудоспособном возрасте.

Диахронный анализ данных за последние пятнадцать лет показывает, что на фоне административной элиты изучаемых регионов в целом в среде политической элиты выявлена большая количественная динамика, но при этом не наблюдается качественного обновления парламентов (на открытых основаниях). В большинстве региональных случаев позиции депутатов занимают женщины, которые и до этого имели значимый социальный капитал и высокий социальный статус.

Приграничный статус региона**в структуре политических возможностей**

Наше эмпирическое исследование административной и политической элит десяти регионов показало, что существуют устойчивые дифференциации относительно гендерных особенностей в диахронической перспективе. В частности, после 2015 г. происходит некоторое

увеличение числа женщин в министерской элите. При этом в ходе исследования выявлены региональные различия, которые (при введенных дополнительных характеристиках регионов в части приграничного статуса и уровня экономического развития) свидетельствуют о том, что регионы с феминизированными правительствами / парламентами не только имеют приграничный статус, но и часто занимают устойчивые позиции по экономическим показателям и качеству жизни.

В группу с относительно феминизированными парламентами, к примеру, вошли парламенты Калининградской и Ленинградской областей и Хабаровского края, где доля женщин в депутатской общности достаточно высока и варьируется от 18 до 30 %. Более того, эти регионы характеризуются инновационной привлекательностью и относительной мобильностью населения. Так, исследование И.В. Задорина, посвященное приграничным регионам, показало, что Калининградская область отличается высокой долей приезжих из других регионов, имеет особый экономический статус (до 2016 г.), зависима геополитически и экономически от центра [34, с. 114]. Кроме того, в этом регионе наблюдается высокая трансграничная мобильность (после февраля 2022 г. она, естественно, значительно снизилась) и для жителей характерна открытость к культурному обмену. В рейтинге качества жизни среди российских регионов Калининградская область в 2020 г. занимала 10 место, Ленинградская область — 7 место. Среди дальневосточных регионов Хабаровский край также имеет прочные позиции по качеству жизни и занимает второе место в рейтинге Дальневосточного федерального округа и 30 место в общероссийском рейтинге.

Что касается географического положения новых регионов Российской Федерации, то, к примеру, Республика Крым так же, как и Калининградская область, имеет особый статус прибрежного эксклава. Как было отмечено выше, парламенты приграничных регионов демонстрируют примеры относительного гендерного равновесия. Проведенное исследование по практикам взаимодействия между властью и бизнесом выявило, что крымский парламент также относится к гендерно сбалансированным институциям (как и калининградский парламент) [38]. Анализ форм взаимодействия экономической и политической элиты

в Республике Крым показал, что внутри депутатского корпуса двух созывов (2014 и 2019 гг.) представители экономической элиты занимали более половины мест, что неизбежно усиливает элитную интеграцию внутри региона. Если говорить о представленности женщин в парламенте, то, по эмпирическим данным, женщины составляли 1/5 часть парламента первого созыва (15 мандатов из 75). После выборов в парламент второго созыва (2019 г.) произошло снижение доли женщин среди региональных парламентариев: лишь восемь женщин-депутатов сохранили свои позиции, пять из них представляют экономическую элиту региона.

Проведенный анализ карьерных траекторий женщин показывает, что вне зависимости от степени представленности женщин в региональных парламентах их профессиональные биографии оказываются типичными для женщин-депутатов не только приграничных, но и иных регионов. Чаще всего преобладает горизонтальный тип карьеры, когда происходит перемещение женщин с одной высокой властной позиции на другую, в том числе и с позиции руководителя государственной или частной компании. Группа регионов с менее феминизированными правительствами / парламентами по уровню экономического развития и качеству жизни оказалась не столь однородной. В этой группе представлены как регионы-лидеры, так и регионы-аутсайдеры.

Властные институты и гендер

Структурирующее влияние на планирование профессиональной карьеры оказывают контекстные факторы, к числу которых относятся властные институты, функционирующие и иерархически упорядоченные по отношению друг к другу. Часто именно они задают логику и скорость карьерных перемещений представителей властных или околосластных сообществ и порождают типичные карьерные модели. Анализ эмпирических данных по административной элите десяти регионов показывает, что чаще всего «предэлитная» позиция как у женщин, так и у мужчин связана с низшей или средней позицией в районной администрации (63 % мужчин и 84 % женщин) и реже с бизнесом. После 2007 г. происходит постепенное снижение доли представителей бизнеса в административной элите как среди мужчин, так и среди женщин (к 2021 г. 18 % мужчин занимали эту позицию

до высокого правительственного поста и только 7 % женщин). Заметно, что женщины реже имеют опыт работы в экономических структурах, тогда как каждый пятый мужчина-министр является не просто выходцем из этих структур, но еще и занимал в этих структурах высшие позиции. Что касается политической элиты рассматриваемой группы регионов, то нарастает число тех женщин, которые до обретения депутатского мандата работали в аппарате регионального парламента, были помощниками депутатов либо членами избиркома. В этой связи женская карьера в политических структурах (парламенте) определяется как пример горизонтального перемещения из одной (часто властной) институции в другую. Примером этому может служить случай, когда глава администрации получает депутатский мандат.

Данная тенденция отражает общие изменения в карьерных траекториях политической элиты за последние пятнадцать лет, когда в парламентах регионов почти в два раза увеличилась доля выходцев из административных органов власти (2005 г. — 7 %, к 2021 г. — 13 %). В этой связи увеличение числа женщин в отдельных региональных парламентах за последние пятнадцать лет следует рассматривать в логике усиления контроля региональных парламентов со стороны административной элиты и расширения бассейна рекрутирования за счет «ближнего круга», когда отбор происходит не по гендерному принципу, а благодаря личным связям.

О влиянии «губернаторского фактора» на процесс рекрутирования женщин во властные институции пишет О.В. Попова. На основе проведенного экспертного опроса политолог заключает, «что попадание женщин на эти позиции не связано с их собственными устремлениями, получение этих должностей всегда определяется волевым политическим решением первого лица в регионе» [57, с. 26]¹. На высшие позиции назначаются чаще всего действительно женщины-профессионалы, но те, которые работали ранее в команде губернатора [57 с. 26].

¹ Следует отметить, что гипотеза о меньшей амбициозности женщин была опровергнута на примере Великобритании [33, с. 250]. Аналогично обстоит дело и в США [88, р. 1242]. Также то, что можно обозначить как ощущение власти и самоощущение во власти, не разнится у мужчин и женщин [126, р. 516].

Не меньшее влияние на процесс рекрутирования и карьерное продвижение женщин оказывает «губернаторский фактор», а именно отсутствие гендерных шовинистических взглядов у губернатора [57, с. 22]. Таким образом, «губернаторский фактор», по мнению опрошенных экспертов, влияет на карьерное продвижение женщин во властные позиции.

Что же касается гендерного профиля министерской элиты, то приток новых министров на фоне самозакрытия региональной элиты крайне ограничен, и женщины имеют еще меньше возможностей занять высшую позицию в правительстве. Важно отметить, что к 2021 г. 37 % мужчин из правительственной элиты и до этого занимали другие элитные позиции и чаще всего работали в структурах исполнительной власти, тогда как среди женщин подобный тип карьеры встречается реже. Анализ полученных данных показывает, что заметных и радикальных изменений в сегменте административной элиты по гендерному принципу в десяти российских регионах после 2015 г. не наблюдается. В целом, налицо устойчивое воспроизводство элиты на закрытых основаниях и чаще всего по принципу горизонтального перемещения. На высших административных позициях **наблюдается «мужское доминирование»**, когда мужчины занимают большинство высших позиций в региональных правительствах. Так, эмпирические данные показывают, что на протяжении длительного периода (2005–2021 гг.) в среде административной элиты большинства регионов происходило **постепенное нарастание гендерного дисбаланса** в сторону увеличения мужчин. Если в 2000-е гг. начинается постепенное увеличение числа женщин на высших позициях в административных органах власти исследуемых регионов и пик этого эффекта приходится на 2012 г. (в среднем женщины занимают 22 % высших позиций), то позже происходит резкий спад представленности женщин (с 22 % до 13 %). Начинается период десятилетней стабилизации (элитной стагнации) гендерного дисбаланса и к 2021 г. увеличение количества женщин в административном сегменте элиты не фиксируется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нормальный / регулярный путь наверх носит институционализированный характер. Индивид, ищущий элитную позицию в полити-

ческих структурах, движется в институтах и посредством институтов. В этом отношении структура политических возможностей адекватно отражает релевантную институциональную среду. Именно в такой политической системе и при таком политическом режиме существует данная структура возможностей.

Структура политических возможностей в варианте вертикальной мобильности, в отличие от понятия, используемого при исследовании общественных движений и протестных акций, характеризует карьерный потенциал системы для индивидов. Но при этом их социальные характеристики не являются факультативными. Они приобретают значимый институциональный смысл и выступают фактором вертикальной мобильности. В этом смысле значение концепции структуры политических возможностей состоит в том, что она позволяет объяснить, как те или иные особенности политических институтов влияют на бассейн рекрутирования властных элит, облегчая доступ к элитным позициям выходцам из одних социально-профессиональных категорий и, напротив, затрудняя продвижение к ним представителям других групп.

В частности, такая характеристика структуры политических возможностей, как размер легислатур, потенциально влияет на персональный и групповой доступ во власть. Шансы войти в элитное сообщество, естественно, выше в большой легислатуре. Существенно, что ресурсная конкуренция при небольших законодательных собраниях уменьшает шансы внесистемных лиц. Очевидные преимущества имеют выходцы из привилегированных групп, чиновники и бизнесмены.

«Любительство» в депутатском корпусе (политики «по совместительству» в терминах М. Вебера) также приводит к конкуренции ресурсов (прежде всего финансово-экономических), что ведет к увеличению группы бизнесменов в легислатурах. То же отчасти относится и к плюральной избирательной системе. Плутократизация политической элиты является следствием не только институционального дизайна, но и направленного действия находящихся у власти групп. Актуальность чартистских требований 1838 г. удивительным образом демонстрирует социальные основания классовой власти и неслучайности существующей структуры политических возможностей.

Региональные особенности являются важным контекстом, в рамках которого те или иные возможности могут актуализироваться как благоприятные шансы для соискателей элитных позиций.

Вместе с тем существенны определенные ограничения, носящие институциональный, социальный и культурный характер. Это хорошо показывает анализ факторов гендерного дисбаланса в политико-административных элитах. Как отмечает Р. Коннелл, «государственные элиты, за очень небольшим исключением, представляют собой настоящий «мужской заповедник»» [39, с. 172]. И здесь важно отметить, что расширение политических возможностей женщин для продвижения на элитные позиции за счет позитивного законодательного регулирования не приводит к автоматическому повышению доли женщин в структурах власти. Социально-структурный и культурный контекст имеет значение. Поэтому не стоит переоценивать роль структуры политических возможностей в процессе рекрутирования властных групп, а, следовательно, и объяснительный потенциал соответствующих концепций.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Алла Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** abc_46@mail.ru.

Дмитриева Валерия Денисовна — младший научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. **Телефон:** +7 (812) 316–34–36.

Электронная почта: ms.valeria.spb@mail.ru.

Дука Александр Владимирович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** alexander-duka@yandex.ru.

Колесник Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник доцент. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** nvkolesnik@inbox.ru.

Тев Денис Борисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** denis_tev@mail.ru.

Research Article

ALLA S. BYSTROVA¹,
VALERIYA D. DMITRIEVA¹,
ALEKSANDR V. DUKA¹,
NATALYA V. KOLESNIK^{1, 2},
DENIS B. TEV¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences 25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., St Petersburg, 190005, Russia

² HSE University-St Petersburg
6, 25th Line of Vasilyevsky Island, St Petersburg, 199106

THE POLITICAL OPPORTUNITY STRUCTURE AND SOURCES OF RECRUITMENT OF THE REGIONAL POLITICAL ELITE IN RUSSIA

Abstract. The article analyzes the concept of political opportunity structure and assesses its explanatory potential in studies of political elite recruitment. It examines such components of the political opportunity structure as the size of legislatures, the evolution of regional electoral systems, the professionalization of legislative positions, the nature of the relationship between the federal center and regional authorities, as well as between the executive and representative authorities of the region. The object of the study is the political elites of ten Russian regions. Based on the analysis of the biographical database collected for the period 2005–2021, the authors examine the influence of the above factors on the recruitment pool of deputies of legislative bodies of the Federal subjects of Russia. In particular, it is shown that the relatively small number of regional legislatures contributes to the social closeness of the deputy corps, with members from privileged socio-professional groups dominating. The non-professional (amateur) nature of most deputy positions, as well as the plurality electoral system, favors the plutocratization of the political elite. In turn, governors' control over representative power can be manifested in the recruitment of speakers and other leaders of legislatures from regional officials. The study takes into account the regional, cultural, and socio-structural contexts of recruitment to positions of power. Particular attention is paid to the specifics of career trajectories and the issue of gender imbalance in power structures. The analysis of empirical material allows not only to illustrate the theoretical provisions put forward, but also to test the practical applicability of the concept of political opportunity structure.

Keywords: political elites, recruitment of elites, gender, political opportunity structure, regional electoral systems, career, gender imbalance.

For citation: Bystrova A.S., Dmitrieva V.D., Duka A.V., Kolesnik N.V., Tev D.B. The political opportunity structure and sources of recruitment of the regional political elite in Russia. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 38–109.
DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.2>. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla S. Bystrova — Candidate of Economics, senior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** abc_46@mail.ru.

Valeriia D. Dmitrieva — Junior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** ms.valeria.spb@mail.ru.

Aleksandr V. Duka — Candidate of Political Science, leading researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** alexander-duka@yandex.ru.

Natalya V. Kolesnik — Candidate of Sociology, senior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; senior lecturer, HSE University.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** nvkolesnik@inbox.ru.

Denis B. Tev — Candidate of Sociology, senior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** denis_tev@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Айвазова С.Г. Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации // Новые направления политической науки / Отв. ред. С.Г. Айвазова, С.В. Патрушев и др. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 69–83. EDN: TIVKKV
Aivazova S.G. Gendernyi poryadok v Rossii: vozmozhnosti i predely modernizatsii [Gender order in Russia: possibilities and limits of modernization]. *Novyye napravleniya politicheskoy nauki*: [New directions in political science]. Ed. by S.G. Aivazova, S.V. Patrushev et al. Moscow: Russian Association of

- Political Science (RAPS); Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. P. 69–83. (In Russ.)
2. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. Изд. 2-е, доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 317 с. Afanas'yev M.N. *Kliyentelizm i rossiyskaya gosudarstvennost': issledovaniye kliyentskikh otnosheniy, ikh roli v evolyutsii i upadke predydushchikh form rossiyskoy gosudarstvennosti, ikh deyatel'nosti v politicheskikh institutakh i deyatel'nosti vlastnykh grupp v sovremennoy Rossii* [Clientelism and Russian statehood: A study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia]. 2nd ed., suppl. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, 2000. 317 p. (In Russ.)
 3. *Богатырева Л.В.* Механизмы рекрутирования глав региональных законодательных собраний (на примере регионов ЦФО) // Политическая наука. 2012. № 1. С. 175–189. EDN: OUKFX
Bogat'yeva L.V. Mekhanizmy rekrutirovaniya glav regional'nykh zakonodatel'nykh sobranii (na primere regionov TsFO) [Mechanisms for recruiting heads of regional legislative assemblies (using the Central Federal District regions as an example)]. *Political science (RU)*. 2012. No. 1. P. 175–189. (In Russ.)
 4. *Буренкова Э.Э.* Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп (об изучении элитных групп) // Мир России. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 3–24. EDN: ZAVMFY
Burenkova E.E. Transformatsii obshchestva i vnutrennie kharakteristiki elitnykh grupp (ob izuchenii elitnykh grupp) [Transformations of society and internal characteristics of elite groups (about studying elite groups)]. *Mir Rossii*. 1995. Vol. 4. No. 3-4. P. 3–24. (In Russ.)
 5. *Быстрова А.С.* Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // Власть и элиты. 2017. Т. 4. № 4. С. 170–203.
<https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.6>. EDN: UYHVXO
Bystrova A.S. Vliyanie sotsial'nogo konteksta na postroenie kar'ernykh traektorii: kar'ery predstavitelei razlichnykh politicheskikh pokolenii regional'nykh administrativnykh elit Rossiiskoi Federatsii [The influence of social context on the construction of career trajectories: careers of representatives of various

- political generations of regional administrative elites of the Russian Federation]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2017. Vol. 4. No. 4. P. 170–203. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.6> (In Russ.)
6. Быстрова А.С. Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. EDN: LCEFU
 Bystrova A.S. Regional'nye administrativnye elity Rossii: kar'ery i kar'ernye traektorii [Regional administrative elites of Russia: careers and career trajectories]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1> (In Russ.)
 7. Быстрова А.С. Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты Российской Федерации // *Власть и элиты*. 2023. Т. 10. № 1. С. 98–138. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>. EDN: VTBGEP
 Bystrova A.S. Regional'nye razlichiya v kar'ernykh traektoriyakh predstavitelei regional'noi politicheskoi elity Rossiiskoi Federatsii [Regional differences in the career trajectories of representatives of the regional political elite of the Russian Federation]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 98–138. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4> (In Russ.)
 8. Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер // *Власть и элиты*. 2022. Т. 9. № 2. С. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN: YLPHEC
 Bystrova A.S. Regional'nye chinovniki i politiki RF: sravnitel'nyi analiz kar'er [Regional officials and politicians of the Russian Federation: comparative analysis of careers]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5> (In Russ.)
 9. Быстрова А.С. Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // *Властные структуры и группы доминирования* / Ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93. EDN: UMSTHX
 Bystrova A.S. Tipy kar'er predstavitelei regional'noi administrativno-politicheskoi elity i faktory, vliyayushchie na kar'ernye razlichiya [Types of careers of representatives of the regional administrative and political elite and factors influencing career differences]. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya*. [Power structures and dominance groups]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012. P. 76–93. (In Russ.)
 10. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>. EDN: GXPYDO

- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Institutionalizatsiya politicheskoi elity: istochniki rekrutirovaniya i kar'era [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2> (In Russ.)
11. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: HHPAWU
Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Regional'naya politicheskaya elita: bassein rekrutirovaniya i kar'era [Regional political elite: recruitment pool and career]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4> (In Russ.)
12. Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242. EDN: YMHGUO
Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Rossiiskie regional'nye elity: innovatsionnyi potentsial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. *Globalizatsiya v rossiiskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: collection. scientific works]. Ed. by I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. P. 99–242. (In Russ.)
13. Валадес Д. Контроль над властью / Пер. с исп. А. Автономова, В. Гайдамак. М.: Идея-Пресс, 2006. 248 с.
Valades D. El control del poder [Russ. ed.: Valades D. *Kontrol' nad vlastyu*. Moscow: Ideya-Press, 2006. 248 p.]
14. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
Weber M. Politics as a Vocation. Transl. from German. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress, 1990. P. 644–706. (In Russ.)
15. Ведяшкин С.В., Глухов Е.А. Патрон-клиентские отношения в системе органов публичной власти России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 35–57. <https://doi.org/10.17223/22253513/47/3>. EDN: DQWDPT
Vedyashkin S.V., Glukhov E.A. Patron-klientskie otnosheniya v sisteme organov publichnoi vlasti Rossii [Patron-client relations in the system of public authorities of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo — Tomsk State University Journal of Law*. 2023. No. 47. P. 35–57. <https://doi.org/10.17223/22253513/47/3> (In Russ.)

16. Волков Ю.Г. Новые социальные лифты в региональном пространстве // Россия реформирующаяся. Вып. 18. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 131–159. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.6>. EDN: PVRRCJ
 Volkov Yu.G. Novye sotsial'nye lifty v regional'nom prostranstve [New social elevators in the regional space]. *Rossiia reformiruyushchayasya*. Vyp. 18 [Russia reforming. Issue 18]. Moscow: Novy Khronograf, 2020. P. 131–159. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.6>. (In Russ.)
17. Гаман-Голутвина О.В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России // Власть и элиты в современной России: Сб. научных статей / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 118–132. EDN: JFNALL
 Gaman-Golutvina O.V. Politiko-finansovye klany i politicheskie partii kak selektorat v protsessakh parlamentskogo predstavitel'stva sovremennoi Rossii [Political and financial clans in the processes of parliamentary representation of contemporary Russia]. *Vlast' i elity v sovremennoy Rossii* [Power and elites in modern Russia]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg.: Sotsiologicheskoye obshchestvo im. M.M. Kovalevskogo, 2003. P. 118–132. (In Russ.)
18. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты стран БРИК: опыт сравнительного анализа // Власть и элиты. 2014. Т. 1. № 1. С. 56–69. EDN: XIEMRF
 Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity stran BRIK: opyt sravnitel'nogo analiza [Political elites of the BRIC countries: An experience of comparative analysis]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 56–69. (In Russ.)
19. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (1) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.02>. EDN: HSODIJ
 Gaman-Golutvina O.V. Regional'nye elity Rossii: personal'nyi sostav i tendentsii evolyutsii (1) [Regional elites of Russia: Personal composition and evolutionary trends (1)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2004. No. 2. P. 6–19. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.02> (In Russ.)
20. Гаммедж Р.Д. История чартизма / Пер. с англ. А.В. Погожевой. СПб.: Дело, 1907. VIII+506 с.
 Gammage R.G. History of the chartist movement, 1837–1854 [Russ. ed.: Gammedzh R.D. *Istoriya chartizma*]. Transl. by A.V. Pogozheva. St. Petersburg.: Delo, 1907. VIII+506 p.]
21. Гейтс Р.М. Долг: мемуары министра войны / Пер. с англ. В. Желникова. М.: АСТ, 2014. 798 с.
 Gates R.M. Duty: Memoirs of a secretary at war [Russ. ed.: *Dolg: memuary ministra voyny*. Moscow: AST, 2014. 798 p.]

22. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2012. № 4 (67). С. 65–88. EDN: SYPACZ
Gelman V.Ya. Rastsvet i upadok elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii [The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*. 2012. No. 4 (67). P. 65–88. (In Russ.)
23. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: Институты, режимы и практики // Полис. Политические исследования. 1998. № 1. С. 87–105. EDN: ESCPAN
Gelman V.Ya. Regiona'naya vlast' v sovremennoi Rossii: Instituty, rezhimy i praktiki [Regional power in modern Russia: institutions, regimes and practices]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1998. No. 1. P. 87–105. (In Russ.)
24. Гнедаш А.А. Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение: Автореферат дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. 25 с. EDN: ZNQKPF
Gnedash A.A. *Politiko-administrativnyye elity postsovetskoj Rossii: gendernoye izmereniye: Avtoref. dis. ... kand. polit. n.: 23.00.02.* [Political and administrative elites of post-Soviet Russia: gender dimension: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences: 23.00.05.] Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2006. 25 p. (In Russ.)
25. Гнедаш А.А. Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение: (по материалам экспертного опроса в Краснодарском крае) // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономика. Социальная политика / Отв. ред. С.Г. Айвазова, С.В. Патрушев и др. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 258–274.
Gnedash A.A. *Politiko-administrativnyye elity postsovetskoj Rossii: gendernoye izmerenie: (po materialam ekspertnogo oprosa v Krasnodarskom krae* [Political and administrative elites of post-Soviet Russia: gender dimension: (based on materials of an expert survey in Krasnodar Krai)]. *Novyye napravleniya politicheskoy nauki: Gendernaya politologiya. Institutsional'naya politologiya. Politicheskaya ekonomiya. Sotsial'naya politika* [New directions in political science: Gender political science. Institutional political science. Political economy. Social policy]. Ed. by S.G. Aivazova, S.V. Patrushev et al. Moscow: Russian Association of Political Science (RAPS); Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. P. 258–274. (In Russ.)

26. Голосов Г.В. Измерения российских региональных избирательных систем // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 71. EDN: ESCUCV
 Golosov G.V. Izmereniya rossiiskikh regional'nykh izbiratel'nykh sistem [Dimensions of Russian regional electoral systems]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2001. No. 4. P. 71. (In Russ.)
27. Гостенина В.И., Кейзик А.С. Индекс гендерного неравенства: методика расчета и реализация // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 16. № 1. С. 28–35. <https://doi.org/10.12737/18228>. EDN: VNYAID
 Gostenina V.I., Keizik A.S. Indeks gendernogo neravenstva: metodika rascheta i realizatsiya [Gender inequality index: methods of calculation and implementation]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk*. <https://doi.org/10.12737/18228> (In Russ.)
28. Гуторова А.Н. Конституционно-правовой статус депутатов, работающих на постоянной и непостоянной основе // НОМОТХЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 1. С. 120–125. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-1-120-125>. EDN: HCNANI
 Gutorova A.N. Konstitutsionno-pravovoi status deputatov, rabotayushchikh na postoyannoi i nepostoyannoi osnove [Constitutional-legal status of the deputies working on a constant and temporary basis]. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series*. 2021. Vol. 46. No. 1. P. 120–125. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-1-120-125>. (In Russ.)
29. Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.
 Dye T.R., Zeigler L.H. The irony of democracy: an uncommon introduction to American politics [Russ. ed.: *Demokratiya dlya elity: Vvedeniye v amerikanskuyu politiku*. Moscow: Yuridicheskaya literature, 1984. 320 p.]
30. Даугавет А.Б. Представительная власть Санкт-Петербурга как неформальный институт (2000–2011) // Властные структуры и группы доминирования / Ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 344–369. EDN: UMSTPF
 Daugavet A.B. Predstavitel'naya vlast' Sankt-Peterburga kak neformal'nyi institut (2000–2011) [Representative power of St. Petersburg as an informal institution (2000–2011)]. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya* [Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya Power structures and dominance groups]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012. P. 344–369. (In Russ.)
31. Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN: YOPBVI
 Duka A.V. Mobil'nost' i endogennost' regional'nykh politiko-administrativnykh elit [Mobility and endogeneity of regional political and administrative

- elites]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3> (In Russ.)
32. Дука А.В. Политический режим и возможности протестной активности // Актуальные проблемы Европы. 2023а. № 3 (119). С. 32–54. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.02>. EDN: NAOJQW
Duka A.V. Politicheskii rezhim i vozmozhnosti protestnoi aktivnosti [Political regime and opportunities for protest activity]. *Aktual'nyye problemy Yevropy = Current problems of Europe*. 2023a. No. 3 (119). P. 32–54. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.02> (In Russ.)
33. Дука А.В. Элиты в структуре политических возможностей // Власть и элиты. 2023б. Т. 10. №. 2. С. 24–43. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2>. EDN: AIVBFP
Duka A.V. Elity v strukture politicheskikh vozmozhnostej [Elites in the political opportunity structure]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2023b. Vol. 10. No. 2. P. 24–43. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2> (In Russ.)
34. Жохова А.А. Гендерное измерение женского политического лидерства Великобритании и Франции в XX–XXI вв. // Гендерные ресурсы социальных изменений / Отв. ред. М.Ю. Милованова, М.Б. Буланова, И.О. Шевченко. М.: РГГУ, 2024. С. 248–264.
Zhokhova A.A. Gendernoe izmerenie zhenskogo politicheskogo liderstva Velikobritanii i Frantsii v XX–XXI vv. [Gender dimension of women's political leadership in Great Britain and France in 20th–21st centuries]. *Gendernyye izmeneniya v resursakh* [Gender Resources of Social Measurements]. Ed. by M.Yu. Milovanova, M.B. Bulanova, I.O. Shevchenko. Moscow: RGGU, 2024. P. 248–264. (In Russ.)
35. Задорин И.В. Регионы «Рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 2 (89). С. 102–136. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136> EDN: PILJIX
Zadorin I.V. Regiony «Rubezha»: territorial'naya identichnost' i vospriyatie «osobosti» [“Frontier” regions: territorial identity and perception of “specialness”]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*. 2018. No. 2 (89). P. 102–136. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136> (In Russ.)
36. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
Zakaria F. The Future of freedom: Illiberal democracy at home and abroad. [Russ. ed.: *Budushchiye svobody: neliberal'naya demokratiya v SSHA i za ikh interesy*. М.: Ladomir, 2004. 383 p.]

37. Колесник Н.В. Гендерные распределения в региональной элите (северо-запад и юг России) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 2. С. 72–87. EDN: KUCBAV
Kolesnik N.V. Gendernye raspredeleniya v regional'noi elite (severo-zapad i yug Rossii) [Gender distributions in the regional elite (Northwest and South of Russia)]. *Politicheskaja jekspertiza: Politeks*. 2009. Vol. 5. No. 2. P. 72–87. (In Russ.)
38. Колесник Н.В. Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 468–491.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652>. EDN: CKWDZJ
Kolesnik N.V. Gendernoe (ne)ravenstvo v politicheskoi vlasti rossiiskikh regionov [Gender (in) equality in political power in Russian regions]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021. No. 4. P. 468–491. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652> (In Russ.)
39. Колесник Н.В. Экономическая элита Крыма после 2014 г. // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 41–50.
<https://doi.org/10.31857/S013216250027777-7>. EDN: RSJDKS
Kolesnik N.V. Ekonomicheskaya elita Kryma posle 2014 g. [Economic elite of Crimea after 2014]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 9. P. 41–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250027777-7> (In Russ.)
40. Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика / Пер. с англ. Т. Барчуновой; науч. ред. пер. И. Тартаковской. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
Connell R. Gender and power: society, the person and sexual politics. [Russ. ed.: *Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika*. Transl. T. Barchunova. Moscow: NLO, 2015. 432 p.]
41. Крыштановская О.В., Лавров И.А. Вертикальная мобильность в российской политике // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 25–39.
<https://doi.org/10.31857/S0132162524100039>. EDN: EXSUWW
Kryshstanovskaya O.V., Lavrov I.A. Vertikal'naya mobil'nost' v rossiiskoi politike [Vertical mobility in Russian politics]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2024. No. 10. P. 25–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100039> (In Russ.)
42. Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 142–155. EDN: ESCVJD
Kuz'min A.S., Melvin N.Dzh., Nechaev V.D. Regional'nye politicheskie rezhimy v postsovetsoi Rossii: opyt tipologizatsii [Regional political regimes in post-

- Soviet Russia: the experience of typology]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2002. No. 3. P. 142–155. (In Russ.)
43. Кынев А.В. Двадцатилетие путинской избирательной реформы: зигзаги, превратившиеся в круговорот // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 1 (129). С. 62–75. EDN: WKDNBF
Kynev A.V. Dvadsatiletie putinskoi izbiratel'noi reformy: zigzagi, prevrativshiesya v krugovorot [Twenty years of Putin's electoral reform: zigzags that turned into a cycle]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An inviolable reserve. Discussions about politics and culture]. 2020. No. 1 (129). P. 62–75. (In Russ.)
44. Кынев А.В. Пропорционализация региональных выборов. Положение парламентов субъектов в России и итоги первого цикла региональной избирательной реформы // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 101–114. EDN: NTKLAV
Kynev A.V. Proportsionalizatsiya regional'nykh vyborov. Polozhenie parlamentov sub'ektov v Rossii i itogi pervogo tsikla regional'noi izbiratel'noi reformy [Proportionalization of regional elections. The position of parliaments of the subjects in Russia and the results of the first cycle of regional electoral reform]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*. 2008. No. 4 (65). P. 101–114. (In Russ.)
45. Лажамая Ч.К. Клановость в политике регионов России: Тувинские правители. СПб.: Алетей, 2010. 208 с.
Lazhamaa Ch.K. *Klanovost' v politike regionov Rossii: Tuvinskiye praviteli* [Clannishness in the Politics of Russian Regions: Tuvan Rulers]. St. Petersburg: Aleteya, 2010. 208 p. (In Russ.)
46. Лапина Н.Ю. Феминизация политической элиты: изучение проблемы в рамках компаративного исследования // PRO NUNC: Современные политические процессы. Т. 9. № 1. Российская политика в региональном измерении / Предс. редкол. Р.Ф. Туровский. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 96–125. EDN: OZDXQD
Lapina N.Yu. Feminizatsiya politicheskoi elity: izuchenie problemy v ramkakh komparativnogo issledovaniya [Feminization of political elites: the study of problems in the comparative project]. *PRO NUNC: Sovremennyye politicheskiye protsessy = Modern political processes*. Vol. 9. No. 1. Russian policy in the regional dimension / Chairman of the editorial board R.F. Turovsky. Tambov: Publishing house of TSU named after G.R. Derzhavin, 2009. P. 96–125. (In Russ.)
47. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // Россия и современный мир. 2010. № 1 (66). С. 52–70. EDN: LKABHF

- Lapina N.Yu., Chirikova A.Ye. Zhenshchina vo vlasti v Rossii: kar'ernyi rost i motivatsiya [A woman in power in Russia: careers and motivation]. *Rossiia i sovremennyy mir*. 2010. No. 1 (66). P. 52–70. (In Russ.)
48. Любарев А.Е. Занимательная электоральная статистика. М.: Голос консалтинг, 2021. 304 с.
 Lyubarev A.E. *Zanimatel'naja jelektoral'naja statistika*. [Entertaining Electoral Statistics]. Moscow: Golos Consulting, 2021. 304 p. (In Russ.)
49. Любарев А.Е. На пути к реформе законодательства о выборах: позиция экспертов. Москва: Издательские решения, 2019а. 242 с.
 Lyubarev A.E. *Na puti k reforme zakonodatel'stva o vyborah: pozitsiya jekspertov*. [Towards reform of electoral legislation: experts' position]. Moscow: Izdatel'skie resheniya, 2019a. 242 p. (In Russ.)
50. Любарев А.Е. Распределение мандатов между партийными списками на региональных и муниципальных выборах в России // Политическая наука. 2019б. № 1. С. 165–185.
<https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.09>. EDN: ZCJKNH
 Lyubarev A.E. *Raspredelenie mandatov mezhdru partiinymi spiskami na regional'nykh i munitsipal'nykh vyborah v Rossii* [Distribution of seats between the party lists in regional elections in Russia]. *Political science (RU)*. 2019. No. 1. P. 165–185. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.09> (In Russ.)
51. Майер К.У., Зольга Х. Мобильность и легитимность. Сравнение структуры возможностей в старой ФРГ и ГДР, или чему способствовала бы мобильность — стабильности или распаду ГДР? // Современная немецкая социология: 1990-е годы / Ред. В. Козловский, Э. Ланге, Х. Харбах. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 556–573.
 Mayer K.U., Solga H. *Mobilität und Legitimität. Zum Vergleich der Chancenstrukturen in der alten DDR und der alten BRD: Haben Mobilitätschancen zu Stabilität und Zusammenbruch der DDR beigetragen*. Transl. from German. *Sovremennaya nemetskaya sotsiologiya: 1990-ye gody* [Modern German Sociology: the 1990s]. Ed. by V. Kozlovsky, E. Lange, H. Harbach. St. Petersburg: Sociological Society named after M.M. Kovalevsky, 2002. P. 556–573. (In Russ.)
52. Милованова М.Ю., Золотых Е.А. Политическая карьера женщин в России и Германии // Гендерные ресурсы социальных изменений / Отв. ред. М.Ю. Милованова, М.Б. Буланова, И.О. Шевченко. М.: РГГУ, 2024. С. 264–276.
 Milovanova M.Yu., Zolotykh E.A. *Politicheskaya kar'era zhenshchin v Rossii i Germanii* [Political career of women in Russia and Germany]. *Gendernyye sotsial'nyye izmeneniya resursov* [Gender Resources of Social Measurements].

- Ed. by M.Yu. Milovanova, M.B. Bulanova, I.O. Shevchenko. Moscow: RGGU, 2024. P. 264–276. (In Russ.)
53. Могилевкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 336 с.
Mogilevkin E.A. *Kar'ernyj rost: diagnostika, tehnologii, trening* [Career growth: diagnostics, technologies, training]. St. Petersburg: Rech, 2007. 336 p. (In Russ.)
54. Нигматуллина Т.А. Клиентелизм как политический тренд регионального элитообразования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2017. № 3 (36). С. 7–16. EDN: ZHTKJT
Nigmatullina T.A. Klientelizm kak politicheskii trend regional'nogo elitoobrazovaniya [Clientelism as a political trend of regional elite formation]. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2017. No. 3. P. 7–16. (In Russ.)
55. Панов П.В. Региональные политические процессы в Российской Федерации в «эпоху Путина»: унификация или диверсификация? // ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 4. С. 109–134. EDN: KVIKGT
Panov P.V. Regional'nye politicheskie protsessy v Rossiiskoi Federatsii v «epokhu Putina»: unifikatsiya ili diversifikatsiya? [Regional political processes in the Russian Federation in the “Putin era”: unification or diversification?] *POLITeKS*. 2006. Vol. 2. No. 4. P. 109–134. (In Russ.)
56. Панов П.В. Факторы своеобразия партийно-электорального ландшафта в регионах России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 2. С. 202–223.
<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-202-223>. EDN: DWEIAH
Panov P.V. Faktory svoeobraziya partiino-elektoral'nogo landshafta v regionakh Rossii [The party-electoral landscape dissimilarity factors in the regions of Russia]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 202–223. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-202-223> (In Russ.)
57. Панов П.В., Филиппова Е.Ю. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 3 (31). С. 33–49. EDN: UIHXBP
Panov P.V., Filippova E.Yu. Praktiki raspredeleniya vlastnykh pozitsii v rossiiskikh «natsional'nykh respublikakh»: problema mezhetnicheskogo balansa [Practices of allocating offices in Russian “national republics”: the issues of the inter-ethnic balance]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science]. 2015. No. 3 (31). P. 33–49. (In Russ.)
58. Попова О.В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // Женщины в российском обществе. 2013. № 3. С. 21–30. EDN: RENOIN

- Popova O.V. Gendernye aspekty politicheskoi kar'ery rossiiskoi subfederal'noi elity: mneniya ekspertov [Gender aspects of the political career of the Russian subfederal elite: expert opinions]. *Zhenshhiny v rossijskom obshchestve* [Women in Russian society]. 2013. No. 3. P. 21–30. (In Russ.)
59. *Расторгуев С.В.* Сравнительный анализ электоральных процессов на выборах в областные думы в 2000-е гг. (на примере Костромской, Тамбовской, Рязанской областей) // Вестник Пермского университета. Политология. 2011. № 4 (16). С. 123–135. EDN: OKHIIIR
 Rastorguev S.V. Sravnitel'nyi analiz elektoral'nykh protsessov na vyborah v oblastnye dumy v 2000-e gg. (na primere Kostromskoi, Tambovskoi, Ryazanskoi oblastei) [Comparative analysis of electoral processes in elections to regional dumas in the 2000s (on the example of Kostroma, Tambov, Ryazan regions)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science]. 2011. No. 4 (16). P. 123–135. (In Russ.)
60. *Расторгуев С.В.* Экономическая власть депутатов областных парламентов // Власть. 2012. № 10. С. 108–116. EDN: PEOBDH
 Rastorguev S.V. Ekonomicheskaya vlast' deputatov oblastnykh parlamentov [Economic power of deputies of regional parliaments]. *Vlast'* [Power]. 2012. No. 10. P. 108–116. (In Russ.)
61. *Руденкин Д.В.* Полюсы политической активности российской молодежи: сравнение активистов провластных и оппозиционных движений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 203–215.
<https://doi.org/10.17223/1998863X/55/21>. EDN: OERFXK
 Rudenkin D.V. Polyusy politicheskoi aktivnosti rossiiskoi molodezhi: sravnenie aktivistov provlastnykh i oppozitsionnykh dvizhenii [Poles of political activity of Russian youth: comparison of activists of pro-government and opposition movements]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science]. 2020. No. 55. P. 203–215.
<https://doi.org/10.17223/1998863X/55/21> (In Russ.)
62. *Рюде Дж.* Народные низы в истории, 1730–1848 / Пер. с англ. Е.И. Бухаровой, А.О. Зелениной. М.: Прогресс, 1984. 320 с.
 Rudé G. The Crowd in History. A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848 [Russ. ed. Ryude Dzh. *Narodnyye nizy v istorii, 1730–1848* / Transl. by Ye.I. Bukharova, A.O. Zelenina. M.: Progress, 1984. 320 p.]
63. *Силласте Г.Г.* Мировой гендерный ландшафт и страновой гендерный порядок в условиях глобальной трансформации социальных систем // Век глобализации. 2022. № 3. С. 112–131. <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.03.0>

- Sillaste G.G. Mirovoi gendernyi landshaft i stranovoi gendernyi poryadok v usloviyakh global'noi transformatsii sotsial'nykh sistem [The global gender landscape and the country gender order in the context of global transformation of social systems]. *Vek globalizatsii* [The Age of Globalization]. 2022. No. 3. P. 112–131. <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.03.0> (In Russ.)
64. Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. 1997. № 3. С. 5–23.
Sleptsov N.S., Kukolev I.V., Ryskova T.M. Novaya legitimnost' regional'nykh liderov [New legitimacy of regional leaders]. *Sociologiya vlasti = Sociology of power*. 1997. No. 3. P. 5–23. (In Russ.)
65. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. М.: Academia; LVS, 2005. XX+588 с.
Sorokin P. Social Mobility [Russ. ed.: *Sotsial'naya mobil'nost'*. Moscow: Academia, LVS, 2005. XX+588 p.]
66. Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 106–133.
<https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. EDN: XNYZET.
Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoi Dumy RF: osobennosti kar'ery posle prekrashcheniya polnomochii [Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career characteristics after the termination of office]. *Sociologicheskoe obozrenie = The sociological review*. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 106–133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133> (In Russ.)
67. Тев Д.Б. Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе: сравнительный анализ карьеры после ухода с должности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 217–238.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. EDN: XZFPTC
Tev D.B. Deputaty fraktsii Edinoi Rossii i KPRF v Gosudarstvennoi Dume: sravnitel'nyi analiz kar'ery posle ukhoda s dolzhnosti [Deputies of the United Russia and CPRF Fractions in the State Duma: A comparative analysis of careers after leaving office]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 4. P. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248> (In Russ.)
68. Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>. EDN: RXYACY
Tev D.B. Regional'naya administrativnaya elita: sotsial'no-professional'nye

- istochniki rekrutirovaniya i kar'era [Regional administrative elite: socio-professional sources of recruitment and careers]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>. (In Russ.)
69. Тев Д.Б. Спикеры региональных законодательных собраний: карьерные пути и каналы рекрутирования // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8. № 1. С. 28–65. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.2>. EDN: CGOTCJ
- Tev D.B. Spikery regional'nykh zakonodatel'nykh sobranii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovaniya [Speakers of regional legislatures: career routes and recruitment channels]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 26–65. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.2> (In Russ.)
70. Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.1>. EDN: BBGNON
- Tev D.B. Federal'naya administrativnaya elita Rossii: osobennosti kar'ery posle ukhoda s dolzhnosti [Federal administrative elite of Russia: features of a career after leaving office]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023. No. 1. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10> (In Russ.)
71. Туровский Р.Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 82–92. EDN: OGDXDZ
- Turovsky R.F. Institutsional'nyi dizain rossiiskoi regional'noi vlasti: kazhushchaya-sya prostota? [Institutional design of Russian regional government: apparent simplicity?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2011. No. 5. P. 82–92. (In Russ.)
72. Туровский Р.Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2012. № 3 (66). С. 100–120. EDN: SLCEKJ
- Turovsky R.F. Elektoral'noe prostranstvo Rossii: ot navyazannoi natsionalizatsii k novoi regionalizatsii? [Electoral space of Russia: from imposed nationalization to new regionalization?] *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)* [Politics: An analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)]. 2012. No. 3 (66). P. 100–120. (In Russ.)
73. Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2021. № 2 (101). С. 121–143. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>. EDN: FPVYFY.

- Turovsky R.F., Sukhova M.S. Kooptatsiya oppozitsii v regional'nykh parlamentakh Rossii: igra s narusheniem pravil [Cooptation of opposition in Russian regional parliaments: game that breaks rules]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)* [Politics: An analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)]. 2021. No. 2 (101). P. 121–143.
<https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>. (In Russ.)
74. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. В.Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
Huntington S. Political order in changing societies. [Russ. ed.: *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah*. Transl. by V.R. Rokityansky. Moscow: Progress-Tradiciya publ., 2004. 480 p.]
75. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения / Пер. с англ. СПб.: Речь, 2001. 256 с.
Heckhausen H. The Anatomy of Achievement Motivation [Russ. ed.: *Psikhologiya motivatsii dostizheniy*. St. Petersburg, 2001. 256 p.]
76. Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт. М.: Институт социологии РАН, 2009. 72 с.
Chirikova A.Ye., Lapina N.YU. *Zhenshchina na vysshikh etazhakh vlasti. Rossiyskiye praktiki i frantsuzskiy opyt* [A woman at the highest levels of power. Russian practices and French experience]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2009. 72 p. (In Russ.)
77. Шведова Н.А. ООН и гендерное равенство: давно назрела необходимость «сочетать риторику с ресурсами» // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 156–166.
<https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.4.10>. EDN: HDAOAC
Shvedova N.A. OON i gendernoe ravenstvo: davno nazrela neobkhodimost' «sochetat' ritoriku s resursami» [The UN and gender equality: it's long overdue to «match rhetoric with resources»]. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* [A woman in Russian society]. 2024. No. 4. P. 156–166.
<https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.4.10> (In Russ.)
78. Шириков А. Анатомия бездействия: Политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 276 с.
Shirikov A. *Anatomija bezdejstviya: Politicheskie instituty i konflikty v byudzhetnom processe regionov Rossii* [Anatomy of inaction: political institutions and conflicts in the budget process of Russian regions]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg publ., 2010. 276 p. (In Russ.)

79. Шкель С.Н. Скованные одной цепью. Выборы, этнический фактор и патронажная политика в регионах России. М.: Новый Хронограф, 2024. 224 с.
Shkel S. *Skovannyye odnu tsep'yu. Vybery, etnicheskiy faktor i patronazhnaya politika v regionakh Rossii* [Chained by one chain elections, ethnic factors and patronage policy in the regions of Russia]. Moscow: Novy Khronograf, 2024. 224 p. (In Russ.)
80. Annesley C. Rules of ministerial recruitment. *Politics & Gender*. 2015. Vol. 11. No. 4. P. 618–642. <https://doi.org/10.1017/S1743923X15000434>
81. Bernard J., Čerma'k D. Vzestupné a sestupné politické dráhy českých poslanců a senátorů. *Acta Politologica*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 22–42. https://doi.org/10.14712/1803-8220/3_2020
82. Bernard R., Shames S., Teele D.L. To emerge? Breadwinning, motherhood and women's decisions to run for office. *American political science review*. 2021. Vol. 115. No. 2. P. 379–394. <https://doi.org/10.1017/S0003055420000970>
83. Bolle de Bal M. Motivation. *Concise encyclopaedia of participation and co-management*. Ed. by G. Széll. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992. P. 552–557.
84. Borchert J. Individual ambition and institutional opportunity: A conceptual approach to political careers in multi-level systems. *Regional & Federal Studies*. 2011. Vol. 21. No. 2. P. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>
85. Borchert J. Professional politicians: Towards a comparative perspective. *the political class in advanced democracies*. Ed. by J. Borchert, J. Zeiss. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 1–25.
86. Borchert J., Stolz K. Institutional order and career patterns: Some comparative considerations. *Regional & federal studies*. 2011. Vol. 21. No. 2. P. 271–282. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.530022>
87. Botella J., Rodríguez Teruel J., Barberà O., Barrio A. A new political elite in Western Europe? The political careers of regional prime ministers in newly decentralised countries. *French Politics*. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 42–61.
88. Caciagli M. *Regioni d'Europa: devoluzioni, regionalismi, integrazione europea*. Firenze, Italy: Il Mulino, 2003.
89. Carroll S.J. Political elites and sex differences in political ambition: A reconsideration. *The Journal of Politics*. 1985. Vol. 47. No. 4. P. 1231–1243. <https://doi.org/10.2307/2130817>
90. Clark C., Clark J. The gender gap in Yugoslavia: Elite versus mass levels. *Political psychology*. 1987. Vol. 8. No. 3. P. 411–426.

91. Dodeigne J. (Re-)assessing career patterns in multilevel systems: Insights from Wallonia in Belgium. *Regional & Federal Studies*. 2014. Vol. 24. No. 2. P. 151–171. <https://doi.org/10.1080/13597566.2013.865605>
92. Dodeigne J. Who governs? The disputed effects of regionalism on legislative career orientation in multilevel systems. *West European Politics*. 2018. Vol. 41. No. 3. P. 728–753. <https://doi.org/10.1080/1402382.2017.1415549>
93. Escobar-Lemmon M., Taylor-Robinson M. Women ministers in Latin American government: when, where, and why? *American Journal of Political Science*. 2005. Vol. 49. No. 4. P. 829–844. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2005.00158.x>
94. Eulau H., Buchanan W., Ferguson L.C., Wahlke J.C. Career perspectives of American state legislators. *Political decision-makers*. Ed. by D. Marvick. New York: Free Press, 1961. P. 218–263.
95. Fiorina M.P. Further evidence of the partisan consequences of legislative professionalism. *American journal of political science*. 1999. Vol. 43. No. 3. P. 974–977. <https://doi.org/10.2307/2991843>
96. Franceschet S., Piscopo J.M. Sustaining gendered practices? Power, parties, and elite political networks in Argentina. *Comparative political studies*. 2014. Vol. 47. No. 1. P. 85–110. <https://doi.org/10.1177/0010414013489379>
97. Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian institutions and the survival of autocrats. *Comparative political studies*. 2007. Vol. 40. No. 11. P. 1279–1301. <https://doi.org/10.1177/00104140073058>
98. Golosov G. Growing old without grace: electoral authoritarianism and the age composition of Russia's regional legislative assemblies. *Representation*. 2014. Vol. 50. No. 4. P. 509–526. <https://doi.org/10.1080/00344893.2014.979223>
99. Golosov G.V. Legislative turnover and executive control in Russia's regions (2003–2014). *Europe-Asia studies*. 2017. Vol. 69. No. 4. P. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>
100. Guttsman W.L. *The British political elite*. London: MacGibbon and Kee, 1963. 398 p.
101. Harasymiw B. Mosca and Moscow: Elite recruitment in the Soviet Union. *Does who governs matter? Elite circulation in contemporary societies*. Ed. by M.M. Czudnowski. Chicago: Northern Illinois University Press, 1982. P. 265–292.
102. Harasymiw B. *Political elite recruitment in the Soviet Union*. London: MacMillan Press, 1984. XVIII+277 p.

103. Harvie C. *The rise of regional Europe*. London: Routledge, 1994. 112 p.
104. Inglehart R., Norris P. *Rising tide. Gender equality and cultural change around the world*. New York: Cambridge University Press, 2003. 219 p.
105. Jensen N.M., Malesky E., Weymouth S. Unbundling the relationship between authoritarian legislatures and political risk. *British journal of political science*. 2014. Vol. 44. No. 3. P. 655–684. <https://doi.org/10.1017/S0007123412000774>
106. Johns G. Electorate wins battle, élites winning war. *IPA Review*. 2001. Vol. 53. No. 4. P. 11–12.
107. Keating M. *The new regionalism in Western Europe: Territorial restructuring and political change*. Northampton: Edward Elgar, 1998. IX+242 p.
108. Landau M. Ser Jefe de Gobierno de la Ciudad de Buenos Aires: la jerarquización de un cargo político y su impacto en la Argentina reciente. *Pléyade. Revista de humanidades y ciencias sociales*. 2001. No. 28. P. 140–160. Accessed 08.08.2024. URL: https://ri.conicet.gov.ar/bitstream/handle/11336/207778/CONICET_Digital_Nro.85d8c875-0942-40c7-aa98-6f9289182d78_C.pdf?sequence=5&isAllowed=y
109. Lane R.E. *Political life: Why people get involved in politics*. New York: Free Press, 1965. 374 p.
110. Lasswell H.D. The study of political elites. *Harold D. Lasswell on political sociology*. Ed. by D. Marvick. Chicago: The University of Chicago Press, 1977. P. 114–134.
111. Malesky E., Schuler P. Nodding or needling: Analyzing delegate responsiveness in an authoritarian parliament. *American political science review*. 2010. Vol. 104. No. 3. P. 482–502. <https://doi.org/10.1017/S0003055410000250>
112. Mosca G. *The ruling class*. New York; London: McGraw-Hill book company, inc., 1939. XII+514 p.
113. Norris P., Lovenduski J. *Political recruitment. Gender, race and class in the British Parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 320 p.
114. Ono Y., Endo Y. The underrepresentation of women in politics: A literature review on gender bias in political recruitment processes. *Interdisciplinary Information Sciences*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 36–53. <https://doi.org/10.4036/iis.2024.R.01>
115. Recchi E. Politics as occupational choice: Youth self-selection for party careers in Italy. *European sociological review*. 1999. Vol. 15. No. 1. P. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a018251>
116. Reuter O.J., Robertson G.B. Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes. *The journal of politics*. 2015. Vol. 77. No. 1. P. 235–248. <https://doi.org/10.1086/678390>

117. Reuter O.J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes. *Party politics*. 2012. Vol. 20. No. 5. P. 663–674.
<https://doi.org/10.1177/1354068812448689>
118. Ross C., Panov P. The range and limitation of sub-national regime variations under electoral authoritarianism: The case of Russia. *Regional & federal studies*. 2019. Vol. 29. No. 3. P. 355–380.
<https://doi.org/10.1080/13597566.2018.1530221>.
119. Samuels D. *Ambition, federalism, and legislative politics in Brazil*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 248 p.
120. Schlesinger J. *Ambition and politics: Political Careers in the United States*. Chicago: Rand McNally, 1966. 226 p.
121. Semenova E. The patterns of political career movements in the Russian Federation: The case of regional governors, 1991–2021. *Regional & federal studies*. 2025. Vol. 35. No. 3. P. 417–436.
<https://doi.org/10.1080/13597566.2022.2155811>
122. Snowiss L.M. Congressional recruitment and representation. *American political science review*. 1966. Vol. 60. No. 3. P. 627–639. <https://doi.org/10.2307/1952975>
123. Stolz K. Moving up, moving down: Political careers across territorial levels. *European journal of political research*. 2003. Vol. 42. No. 2. P. 223–248.
<https://doi.org/10.1111/1475-6765.00081>
124. Tronconi F. Sub-national political elites. *The Palgrave handbook of political elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 611–624.
https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_38
125. Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? *Revista española de ciencia política*. 2018. No. 48. P. 183–206.
<https://doi.org/10.21308/recp.48.07>
126. Vianello M. Gender. *Concise encyclopaedia of participation and co-management*. Ed. by G. Széll. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992. P. 385–389.
127. Vianello M. Gender differences in access to and exercise of power. *Current sociology*. 2004. Vol. 52. No. 3. P. 501–518.
<https://doi.org/10.1177/0011392104043089>
128. Wiesli R. Switzerland: The militia myth and incomplete professionalization. *The political class in advanced democracies: A comparative handbook*. Ed. by J. Borchert, J. Zeiss. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 374–392.
129. Wright J. Do authoritarian institutions constrain? How legislatures affect economic growth and investment. *American journal of political science*. 2008. Vol. 52. No. 2. P. 322–343. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00315.x>

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.3>.
EDN: OIMTLR

*В.Б. ГОЛЬБРАЙХ*¹

¹Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МИНИСТРЫ КУЛЬТУРЫ: ОСОБЕННОСТИ КАРЬЕРНЫХ ТРАЕКТОРИЙ И БАССЕЙНА РЕКРУТИРОВАНИЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию карьерных траекторий представителей региональных элит, отвечающих за проведение культурной политики в субъектах Российской Федерации. С использованием метода структурно-биографического анализа были рассмотрены биографии 129 министров культуры, занимавших свой пост в 2020 и 2024 гг. Выявлены особенности этой группы региональной бюрократии. Автор замечает, что существенная часть министров окончила профильные вузы, связанные со сферой культуры, и до вступления в должность имела опыт работы в соответствующей области, а также занимала административные должности на местном и региональном уровне. Следовательно, как и в отношении региональной административной элиты, можно говорить о бюрократической профессионализации руководителей ведомств, ответственных за проведение культурной политики в регионах. В то же время изучаемая часть административной элиты является более открытой по сравнению с региональной административной элитой в целом. Для нее в большей степени свойственно внешнее рекрутирование. Исследование показало, что важную роль в процессе рекрутирования бюрократической элиты в сфере культуры играют группы, занимающие промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре (сфера культуры, науки и образования). Выдвинуто предположение, что

в большей степени лоббистами в области культуры являются лица, ранее занимавшие различные должности в учреждениях этой отрасли. Также замечено, что заметная доля чиновников после ухода с поста руководителя региональной культуры устраивается в учреждения культуры и образования. В свою очередь, если сравнивать с региональной административной элитой в целом, то бизнес-структуры в гораздо меньшей степени становятся бассейном для рекрутирования на должности руководителей ведомств по управлению региональной культуры.

Ключевые слова: региональные министры культуры, региональная административная элита, карьера, бассейн рекрутирования.

Для цитирования: Гольбрайх В.Б. Региональные министры культуры: особенности карьерных траекторий и бассейна рекрутирования // *Власть и элиты*. 2025. Т. 12. № 2. С. 110–135.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.3>. EDN: OIMTLR

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена региональной элите, отвечающей за проведение культурной политики в субъектах Российской Федерации. Государственная культурная политика определяется в России как «деятельность, осуществляемая органами публичной власти при участии институтов гражданского общества, направленная на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей»¹. К полномочиям органов субъектов Российской Федерации в области культурной политики среди прочего относятся: сохранение, памятников истории и культуры, находящихся в собственности субъектов РФ; создание и поддержка региональных государственных музеев, организация библиотечного обслуживания; создание и поддержка учреждений

¹ О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: утв. Указом Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 [Электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2025.

URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855>

культуры и искусства (за исключением федеральных); поддержка народных художественных промыслов; поддержка региональных и местных национально-культурных автономий¹. Исследователи подчёркивают, что с начала 2000-х гг. происходит усиление роли российского государства в сфере культуры, [30]. При этом именно на региональные власти ложится существенная доля в проведении культурной политики. Так, по данным отечественных авторов, в 2020 г. около 83 % всех культурных затрат приходилось на региональный уровень [12]. В связи с этим интересно задаться вопросом, кто именно является проводником культурной политики в российских регионах. Рассмотрим траектории карьер и бассейны рекрутирования руководителей органов власти субъектов РФ, отвечающих за культурную политику.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Исследователи подчеркивают важность изучения социально-профессионального состава региональной элиты, поскольку он «отчасти может быть своего рода “зеркалом”, в котором отражается структура власти регионального сообщества» [19, с. 147]. В том числе отмечается значимость социально-профессионального происхождения представителей региональной элиты и особенностей их карьеры, которые «могут в какой-то степени влиять на их политические аттитюды и поведение» [4, с. 77]. Однако в нашем случае едва ли можно говорить о влиянии социально-профессионального происхождения на политическое поведение региональных министров. Среди представителей российской «культурной элиты» всегда были распространены абсолютно разные эстетические и политические взгляды. Скорее, можно предполагать, что профессиональное происхождение и карьера региональных министров культуры могут влиять на то, в какой мере они понимают потребности представителей сферы культуры и как защищают их интересы. Так, по мнению некоторых авторов, «представителей элиты, являющихся профессионалами, можно считать предста-

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 24.06.2025) [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2025. URL: <https://sudact.ru/law/osnovy-zakonodatelstva-rossiiskoi-federatsii-o-kulture-utv>

вителями своей профессии» [25, р. 162]. Как отмечают отечественные исследователи «профессия и опыт, формируя габитус, способны оказывать существенное влияние на последующую деятельность акторов, которые, войдя во власть, транслируют собственные представления» [14, с.11]. С точки зрения Т. Гульбрандсена «в рамках профессии развиваются базовые представления, идеи и ценности, которые влияют на институты и организации, где они доминируют» [9, с. 81]. В качестве примера он приводит профессию агронома, которые «составляли активную часть Министерства сельского хозяйства, ориентируя его деятельность на их интересы» [9, с. 77]. Несмотря на существенно отличающийся политический контекст можно предположить некоторое влияние и представителей сферы культуры, составляющих существенную долю сотрудников органов управления культурой в России.

В работах, посвященных анализу элиты, выделяются два типа рекрутирования: внутреннее и внешнее. В первом случае «доступ в элиту становится результатом продолжительной карьеры в административных структурах». Во втором случае возможен приход «в элитную административную должность из других сфер деятельности (бизнеса, политики, науки) без продолжительной предшествующей работы на низших уровнях административного аппарата» [20, с. 116]. Существуют две научные точки зрения на карьеру. Согласно первому подходу, на карьерный путь прежде всего влияют особенности индивидуальной личности. Согласно второму, карьерные возможности в большей степени определены социальным происхождением и особенностями социализации человека. Представители последнего подхода полагают, что «определенные должности могут занимать только политики с определенными социальными характеристиками и опытом» [24, р. 232].

Кроме того, в научной литературе выделяется такой критерий как степень открытости элитной структуры. Она может варьироваться от низкой (элиты рекрутируются из общего социального слоя) до высокой (отсутствует доминирование одного социального слоя) [32, р. 26]. В первом случае «министры в основном набираются из однородного «высшего класса» [31, р. 232]. Во втором случае в правительстве присутствует какая-либо форма социального представительства (промышленники, лидеры групп интересов, фермеры), что должно

свидетельствовать о том, что бюро, «вероятно, защищают интересы различных слоев и в какой-то степени являются местом, где происходят дискуссии между различными сегментами общества» [34, р. 24]. У. Хоффман-Ланге также подчеркивает одно из важных измерений политической элиты — характер связей между элитой и гражданами, т.е. степень, «в которой различные группы и интересы в обществе представлены в политической элите» [27, р. 54].

Другое измерение, которое необходимо учитывать при исследовании элиты, — элитная интеграция, одним из показателей которой служит опыт карьеры в различных секторах, «способствующий развитию отношений сотрудничества между лидерами различных секторов и организаций» [27, р. 63]. Е. Хуске отмечает, что к власти приходят, с одной стороны, те, кто делает «специализированную карьеру в государственном управлении», а с другой, те, кто привносит более общий опыт, приобретенный в негосударственных учреждениях [28, р. 370]. В этом отношении крайне значима «проницаемость каналов рекрутирования, возможность перехода между элитными группами, находящимися в разных секторах общества» [22, с. 48].

Исследователи полагают, что карьерные возможности определяются тремя факторами: наличием должностей, доступностью (что необходимо для того, чтобы попасть на определенную должность, кто избирает / отбирает на эти должности) и привлекательностью должностей (включая статус, власть, зарплату и т.д.) [33, р. 160]. Анализируя карьеры министров, некоторые авторы выделяют два типа министров: дилетант и специалист. В первом случае «предыдущая профессия (до прихода в политику) не связана с их должностью в кабинете министров». Такие чиновники переходили с одной политической должности на другую, приобретая опыт в различных офисах. Те, кого ученые определяют как «специалисты», получили для своей министерской должности определенную квалификацию. Обычно они проводят много лет «в одном и том же министерстве и никогда не занимают никаких других должностей в кабинете министров» [31, р. 235].

Еще один важный аспект при рассмотрении процессов рекрутирования элит — это степень их институционализации. Основные критерии институционализации — «стабильность властных структур

и возможность эффективно их использовать» и «специфический бассейн рекрутирования, создание резерва кадров в административных структурах, наличие собственной социальной базы» [11, с. 120]. Как отмечается в одной из работ, несмотря на то что в ряде стран существует политико-административный сектор, отвечающий за проведение культурной политики, и культурную политику на разных уровнях власти формируют государственные деятели, «исследования культурной политики лишь в незначительной степени касались этих политиков как категории акторов» [26, р. 1]. Если к анализу российской региональной элиты (например: [5; 15; 16; 17]) отечественные авторы обращаются регулярно, то представители элиты, отвечающие за управление культуры, оказываются в центре внимания исследователей довольно редко [6; 7; 8; 18; 21].

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Я предлагаю проанализировать карьерные траектории представителей региональных элит в области культурной политики из разных субъектов РФ. Хотя в некоторых субъектах эти подразделения именовались по-разному («министерство культуры и архивного дела», «департамент культуры правительства» и др.) и могли переименовываться в течение времени, в большинстве своем они именовались «министерства культуры», и, в рамках исследования, руководителей этих подразделений, я буду обозначать как «министры культуры». А именно мною были изучены карьеры министров культуры, которые занимали свой пост в 2020 г. и 2024 г. Поскольку изначально предполагалось провести сравнительный анализ группы региональной элиты за 2020 и 2024 гг., в ходе исследования было решено не рассматривать биографии министров культуры субъектов РФ, включенных в ее состав в 2022 г. (Луганской и Донецкой Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей). К тому же ситуация в этих регионах существенно отличается от ситуации в других субъектах РФ и требует отдельного исследования.

Источниками для поиска информации о министрах культуры стали сайты соответствующих подразделений администраций субъектов РФ, СМИ, социальные сети и иные источники. Всего были проанализированы биографии 129 человек. Основным методом работы стал

структурно-биографический анализ. Я опирался на методику, применявшуюся в работах сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН. Отдельными аспектами исследования являются особенности социально-демографического профиля, карьерных траекторий и бассейна рекрутирования министров культуры субъектов РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В первую очередь стоит отметить, что и в 2020, и в 2024 большинство постов министров культуры РФ занимали женщины (54 % и 65 %). Это не удивительно. Как отмечают отечественные авторы, «социально-профильные комитеты исполнительной власти чаще всего возглавляются женщинами» [13, с. 83].

Большинство чиновников (на момент занятия должности) были людьми «среднего» возраста (см. табл. 1). В то же время довольно большая доля из них получила пост министра культуры в «молодом» возрасте (от трети до четверти) и буквально единицы в возрасте «пенсионеров». Самым молодым министром культуры в России стал Сергей Емельянов, в 23 года занявший пост министр культуры Республики Коми. При этом возраст министров культуры несколько повысился в 2024 по сравнению с 2020.

Таблица 1 (Table 1)

Возраст министров культуры субъектов РФ (%)

*Age of Ministers of Culture of the constituent entities
of the Russian Federation (%)*

Возраст вступления в должность министра культуры субъекта РФ	Министры культуры	
	2020	2024
Молодые (22–40)	33	26
Средний возраст (41–60)	63	73
Пенсионеры (старше 60)	4	1
N	82	82

Говоря о распределении министров культуры по поколениям, стоит отметить, что большая часть чиновников относилась к поколению

«кризиса» (1972–1990 г.р.) — 52 % в 2020 г. и 65 % в 2024 г. Вторая по численности группа — к поколению перестройки (1965–1971 г.р.), 28 % и 22 %. Третья — к поколению застоя (1953–1964 г.р.), 20 % и 12 %. Данное распределение отличается от результатов исследования возрастов топ-чиновников десяти регионов России, которое показало большую долю чиновников, относящихся к поколению «застоя» и, соответственно, меньшую к поколению «кризиса» [1, с. 58].

Проделанный мною анализ показал, что существенная доля министров культуры российских регионов родилась в селах и малых городах (см. табл. 2). В этом отношении мы не видим серьезного различия в месте первичной социализации у тех, кто в дальнейшем будет ответственен за управление региональной культурой, и у региональной административной элиты в целом [1, с. 60].

Таблица 2 (Table 2)

Место рождения министров культуры субъектов РФ (%)

*Place of birth of the Ministers of Culture of the constituent entities
 of the Russian Federation (%)*

Место рождения	Министры культуры	
	2020	2024
Село	25	21
Малый город	24	23
Столица субъекта РФ	32	37
Москва	4	2
Санкт-Петербург	1	1
Города союзных республик	10	12
Другое ¹	4	4
N	80	79

Необходимо отметить, что существенная доля будущих министров культуры (33 % в 2020 и 38 % в 2024) родились не в том субъекте РФ, где затем заняли свою должность. При этом лишь 17 % министров

¹ Имеется информация не о типе поселения, а только о субъекте РФ, в котором родился министр.

культуры национальных республик (не считая автономных округов) в 2020 и 26 % в 2024 прошли первичную социализацию не в своей республике.

Возникает вопрос, в какой степени карьера в области управления культуры связана с высшим образованием, которое получили региональные министры культуры. Как видно, существенная доля министров культуры 2020 и 2024 получила образование в области культуры / искусств (см. табл. 3). При этом обращает на себя внимание то, что среди министров культуры 2024 высшее образование в области, непосредственно связанной с их последующей работой, получили существенно меньше человек.

Таблица 3 (Table 3)

Высшее образование министров культуры субъектов РФ (%)

Higher education of the Ministers of Culture of the constituent entities of the Russian Federation (%)

Образование	Министры культуры	
	2020	2024
Культура, искусство	41	32
Гуманитарное	25	31
Экономическое	10	11
Техническое	9	4
Юридическое	5	11
Медицинское	2	0
Управленческо-политическое	2	1
Военное	1	0
Другое	4	10
N	82	83

Большинство из тех, кто получил высшее образование в области культуры / искусства, окончили институты культуры (в 2020 — 59 %, в 2024 — 52 %). Второй по численности тип институтов в области культуры / искусства, которые окончили региональные министры культуры,— консерватории (23 % в 2020 и 18 % в 2024). В целом, 66 %

министров культуры 2020 и 63 % 2024 окончили вузы, которые можно было бы отнести к гуманитарным (образование в области культуры / искусства, гуманитарные науки). В отличие от региональной элиты в целом [10, с. 142], техническое образование получила незначительная доля чиновников в сфере культуры. Как отмечают исследователи, одним из факторов, оказывающих влияние на построение карьеры и попадание в элитные круги, является окончания вуза в регионе, в котором проходит карьера чиновника [23]. В нашем случае 46 % министров, находившихся на своей должности в 2020, окончили вузы «своего» региона. В 2024 таковых было 53 %. Столичные вузы окончили 14 % министров культуры 2020, вузы Санкт-Петербурга — 10 %. В 2024 8 % региональных министров культуры окончили московские вузы и 6 % — вузы Санкт-Петербурга.

Второе высшее образование получило 40 % министров культуры, занимавших свой пост в 2020, и 45 % — в 2024. Более двух высших образования имели 2 % региональных министров 2020 и 2 % — 2024. В этих случаях большинство министров получили образование в управленческо-политической области (48 % министров 2020 и 42 % 2024). При этом лишь 12 % руководителей, управлявших культурой в 2020, и 19 % в 2024, получили второе высшее образование в области культуры / искусств. Также только 12 % (2020) и 19 % (2024) министров получили второе высшее гуманитарное образование.

Если говорить о региональных министрах культуры, имеющих ученую степень, то среди них в 2020 было 17 % кандидатов наук, в 2024 таковых было 13 %. В 2020 и в 2024 среди министров был 1 % тех, кто являлись докторами наук. Среди областей знаний, по которым им были присуждены степени — культурология, история, искусствоведение, педагогика, экономика и другие.

В рамках настоящего исследования предполагалось проанализировать траектории карьер министров культуры. Для этого были выделены следующие области деятельности, в которых у чиновников был опыт работы до занятия их должности: 1) исполнительные органы (за исключением органов управления культуры); 2) органы управления культурой; 3) представительные органы; 4) учреждения культуры; 5) учреждения науки и образования; 6) бизнес-структуры; 7) силовые органы (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Опыт работы министров культуры субъектов РФ (%)
*Experience of the Ministers of Culture of the constituent entities
of the Russian Federation (%)*

Наличие опыта работы	Министры культуры	
	2020	2024
Органы исполнительной власти (за исключением органов управления культуры)	48	46
Органы исполнительной власти — управление культуры	59	60
Представительные органы	6	6
Учреждения культуры	45	43
Учреждения науки, образования	42	42
Бизнес-структуры	22	19
Силовые органы	2	0
N	85	85

Как видно из полученных данных, до прихода на место министра культуры большинство чиновников уже работали на каких-либо должностях в органах управления культуры. Например, министр культуры Еврейской АО М.Ю. Ушакова до того, как возглавила министерство в 2020, около 13 лет работала в отделе культуры администрации МО «Смидовичский район» Еврейской АО, а затем пять лет была заместителем начальника управления культуры правительства области. Министр культуры Республики Мордовия С. Баулина с начала 2000-х гг. работала в отделе культуры одного из районов Саранска, затем в управлении культуры столицы республики, а с 2014 по 2019 гг. в министерстве культуры Республики Мордовия.

Также анализ показал, что почти половина министров культуры до вступления в должность имела опыт работы в различных органах исполнительной власти, никак не связанной с областью культуры. Это могли быть самые разные должности муниципального или регионального уровня. При этом надо отметить, что за рассматриваемый

период не было ни одного случая перехода на пост регионального министра с федерального уровня.

Представляется важным, что значительная доля, более 40 % министров имели до занятия своих должностей опыт работы в учреждениях культуры. Причем более трети министров работали в этих учреждениях не менее пяти лет. Можно предположить, что наличие подобного опыта влияет не столько на политические аттитюды чиновников или их эстетические взгляды, но скорее оказывается значимым для понимания потребностей сферы культуры. Несмотря на то, что социальные министерства не имеют большого влияния, такие министры в большей мере могут лоббировать распределение финансирования, откликаться на требования местных деятелей культуры и быть защитниками их интересов.

Примерно та же доля региональных министров культуры ранее работала в области образования и науки. Важно, что 62 % из них (2020) и 39 % (2024) работали в учреждениях образования, связанных со сферой культуры, таких как Уфимская государственная академия искусств им. З. Исмәгилова; Махачкалинское музыкальное училище; Красноярский государственный хореографический колледж или Острогожская детская школа искусств Воронежской области.

Всего доля министров, чья карьера в прошлом развивалась в сфере культуры (либо в учреждениях культуры, либо в той части образования, которая имела отношение к культуре), была около 60 % в 2020 и 50 % в 2024. При этом около 30 % министров как в 2020, так и в 2024 до занятия своих постов никогда не работали ни в сфере культуры, ни в сфере науки и образования.

Далее рассмотрим, в какой области региональные министры культуры занимали свои должности прежде, чем войти в элиту. Как следует из полученных данных, предэлитная активность большинства будущих министров носила политико-административный характер (см. табл. 5). Абсолютное большинство из них занимало административные должности в структурах местной или региональной власти.

Хотя предэлитная должность большинства министров культуры относилась к политико-административной сфере, заметная часть чиновников, около трети, работала в области культуры, науки и образования. Обращает на себя внимание то, что предэлитная должность

Таблица 5 (Table 5)

Предэлитная активность (сфера деятельности, непосредственно предшествующая первой в биографии элитной должности) (%)*Pre-elite activity (sphere of activity immediately preceding the first elite position in the biography) (%)*

Предэлитная должность	2020	2024
Политико-административная активность	54	58
Хозяйственно-экономическая активность	9	6
Активность в области культуры	25	26
Активность в области науки и образования	9	7
Активность в СМИ	1	1
Другое	2	4
N	84	83

крайне небольшого числа региональных руководителей была в сфере бизнеса, что гораздо меньше по сравнению с предэлитной активностью регионального чиновничества в целом [2, с. 134].

Кроме того, у большинства министров культуры субъектов РФ (более 70 %, как в 2020, так и в 2024) первой элитной должностью стал один из постов в региональном управлении культуры. Среди них были те, кто становились заместителем руководителя управления культуры или его руководителем, после чего уходили на другую работу, а затем вновь приходили в этот орган (таковых было 12 % в 2020 и 5 % в 2024). Для 60 % региональных министров 2020 и 70 % министров 2024 первой элитной должностью стала должность в региональном управлении культуры. Это был либо сам пост министра, либо должность, которая привела к нему непосредственно (должность заместителя министра культуры).

Как отмечают исследователи, анализ бассейна рекрутирования региональной политической элиты позволяет посмотреть на сферу активности членов региональной политической элиты до вхождения в нынешнюю должность и дает возможность выявить «основные источники их рекрутирования» [4, с. 94].

Таблица 6 (Table 6)

Работа министров культуры субъектов РФ:
предшествующая и предпредшествующая должности (%)
Job of Ministers of Culture of the constituent entities of the Russian Federation:
preceding and pre-preceding their positions (%)

Занятие	2020		2024	
	Предшествующая должность	Предпредшествующая должность	Предшествующая должность	Предпредшествующая должность
Депутат	5	4	1	2
Администратор	63	57	68	63
Хозяйственник, бизнесмен	2	6	3	5
Культура	23	24	21	24
Наука, образование	10	7	6	5
СМИ	1	1	0	1
Силовик	0	0	0	0
Юрист	0	1	0	1
Медик	0	1	0	0
Другое	0	0	1	3
N	85	83	85	84

Из доступных данных следует, что в большинстве своем до прихода на пост руководителя министерства региональные министры культуры занимали административные должности (см. табл. 6). В этом отношении они не очень отличаются от широко понимаемой региональной административной элиты [19, с. 151]. В обоих случаях можно говорить о бюрократической профессионализации. Почти половина (48 % в 2020) или более половины (55 % в 2024) министров занимали

чиновничьи должности как на предпредшествующей, так и на предшествующей работе. Существенная доля из них до занятия поста министра работала в различных управлениях культуры, как местного, так и регионального уровня. Такую предшествующую должность имели 38 % министров, находившихся на своем посту в 2020, и 46 % в 2024. Соответственно, предпредшествующую должность в одном из управлений культуры имели 26 % министров в 2020 и 33 % в 2024.

Что существенно отличает бассейн рекрутирования региональных министров культуры от региональной административной элиты в целом, так это то, какую роль играют люди, занимающие «средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре» как ресурсе для рекрутирования [4, с. 107]. В данном случае прежде всего имеется в виду сфера культуры—важный бассейн рекрутирования для региональных руководителей культуры. Если прицельно обратиться к этому сектору, то можно увидеть, откуда именно приходили министры. В таблице суммированы их как предшествующие, так и предпредшествующие должности (см. табл. 7). Данные показывают, что прежде всего это работа в ДК (или культурных центрах), театрах и музеях. Интересно, что в двух случаях (Осетия и Тверская область) министром культуры становился актер, не занимавший ранее никакие административные должности.

Можно сказать, что административная элита в области культуры более открыта по сравнению с региональной административной элитой в целом. Для нее в большей степени свойственно внешнее рекрутирование. Около 20 % региональных министров культуры как в 2020, так и в 2024, служили в учреждениях культуры или науки и образования на предпредшествующих и предшествующих должностях. Впрочем, как следует из одного исследования, и чиновники федерального министерства культуры «обычно приходят из подведомственных ему организаций— из учреждений культуры» [18, с. 504].

Кроме того, наш анализ показал крайне незначительную роль бизнеса как бассейна рекрутирования министров культуры по сравнению с региональной административной элитой в целом. Этот факт можно объяснить непривлекательностью рассматриваемых должностей для представителей бизнеса, поскольку они не обеспечивают

Таблица 7 (Table 7)

**Работа министров культуры субъектов РФ в сфере культуры:
предшествующая и предпредшествующая должности (%)**

*Job of Ministers of Culture of the constituent entities of the Russian Federation
in the cultural sector: preceding and pre-preceding their positions (%)*

Занятие	2020	2024
ДК, культурные центры	39	21
Театр	28	25
Музей	21	50
Филармония	18	12
Библиотека	14	8
Ансамбли, хоры, музыкальные центры	11	4
Продюсер	3	0
Актер	0	8
Кинорежиссер	0	4
N	28	24

соответствующие доходы и нужный статус в отличие от других структур региональной администрации.

Отечественные исследователи указывают, что на сплоченность элит влияет такой фактор как эндогенность (укорененность) членов регионального элитного сообщества [3, с. 15]. Индикаторами эндогенности служат: место рождения; место получения высшего образования; и совпадение места предшествующей работы и нынешней элитной позиции. Однако в случае сферы культуры важно, как кажется, что фактор эндогенности влияет и на идентификацию акторов с регионом, особенно это существенно для руководителей управлений культуры национальных республик. Наш анализ показал, что к эндогенному ядру (родившимся, получившим первое высшее образование, предыдущую должность и должность министра культуры в одном и том же регионе) можно отнести 38 % министров в 2020 и 36 % в 2024. При этом неожиданно оказалось, что среди руководителей национальных

республик, если не брать автономные округа, к эндогенному ядру относятся лишь 22 % в 2020 (30 % в 2024), а среди региональных министров краев и областей таковых в 2020 было 49 % (в 2024 — 45 %). Следовательно, можно говорить о большей укорененности министров культуры краев и областей в сравнении с министрами национальных республик. Однако если мы возьмем в качестве фактора эндогенности место рождения, предыдущую должность и должность министра, не учитывая место получения первого высшего образования, мы увидим другую картину. К укорененным чиновникам в этом случае в 2020 будут относиться 83 % министров национальных республик (69 % в 2024) и 68 % министров краев и областей (61 % в 2024).

Отдельный интерес представляет карьера региональных министров после их отставки. К примеру, С. Якле задается такими вопросами: помогает ли членство в кабинете министров земельной администрации продолжить политическую карьеру после окончания срока полномочий в исполнительной власти, и «какие типы карьеры после выхода из кабинета министров мы встречаем (частный сектор, академическая карьера?)» [29, р. 3]. Что касается региональных министров культуры РФ, за весь рассматриваемый в нашем исследовании период с поста министра культуры ушли 46 человек. О дальнейшей карьере шести министров ничего не известно. Один чиновник после отставки ушел на пенсию, а двое были уволены в связи с возбуждением против них уголовных дел. В отношении остальных руководителей культуры, а именно их первой работы после ухода с должности, наш анализ показал следующее (см. табл. 8).

Как демонстрируют полученные данные, административную карьеру продолжили менее трети министров. При этом только один из них перешел на должность федерального уровня, в Министерство культуры РФ. Пять руководителей ведомств получили повышение на региональном уровне (стали заместителями председателя регионального правительства или губернатора) и пять министров стали руководителями других региональных министерств.

Более половины руководителей ведомств сразу после отставки перешли работать в сферу культуры, науки и образования, заняв такие должности как директор Самарского академического театра драмы им. М. Горького, директор Национальной библиотеки Чувашской

Таблица 8 (Table 8)

**Опыт работы после ухода с должности
министра культуры субъекта РФ (%)**

*Job experience after leaving the position the post of Minister of Culture
of a constituent entity of the Russian Federation (%)*

Должность после ухода с поста министра культуры	Наличие опыта
Администратор	30
Работа в учреждении культуры	40
Работа в учреждении науки, образования	16
Хозяйственник, бизнесмен	8
Другое	5
N	37

Республики, заместитель директора музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Пять министров после ухода с должности получили должности в Москве или Петербурге (например, директора Александринского театра, заместителя художественного руководителя театра «Современник», директора департамента регионального развития Российского географического общества).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование продемонстрировало особенности региональной бюрократии в сфере культуры. Подтвердились ожидания о том, что существенная доля руководителей получила образование в области культуры / искусств и гуманитарных наук. Существенным в карьерных траекториях региональных руководителей культуры представляется то, что более половины министров имели тот или иной опыт работы в учреждениях культуры или образования, связанных с областью культуры. Кроме того, после ухода с поста руководителя региональной культуры существенная часть чиновников устраивается в учреждения культуры и образования. В целом, около 30 % руководителей можно отнести к профессионалам, «представителям своей профессии» (тех, кто окончил профильные вузы,

связанные со сферой культуры, и имеет опыт работы в соответствующей области). Однако в какой степени «профессионализм» сказался на содержании работы министров и отличалась ли их деятельность на постах от деятельности тех, кто не имел к области культуры никакого отношения, сказать сложно. Данная проблема выходит за рамки нашего исследования.

Анализ бассейна рекрутирования региональных руководителей культуры показал, что в случае этого сегмента административной элиты, как и в случае региональной административной элиты РФ в целом, можно говорить о бюрократической профессионализации. Существенная часть министров культуры до назначения на свой пост занимала административные должности на местном и региональном уровне. В то же время данная часть бюрократической элиты является более открытой, поскольку для нее в большей степени характерно рекрутирование извне. При этом наиболее значимую роль в этом рекрутировании играют люди, занимающие промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре как ресурсе для рекрутирования (сфера культуры, науки и образования). Таких людей можно было бы отнести к интеллигенции. Как я предполагаю, лица, пришедшие с различных должностей учреждений культуры, чаще становятся лоббистами этой отрасли. С другой стороны, бизнес-структуры в гораздо меньшей степени, если сравнивать с региональной административной элитой в целом, являлись бассейном для внешнего рекрутирования на должности руководителей ведомств по управлению региональной культуры.

Насколько институционализована изучаемая нами группа региональной элиты, что именно представляет собой специфический бассейн ее рекрутирования, из чего состоит и как поддерживается ее собственная социальная база, — вопросы, которые требуют дальнейшего исследования. Чтобы ответить на них, необходимо изучить данные более ранних этапов управления культуры в субъектах Российской Федерации. Этому должны быть посвящены последующие исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гольбрайх Владимир Беньяминович — кандидат социологических наук, научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (951) 668-91-87. **Электронная почта:** vgolbrai@mail.ru.

Research Article

VLADIMIR B. GOLBRAIKH¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences 25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St. Petersburg, Russia

**REGIONAL MINISTERS OF CULTURE: PECULIARITIES
OF CAREER TRAJECTORIES AND RECRUITMENT POOLS**

Abstract. This article is devoted to the study of career trajectories of representatives of regional elites responsible for implementing cultural policy in the constituent entities of the Russian Federation. Using the method of structural and biographical analysis, the biographies of 129 ministers held office in 2020 and 2024 were considered. The features of this group of regional bureaucracy were identified. The author mentions, that a significant portion of ministers graduated from specialized universities related to the cultural sphere and previously worked in the relevant field, and also held administrative positions at the local and regional levels. Consequently, as in relation to the regional administrative elite, one can talk about the bureaucratic professionalization of the heads of departments responsible for implementing cultural policy in the regions. At the same time, the part of the administrative elite under investigation is more open compared to the regional administrative elite as a whole. External recruitment is more typical for it. The study showed that a serious role in this recruitment process is belong to the groups occupying intermediate positions in the socio-professional structure (the sphere of culture, science and education). It can be assumed that people who came from various positions in cultural institutions are, to a greater extent, lobbyists for this industry. A significant portion of officials, after leaving the post of head of regional culture, get jobs in cultural and educational institutions. On the other hand, business structures, to a much lesser extent, if compared with the regional administrative elite as a whole, were a pool for recruitment for the positions of heads of departments for the management of regional culture.

Keywords: regional ministers of culture, regional administrative elite, career, recruitment pool.

For citation: Golbraikh V.B. Regional ministers of culture: peculiarities of career trajectories and recruitment pools. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 110–135. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.3>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir B. Golbraikh — Candidate of Sociology, researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (951) 668-91-87. **E-mail:** vgolbrai@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Быстрова А.С. Губернаторы и члены региональных правительств: карьерные траектории высших представителей исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 4. С. 45–100. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.3>. EDN: MKJFKG
Bystrova A.S. Governors and members of regional governments: career paths of senior executive officials of the Russian Federation subjects. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 45–100. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.3>. (In Russ.)
2. Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN: YLPHEC
Bystrova A.S. Regional officials and politicians of the Russian Federation: a comparative analysis of careers. *Vlast' i elity = Power and elites*. Vol. 9. No. 2. P. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. (In Russ.)
3. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Инфра-ресурсы региональных политических элит // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 2. С. 6–25. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-6-25>. EDN: EFHGMO
Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Infra-resources of regional political elites. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*. 2020. Vol. 21. No. 2. P. 6–25. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-2-6-25>. (In Russ.)
4. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: HHPAWU

- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Regional political elite: careers and pool of recruitment. *Vlast' i elity= Power and elites*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 76–122.
<https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. (In Russ.)
5. Ветренко И.А., Жуков И.К. Региональная политическая элита: основные тенденции в системе рекрутирования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 3. С. 62–73. EDN: TALJIN
Vetrenko I.A., Zhukov I.K. Regional political elites: Main tendencies in the system of recruitment. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2013. Vol. 9. No. 3. P. 62–73. (In Russ.)
 6. Востряков Л.Я. Наброски к социально-политическому портрету региональных управленцев культуры // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 4. С. 166–177. EDN: KVIKHN
Vostryakov L.Ya. Sketches to sociopolitical portrait of regional managers of culture. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2006. Vol. 2. No. 4. P. 166–177. (In Russ.)
 7. Востряков Л.Я. Руководители учреждений культуры регионов: штрихи к социальному портрету // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. № 4. С. 235–247. EDN: HSKUCR
Vostryakov L.Ya. The executives of the establishments of culture of the regions: some streaks to a social portrait. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo*. 2004. No. 4. P. 235–247. (In Russ.)
 8. Востряков Л.Я., Чириков Е.П. Региональный администратор культуры: социально-профессиональные характеристики и ценностные ориентации // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 159–171. EDN: MNHAXT
Vostryakov L.Ya., Chirikov E.P. Regional cultural administrator: social and professional characteristics and value orientations. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. No. 2. P. 159–171. (In Russ.)
 9. Гульбрандсен Т. Элиты и профессионалы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 11. С. 71–83.
<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-71-83>. EDN: WYHZDD
Gulbrandsen T. Elites and professions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. Vol. 60. No. 11. P. 71–83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-71-83>. (In Russ.)
 10. Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // Власть и элиты. 2016. Т. 3. № 3. С. 121–186.
<https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>. EDN: XYNQOT

- Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. The regional power groups: main socio-structural characteristics and innovation potential. *Vlast' i elity= Power and elites*. 2016. Vol. 3. No. 3. P. 121–186. <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.5>. (In Russ.)
11. Дука А.В. Институционализация российской политико-административной элиты // Политическая наука. 2009. № 3. С. 110–140. EDN: KUBFUD
Duka A.V. The institutionalization of Russian political-administrative elite. *Politicheskaya nauka*. 2009. No. 3. P. 110–140. (In Russ.)
 12. Жога Г. Культурная политика и экономические кризисы: еще один взгляд на пермскую «культурную революцию» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 3. С. 206–230. EDN: XWHNWN
Zhoga G. Cultural policy and economic crises: another look at the perm “cultural revolution”. *Neprikosnovennyyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2020. No. 3. P. 206–230. (In Russ.)
 13. Колесник Н.В., Тев Д.Б. Биография элиты: возможности социоструктурного анализа // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 76–84. EDN: KHQVRD
Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Biography of the elite: possibilities of socio-structural analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. No. 6. P. 76–84. (In Russ.)
 14. Крыштановская О. В., Лавров И. А. Профессионалы в политике и профессиональные политики // Мир России. 2025. Т. 34. № 1. С. 6–30. <http://www.doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-6-30>. EDN: MUOCKR
Kryshstanovskaya O.V., Lavrov I.A. Professionals in Politics and Professional Politicians. *Mir Rossii*. 2025. Vol. 34. No. 1. P. 6–30. (in Russ.).
<http://www.doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-1-6-30>. (in Russ.).
 15. Мельников К.В. Бюрократический патронаж и паттерны административного рекрутирования региональных элит в России: опыт сравнительного сетевого анализа // Политическая наука. 2021. № 4. С. 210–238. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>. EDN: IBEOBM
Melnikov K.V. Bureaucratic patronage and patterns of administrative recruitment of regional elites in Russia: a comparative network analysis. *Political science (RU)*. No. 4. P. 210–238.
<http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.09>. (In Russ.)
 16. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под. ред. А.В. Дука. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
Regional'nyeeelity Severo Zapada Rossii: politicheskie i ekonomicheskie orientatsii [Regional elites of North-West Russia: Political and economic orientations]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Aleteya, 2001. 352 p. (In Russ.)

17. Сергеев С.А., Зиннатуллин А.З. Губернаторский корпус в 2005–2012 гг.: карьерные траектории // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2014. № 4 (28). С. 122–136. EDN: TBQIEB
Sergeev S.A., Zinnatullin A.Z. Gubernator's corpus in 2005–2012: Career trajectories. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Politologiya»*. 2014. No. 4. P. 122–136. (In Russ.)
18. Тев Д.Б. Высокопоставленные чиновники министерств социального блока российского правительства: каналы рекрутирования и карьера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 493–509.
<http://www.doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-493-509>. EDN: SAJIFL
Tev D.B. High-ranking officials of Russia's social ministries: Recruitment channels and careers. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2024. Vol. 24, No. 2. P. 493–509. <http://www.doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-493-509>. (In Russ.)
19. Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>. EDN: RXYACY
Tev D.B. Regional administrative elite: socio-professional sources of recruitment and careers. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>. (In Russ.)
20. Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 115–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>. EDN: WEBMZF
Tev D.B. *Federal administrative elite of Russia: Career paths and channels of recruitment*. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2016. No. 4. P. 115–130. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.10>. (In Russ.)
21. Чирикова А.Е., Чириков Е.П. Чиновники Санкт-Петербурга: социально-профессиональный портрет // Российские властные институты и элиты в трансформации / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 259–284.
Chirikova A.E., Chirikov E.P. Officials of Saint Petersburg: A socio-professional portrait. *Rossiiskievlastnyeinstitutyielity v transformatsii* [Russian power institutions and elites in transformation]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2011. P. 259–284. (In Russ.)
22. Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 46–56. EDN: UXWWYD

- Shentyakova A. V. Pronicaemost' kanalov rekrutirovaniya v politicheskuyu elitu [Permeability of recruitment channels in to the political elite]. *Vestnik Sankt-Peterburgskougouniversiteta Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyeyotnosheniya*. 2015. No. 3. P. 46–56. (In Russ.)
23. Шентякова А.В. Факторы и ресурсы карьеры региональной элиты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 2. С. 56–64. EDN: QCSPZN
Shentyakova A.V. Factors and resources of the career of regional elite. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. No. 2. P. 56–64. (In Russ.)
 24. Boldrini M., Grimaldi S. Political careers and stability in office of regional ministers in Italy. *Regional & federal studies*. 2025. Vol. 35. No. 2. P. 229–256. <https://doi.org/10.1080/13597566.2023.2268524>
 25. Gulbrandsen T. Rise and fall of elites: professionals as movers? *European Societies*. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 159–182. <https://doi.org/10.1080/14616696.2017.1390144>
 26. Henningsen E., Røyseng S. Cultural policy, politicians and the logic of appropriateness. *International journal of cultural policy*. 2025. P. 1–14. <https://doi.org/10.1080/10286632.2025.2490171>.
 27. Hoffmann-Lange U. Theory-based typologies of political elites. *The Palgrave handbook of political elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan UK, 2018. P. 53–68.
 28. Huskey E. Elite recruitment and state-society relationships in technocratic authoritarian regimes: The Russian case. *Communist and post-communist studies*. 2010. Vol. 43, No. 4. P. 363–372. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>
 29. Jäckle S. What comes after cabinet? Post-cabinet careers of German regional ministers between 1945 and 2014. *Social sciences*. 2023. Vol. 12, No.11. P. 1–34. <https://doi.org/10.3390/socsci12110601>
 30. Jakobson L., Rudnik B., Toepler S. From liberal to conservative: shifting cultural policy regimes in post-Soviet Russia. *International Journal of Cultural Policy*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 297–314. <https://doi.org/10.1080/10286632.2016.1186663>
 31. Müller-Rommel F., Kroeber C., Vercesi M. Political careers of ministers and prime ministers. *The Oxford handbook of political executives*. Ed. by R.B. Andrew, R. Elgie, L. Helms, F. Müller-Rommel, J. Kaarbo. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 229–250.

32. Ruostetsaari I. Social upheaval and transformation of elite structures: The case of Finland. *Political studies*. 2006 Vol. 54. No. 1. P. 23–42.
<https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2006.00564.x>
33. Stolz K., Fischer J. Post-cabinet careers of regional ministers in Germany, 1990–2011. *German politics*. 2014. Vol. 23. No. 3. P. 157–173.
<https://doi.org/10.1080/09644008.2014.949683>
34. Thiebault J.-L. The social background of Western European cabinet ministers. *The profession of government minister in Western Europe*. Ed. by J. Blondel, J.-L. Thiebault. London: Macmillan, 1991. P. 19–30.

ЭЛИТЫ И ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.4>.

EDN: OYVEUU

*Н.Ю. ЛАПИНА*¹

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

ЛЕВОРАДИКАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПОЛИТИКЕ И СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Аннотация. «Политическая культура — один из наиболее популярных и соблазнительных концептов в политической науке, но одновременно он и наиболее противоречивый, и запутанный», — пишут авторы статьи «Причина в поисках ее следствия или что объясняет политическая культура?» [21, р.21]. Концептуализация самого понятия относится к 1960-м годам, хотя попытки объяснения особенностей политического поведения народов в разных странах предпринимались задолго до этого. В центре внимания автора — особенности одного из сегментов политической культуры современной Франции — левая радикальная политическая культура, имеющая глубокие исторические корни и в разное время представленная такими идейно-политическими течениями, как социализм, маоизм, троцкизм, геваризм, анархизм, меланшонизм. Показано, как сдвиги в развитии социума в 1960-1970-е годы породили растущий интерес к леворадикальным идеям и как в последующие десятилетия эти идеи эволюционировали. Анализируются роль и место в общественно-политическом процессе представителей интеллектуальной элиты (А. Камю, Ж.-П. Сартр, Ж.-Л. Годар, М. Фуко, П. Бурдьё, А. Турен и др.), их активное участие в общественной жизни. Исследуется, как леворадикальные идеи проникают в политический дискурс и влияют на общественные настроения. Показано, как в условиях политической радикализации менялся характер политико-культурной дискуссии во Франции.

И как под влиянием общественно-политических сдвигов менялись позиции леворадикальных французских политиков и современных французских интеллектуалов. Анализ политической истории и современного этапа в развитии левого движения во Франции дополнен материалами собственных эмпирических исследований автора.

Ключевые слова. Левый радикализм, политическая элита, интеллектуальная элита, Франция, Ж.-П. Сартр, М. Фуко, Ж.-Л. Меланшон, А. Кривин.

Для цитирования: Лапина Н.Ю. Леворадикальная политическая культура в политике и социальных движениях современной Франции // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 2. С. 136–161.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.4>. EDN: OYVEUU

ВВЕДЕНИЕ

Одним из первых к анализу политической культуры обратился Ш.Л. Монтескье, «и то, что для Монтескье было духом законов, то для части современных исследователей описывается термином “политическая культура”», — пишет А.В. Дука. И оговаривает чуть раньше: «Помимо теоретических работ, разъясняющих суть политической культуры, существуют и те, в которых она “отсутствующе присутствует”» [7, с.14,7].

Под политической культурой понимается «совокупность ценностных ориентаций, стереотипов восприятия и типовых образцов поведения, характеризующая взаимоотношения граждан как участников процесса политического и власти» [11, с.110]. В книге «Гражданская культура» (1963) Г. Алмонд и С. Верба выделили три типа политической культуры: патриархальную, свойственную традиционному обществу; подданическую, характерную для авторитарных режимов; активистскую, присущую современным демократиям и предполагающую участие граждан в общественно-политической жизни.

В статье анализируются один из сегментов политической культуры современной Франции — радикальная левая политическая культура, в основе которой лежит протест против капиталистического общества, финансового капитала, олигархии и существующего государства, и которая в конечном счете предполагает смену политического режима. Изучается позиция леворадикальных политиков, сдвиг в представле-

ниях левых интеллектуалов и особенности политико-культурной дискуссии в современной Франции¹.

Интерес к теме обусловлен тем, что в последние годы аналитики все чаще концентрировали внимание на кризисе системных партий и нарастании право-популистской волны, при этом делая акцент на «закате» левых партий и идей. «Призрак бродит по Европе, призрак ухода левых со сцены Истории», — пишет эксперт французского Фонда им. Ж. Жореса Р. Ларж [28]. О том, что антисистемная леворадикальная политика на Западе переживает кризис пишут и другие [17]. Существуют и прямо противоположные суждения. Историк А.В. Дамье убежден, что в настоящее время леворадикальные, в том числе анархистские идеи становятся все более популярными в новых странах и регионах [6]. Это мнение не единично [1]. Так кто же прав? На примере Франции мы попытались ответить на этот вопрос.

МЕСТО ЛЕВОРАДИКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ

В политической культуре Франции сочетаются исторические традиции, идеалы революции и складывающиеся под влиянием вызовов современного общества отношения между гражданами и государством. Франция — родина революций. «Насмешливый и непочтительный» французский народ, писал Валери Жискар д'Эстен, на протяжении истории проявлял склонность к реформированию общественных структур «путем [их] разрушения». С конца XVIII и в течение XIX веков во Франции произошло четыре революции, и каждый раз, когда происходили новые потрясения, часть населения «ожидала установ-

¹ В работе использовались материалы двух эмпирических исследований, проведенных автором — «Образ России во Франции в начале XXI века» и «Французские политические институты и акторы: традиции и современность». В ходе них методом полуструктурированного интервью были опрошены французские политики — депутаты Национального собрания, сенаторы, мэры, министры, сотрудники партийных аппаратов, представители ведущих политических партий, эксперты, журналисты, ученые. Всего было записано и проанализировано 95 интервью продолжительностью 50 мин — 1,5 час. Каждое. Выдержки из интервью приведены в тексте в кавычках и выделены курсивом.

ления радикально перестроенного общества» [8, с. 32-33, 37]. Протестная политическая культура выделяет Францию среди других стран Запада. Она находит отражение в недоверии общества к политической элите, критике властей, в готовности граждан отстаивать свои права, о чем свидетельствуют социальные протесты и нередко приобретающие острые формы массовые выступления. Природу левого радикализма связывают с взрывным социальным темпераментом французов, что в условиях отсутствия социального диалога нередко приводит к прямым столкновениям.

Существует мнение, что в Новое время во Франции левый радикализм стал историческим продуктом революции [10]. В годы Великой французской революции о том, чтобы довести революцию «до логического конца» хотели те, кого называли «бешеными». В ходе революции 1848 г. были выдвинуты социалистические требования, такие как обобществление собственности, равенство не только между классами, но и между мужчинами и женщинами. Алексис де Токвиль, предвидевший начало революции, что принесло ему славу «пророка», писал о «неудержимости революции, идущей через все препятствия» [14, с.105]. О радикальном переустройстве общества мечтали социалист-революционер О. Бланки, теоретики анархизма М.А. Бакунин и П.-Ж. Прудон.

В литературе высказывается мысль, что левый радикализм является реакцией на сдвиг партий левого спектра в сторону умеренности. В результате образующийся «вакуум слева» заполняется левыми радикальными силами [4, с.69]. Исторический опыт подтверждает справедливость этого суждения. В 1905 г. во Франции несколько социалистических партий, объединились в Французскую секцию рабочего интернационала (СФИО, SFIO, *Séction française de l'Internationale ouvrière*). Она первоначально выступала за преобразование капиталистического общества на социалистических началах и освобождение труда от капитала, но со временем перешла на реформистские позиции. В 1920 г. большинство делегатов на съезде СФИО выступили против этой линии и, поддержав Октябрьскую революцию, проголосовали за вступление в Коминтерн. Так была образована Французская коммунистическая партия (1921), на левом политическом фланге отстаивавшая идеи социализма. В наше время этот процесс следующим

образом обозначил лидер Революционной коммунистической лиги троцкист Ален Кривин (2008): *«Левые партии радикально изменились. Французская социалистическая партия дискредитирована. Французская коммунистическая партия — микроскопическое образование. На левом фланге образовался вакуум, и мы сегодня его заполняем».*

В науке существуют различные подходы к определению леворадикальной политической культуры. Одни исследователи, придерживающиеся расширительного толкования, относят к ней идеи и ценности коммунистических партий, левого сегмента социал-демократии и красно-зеленых партий, выступающих за объединение классовой борьбы с защитой экологии [23, p.12-13]. Другие отождествляют леворадикальную политическую культуру с идеями и практиками партий и движений, которые в политическом пространстве занимают позиции левее коммунистов и находятся «вне рамок норм и правил современного конституционного государства» [27, p.36]. Речь идет о несистемных левых — троцкистах, маоистах, анархистах, занимающих в политическом пространстве позицию левее коммунистической партии, мировоззрение которых основано на идее радикальной смены существующего общественно-политического строя.

Принято считать, что ключевым моментом в распространении леворадикальных идей во Франции стали события мая 1968 г. Это не совсем так, поскольку во французском обществе эти идеи начали приобретать популярность уже в начале 1960-х. В эти годы благодаря телевидению во Франции возник феномен «мировой культуры», пишет историк Ж.-Ф. Сиринелли [32, p.66]. Средства массовой информации транслировали происходившие в мире события, картинка озвучивалась, создавая полное ощущение реальности. Первым событием, которое благодаря телевидению «вошло» в жизнь людей всей планеты стала Вьетнамская война. Массовые антивоенные выступления стали подлинной школой массового протеста. Многие из французских левых радикалов, принявших участие в событиях 1968 г., до этого были в рядах антивоенного движения. Другим аспектом «мировой культуры», по мнению Сиринелли, явилось распространение во Франции «экзотических» революционных моделей. Символом борьбы с империализмом стал Че Гевара, после смерти воплотивший «образ мученика», погибшего в крестовом походе против мирового капитализма

[32, p. 68]. А кроме этого, в 1960-е годы в интеллектуальной среде возросло влияние троцкизма, который предоставлял своим сторонникам «возможность критики и реформистского социализма, и социализма в СССР» [16, с.202]. Для ряда левых интеллектуалов троцкизм стал своеобразным переходным периодом, позволившим дистанцироваться от ФКП [20, p. 49].

Были и другие ставшие популярными революционные модели. В 1966 г. в Китае Мао Цзедун провозгласил начало «культурной революции», которая ставила своей целью борьбу с консервативными пережитками в партийной жизни и обществе. В 1967 г. «Красная книжечка», выдержки из произведений Мао Цзедуна, была переведена на французский язык, 150 тыс. экземпляров были мгновенно распроданы. Документальный фильм «Цвет воздуха красный» (1977) засвидетельствовал сотни молодых людей, марширующих по улицам Парижа. Одетые в серое, они держат в руках «Цитатник» Мао. Тогда же молодой стилист П. Карден создал новую коллекцию: одежда в серых тонах с особой формой воротника. А близкий к маоистским кругам режиссер Ж.-Л. Годар снял фильм «Китайка» — рассказ о деятельности французской маоистской ячейки. В 1960-е годы в стране началась «маомания».

В 1968 г. грянули события Красного мая. Французские студенты выступали против общества «массового производства — массового потребления», всесильной бюрократии, стареющей политической элиты. Объясняя причины протестов один из респондентов отмечал: *«В 1968 г. мне было 20 лет. Франция де Голля успешно развивалась в экономическом, культурном и социальном отношении. Но молодежь не имела возможности участвовать в политической жизни»*. Вертикаль власти, выстроенная де Голлем, была архаичной и жесткой, не учитывала потребностей и настроений общества. Не знавшее угрозы гражданской войны молодое поколение поставило под сомнение легитимность власти.

В своем поиске нового французская молодежь обратилась к уже существовавшим идеям: троцкизму, маоизму, анархизму, геваризму. Большой популярностью пользовались анархисты. Их идеалом было общество без государства, а протест был направлен против иерархического общества, запретительных мер, репрессий. Лозунги «Запре-

щено запрещать!», «Вся власть воображению!», «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» завоевывали умы и сердца протестующих. Сторонники прямого действия, анархисты принимали активное участие в захвате университетов, строительстве баррикад, столкновениях с полицией. Их борьба с авторитаризмом, бюрократическим обществом за сексуальные и личные свободы повлияла на многие поколения активистов. В свою очередь троцкисты стремились еще больше «революционизировать» события, а в массовых протестах видели начало революции, о которой мечтали. Сторонники Че Гевары придерживались идеи городской герильи. Их лозунг звучал так: «Обнимая возлюбленную, не оставляй винтовки!» В то же время маоисты с портретами Мао на баррикадах отстаивали идеи Великого кормчего.

События 1968 г. несопоставимы с революциями прошлого, а сами их участники не стремились взять власть в свои руки. Но «они ускорили ход истории». Собрания превращались в настоящие форумы, люди учились на публике отстаивать свое мнение [32, р. 74-75]. Студенческое движение «обновило язык, сделав немало блестящих изобретений: властвовало воображение», — писал В. Жискар д' Эстен [8, с. 37].

Красный май не имели прямых политических последствий. Институты Пятой республики, несмотря на свою молодость, оказались достаточно прочными. Однако это была подлинная культурная революция. В последующие годы во Франции стали меняться принятые в обществе нормы и ценности: выросло число незарегистрированных союзов и рожденных вне брака детей, разводов и повторных браков. Больше прав внутри семьи и в социальной жизни приобрели женщины. Степень контроля властных структур за информационными потоками снизилась, хотя полностью не исчезла. Отсроченными политическими последствиями событий стали социальные и политические реформы, предпринятые в середине 1970-х годов в президентство В. Жискара д' Эстена.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕВОЙ И ЛЕВОРАДИКАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассмотрим, какую роль в процессе формирования леворадикальной политической культуры играла французская интеллектуальная

элита. Под интеллектуальной элитой мы понимаем людей творческого труда, завоевавших призвание в обществе своим талантом и профессионализмом, высказывающихся по актуальным вопросам общественно-политической жизни и оказывающих воздействие на общественные настроения и политические дискуссии. Во Франции они, как правило, занимают критическую позицию в отношении действующей власти.

В стране исторически сложилась особая интеллектуальная среда, «представляющая собой сообщество людей, связанных определенным коммуникативным полем и нацеленное на создание социально значимого интеллектуального продукта» [13, с.12]. Со времен Просвещения французские мыслители, философы, писатели были не только творцами-художниками, но и активными общественными деятелями. «Во Франции у интеллектуала особый престиж. Его вмешательство в политику рассматривается как естественное и даже востребованное», — писал французский политолог Р. Рэмон [30, р.862]. «Вовлеченными зрителями» были политический мыслитель А. де Токвиль, историки Ф. Гизо и А. Тьер, поэты А. де Ламартин, писатель А. Мальро, избравшиеся депутатами и даже занимавшие высокие министерские посты. До недавних пор французские интеллектуалы преимущественно исповедовали левые взгляды. В XX в. многие из них были вовлечены в партийную политику. Членами коммунистической партии в разное время были поэт Л. Арагон, писатели А. Барбюс, А. Бретон, М.К. Ваян-Кутюрье, П. Гамарра.

В 1960-1970-е годы роль интеллектуалов в общественной жизни Франции возросла. Они являлись моральными авторитетами, оказывали влияние на политические дискуссии и общественные настроения. В 1960-е годы Франция зачитывалась произведениями А. Камю, у которого мысль о свободе соседствовала с идеей бунта. «Бунт хочет, бунт кричит и требует, чтобы скандальное состояние мира прекратилось», — писал он в философском эссе «Бунтующий человек» (1951) [9, р. 126–127].

Властителем дум молодежи 1960-х годов был Жан-Поль Сартр. Для философа интеллектуал, — это равнодушный человек, «который вмешивается в дела, его напрямую не касающиеся» [31, р.12]. Историк М. Винок в этой связи отмечал, что Ж.-П. Сартр относился к интел-

лектуалам, которые не могут молчать, но и не ограничиваются критикой существующего строя [33, р. 8]. В основе размышлений философа лежала концепция свободы и ответственности человека. Молодых людей привлекала мысль Сартра, что человек обречен быть свободным и что своим выбором он предопределяет не только собственную судьбу, но и судьбы общества.

На протяжении жизни политические симпатии Сартра неоднократно менялись. До 1950-е годы он был близок к Французской коммунистической партии. После введения советских войск в Венгрию (1956) дистанцировался от коммунистов и пришел к критическому переосмыслению марксизма. В 1960-е годы философ сблизился с маоистами, видя в маоизме обновленный вариант революционной теории. В мае 1968 г. философ поддержал требования студентов и бастующих рабочих. В интервью того времени он критиковал сложившуюся университетскую систему и выступал в поддержку демократизации высшей школы.

В мае 1970 г. Сартр стал ответственным редактором запрещенной во Франции газеты «Дело народа», органа анархо-маоистов, объединившихся после 1968 г. в группу «Пролетарская левая»¹. Немолодому философу близость с леворадикальной молодежью позволяла поддерживать внимание к себе и сохранять образ мыслителя-радикала. Вместе с женой С. де Бовуар и единомышленниками — режиссерами Ж.-Л. Годаром и Ф. Трюффо, философом М. Фуко он раздавал газету на улицах, организовывал одиночные пикеты, выступал перед рабочими, призывая их объединиться с интеллигенцией. Членами «Пролетарской левой» были молодые маоисты Б.-А. Леви и А. Глюксман.

В идеологической подготовке событий 1968 г. большую роль сыграл политический философ Корнелиус Касториадис. В молодости он примкнул к троцкистскому движению, но в конце 1940-х годов с троцкизмом порвал. Вместе с другим французским философом и бывшем троцкистом Клодом Лефором он основал в Париже ультра-левую группу «Социализм и варварство» (1948-1969). Группа представляла пост-троцкистское движение. Ее членами были троцкисты

¹ В 1970 г. «Пролетарская левая» была запрещена, а редакторы газеты арестованы.

и анархисты, критиковавшие сталинизм, троцкизм, ленинизм, и находившиеся в поиске новых путей преобразования общества. Сам Касториadis известен как автор философской концепции «автономии» или самоуправляющегося общества. Его идеи получили распространение в рабочей и студенческой среде, а концепт самоуправления был принят в качестве программной установки образовавшейся в 1971 г. Французской социалистической партией (ФСП) и крупнейшим профсоюзом Франции — Французской демократической конфедерацией труда.

Движение студентов было поддержано Аленом Туреном, в ту пору молодым преподавателем Университета в Нантере. Он выступил на стороне студентов и рабочих, видя в их протесте первое классовое выступление технократического общества. В 1970-е годы ученый разработал теорию социальных движений, которые понимались как коллективное действие, способное преобразовать общество. Социальный протест повлиял на предложенный социологом метод «социологической интервенции», в рамках которого социальные акторы были не простыми объектами исследования, но действующими субъектами. «Такая социология не обязательно ограничивается ролью наблюдателя: благодаря определенным способам вмешательства она может участвовать в социальном движении, помогая ему осознать себя» [19, р. 491].

События 1968 г. повлияли и на другого классика французской социологии — Пьера Бурдьё. Он не принимал непосредственного участия в студенческих протестах, хотя запомнилось его выступление на Лионском вокзале в Париже, в котором он поддержал бастующих рабочих. За студенческими протестами последовал «бунт» внутри академического сообщества, о котором известно гораздо меньше. В 1968 г. произошел разрыв между Бурдьё и его научным руководителем Раймоном Ароном. Бурдьё протестовал против системы, сложившейся в научных учреждениях Франции, где «царствовали» признанные мэтры. Он покинул детище Арона Центр европейской социологии, которым в то время руководил, и создал собственный Центр изучения социологии образования и культуры, в котором получили развитие принципы «критической социологии», направленной на изучение скрытых форм социального доминирования.

Майские события 1968 года оказал большое влияние на политическую мысль М. Фуко. Философ не принимал непосредственного участия в массовых протестах. Находясь за границей, он внимательно следил за происходящим, а после возвращения во Францию стал одним из инициаторов создания «Группы информации о тюрьмах». Организация возникла на волне преследований участников майских событий, многие из которых были арестованы. Первоначально она сосредоточилась на защите прав политических заключенных, но со временем стала защищать всех заключенных. Создавая организацию, Фуко и его соратники бросили вызов закрытой пенитенциарной системе. В группу вошли представители маоистских и ряда других левых группировок. В ее работе принимали участие Ж.-П. Сартр и С. де Бовуар. Позже Фуко признавался, что «ночь баррикад» 10 мая 1968 г. произвела на него огромное впечатление. События в Париже свидетельствовали о том, что в обществе возникают новые формы политического участия, которые открывают горизонт социальных изменений. Философ теоретически обосновывал свои взгляды и вел непрерывную исследовательскую работу, сочетая научную и преподавательскую деятельность с социальной активностью. До конца жизни он занимался вопросами социального контроля над деятельностью закрытых институтов, таких как тюрьма, армия, клиника. Все сказанное свидетельствует о том, что леворадикальные идеи реализуются не только в социальном протесте. Они воплощаются в новых научных направлениях и обновлении исследовательских методов.

В годы, последовавшие за майскими событиями 1968 г., во Франции произошел реальный рост левых радикальных настроений. В воздухе витал дух свободы и переустройства общества. Массовые протесты со всей остротой поставили вопрос о социальной ответственности интеллектуалов. Представители леворадикального крыла интеллектуального сообщества — М. Фуко, Ж.-П. Сартр, С. де Бовуар своей активной позицией продемонстрировали, что служение обществу означает вовлеченность в реальное действие. Идеи левого крыла интеллектуальной элиты получили распространение в социуме. Они вызывали восхищение у молодых образованных французов, определяли ход политических дискуссий, влияли на программные установки политических партий и общественных движений.

МЕТАМОРФОЗЫ ЛЕВОЙ ИДЕИ

К середине 1970-х годов ситуация начала меняться. Глубокий психологический шок во Франции вызвал выход книги А. Солженицына «Архипелаг Гулаг» (1973-1976). Этот роман, по мнению Э. Каррер д'Анкосс, предопределил возвращение французского общества и особенно его интеллектуальной части к вечным ценностям Добра и Зла и помог многим во Франции переосмыслить советский опыт (цит. по: 20, р.51). СССР перестал рассматриваться как модель социально-политического устройства. А после смерти Мао Цзедун (1976) стали публично обсуждаться преступления, совершенные в годы Культурной революции. Совершился идеологический поворот: часть левых радикалов разочаровывались в марксизме и социализме, утратили веру в революционную идею.

В новом историческом контексте судьбы леворадикальных интеллектуалов складывались по-разному. Историки, политологи, философы, отказавшись от идеи революции, приступили к анализу феномена тоталитаризма. С позиций тоталитарной школы анализа, представленной во Франции Р. Ароном, анализировал историю СССР видный представитель французской советологии бывший троцкист Ален Безансон. Стефан Куртуа, в юности маоист, в 1997 г. выпустил «Черную книгу коммунизма» (1997), в которой речь шла о преступлениях коммунистических режимов в XX веке. Среди ученых, прошлое которых связано с троцкизмом, и видный историк Бенжамен Стора, исследователь истории Алжира, французской колонизации и политики памяти.

Бернар-Анри Леви и Андре Глюксман, в юности маоисты, стояли у истоков школы «новой философии». Новые философы отказались от утопии левых идеологий и выступали против идеи социальной революции, сосредоточив свое внимание на критике коммунизма и тоталитаризма, критикуя при этом и буржуазное общество. Марксистская идеология, как считал Глюксман, порождает насилие и, в конечном счете, тоталитаризм. «Новая философия» заложила основы идейно-политического направления, в рамках которого внимание уделялось моральным аспектам истории и современности и которое противостояло анализу, основанному на принципах реальной политики.

Представители школы «новой философии» были сторонниками политического активизма. Глюксман был среди организаторов право-

защитных акций. В 1980-е годы Леви был одним из создателей левацкой организации «SOS Расизм», а в 1990-е годы развернулся в сторону правого центра. Отныне он продвигал идеи глобализации, либеральные ценности и сосредоточился на международной тематике, которая принесла ему политические дивиденды. Философ стал советником президента Н. Саркози (2007-2012). *«Леви поднимает телефонную трубку и звонит президенту»*, — отмечал один из моих респондентов. *«Леви в большой степени министр, чем любой член кабинета»*, — отмечал другой участник исследования.

Военное вмешательство представляется для Леви легитимным средством защиты и продвижения гуманитарных ценностей и прав человека. Сторонник интервенционализма, он поддержал бомбардировки Югославии, военную операцию в Ливии, вооруженную борьбу с режимом Б. Асада в Сирии. В августе 2008 г. в разгар российско-грузинского военного конфликта Б.–А. Леви был в Тбилиси и вел репортажи из грузинской столицы. В феврале 2014 г. он поддержал участников майдана в Киеве. Леви написано бесчисленное число книг, до недавних пор он постоянно выступал в средствах массовой информации, вел колонку в журнале «Le Point». Но, по мнению респондента, «все то, о чем он пишет на сотнях страниц, можно выразить несколькими фразами». Защита прав человека для Леви, как представляется, это прежде всего политический спектакль, позволяющий постоянно находиться в центре общественного внимания.

Философ был далеко не единственным, кто перешел в лагерь правых. Причиной тому было глубокое разочарование, которое постигло многих леваков после «неудачи» майских событий. Особенно остро разочарование ощущалось в маоистской среде. «Маоисты, вспоминает бывший студенческий лидер, троцкист Д. Бенсаид, — ожидали революции сразу же, немедленно, и быстро шли к своему падению» [2]. Были и иные жизненные траектории: в маоистских ячейках было много самоубийств, смертей от алкоголизма и наркотиков.

ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫЕ ИДЕИ В ПОЛИТИКЕ И ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЯХ

В 1980-1990-е годы, казалось, леворадикальная идея умерла. Однако это было иллюзией. До наших дней Франция остается заповедником

троцкизма. В 1974 г. Союз студентов-коммунистов был преобразован в Революционную коммунистическую лигу — французскую секцию Четвертого интернационала, а ее руководитель Ален Кривин стал самым известным лидером троцкистского движения во Франции. В 2009 г. Лига была преобразована в Новую антикапиталистическую партию (НАП). Организационная перестройка преследовала своей целью расширение электоральной и политической поддержки. Программа партии остается неизменной, основной целью является революция, и троцкисты ждут момента, когда она сможет осуществиться. Среди основных требований: увеличения зарплат, запрет кратковременных трудовых соглашений, снижение пенсионного возраста. В экономической части программы — национализация банков и крупных предприятий. Учитывая веяния времени, НАП выдвигает экологические требования (запрет на использование атомной энергии и ископаемых источников энергии). Сторонники классовой борьбы троцкисты защищают интересы трудящихся. Они пользуются поддержкой среди работников почты и железнодорожного транспорта, ими создан профсоюз «Sud». Троцкисты принимают активное участие в забастовках с намерением «революционизировать» протест, создавая «мост» между забастовкой и революцией.

С 1970-х годов троцкисты участвуют в социальных движениях протеста. Они внесли вклад в развитие женского движения, участвовали в акциях в поддержку признания аборта. Сегодня, учитывая веяния времени, НАП выдвигает экологические требования (запрет на использование атомной энергии и ископаемых источников энергии) и участвует в акциях экологистов. В 2018-2019 гг. троцкисты поддерживали движение «желтых жилетов».

Троцкистское движение раздроблено. Во Франции наряду с НАП существуют несколько троцкистских партий, в том числе «Рабочая борьба» и Независимая рабочая партия. В то время как часть троцкистов продолжала действовать внутри собственно троцкистских организаций, другие последователи Л.Д. Троцкого, следуя разработанному им методу «политического внедрения», в 1970-е годы вступили в ряды Французской социалистической партии (ФСП). Среди них были Ж.-Л. Меланшон, Л. Жоспен, Ж.-К. Камбаделис и многие другие. В 1988 г. Ж.-Л. Меланшон вместе с выходцем из троцкистской Комму-

нистической революционной лиги Ж. Дреем создали внутри ФСП Социалистическое левое течение (*La gauche socialiste*), просуществовавшее вплоть до 2002 г. Внутри партии оно постоянно оставалось в меньшинстве. Несмотря на то, что политическая карьера Меланшона складывалась вполне удачно¹, его пути с ФСП всё больше расходились. Окончательный разрыв произошел осенью 2008 г., когда политик принял решение о выходе из ФСП и создал новую Левую партию, которая накануне президентских выборов 2017 г. была преобразована в «Непокоренную Францию» (НФ).

НФ занимает особое место среди политических партий современной Франции, балансируя между системностью и несистемностью. Партия стоит на антикапиталистических позициях и жестко критикует неолиберальную модель глобализации. В программе «Общее будущее» (2025) сформулированы основные предложения, направленные на построение «новой Франции». В экономической области НФ выдвигает такие требования, как установление более справедливого распределения богатства; введение налога на сверхдоходы; снижение цен на электричество и продовольствие; национализацию отраслей промышленности в состоянии кризиса; направление дополнительных инвестиций в образование, транспортную отрасль, здравоохранение; выход на пенсию в 60 лет; увеличение минимального уровня оплаты труда до 1600 евро в месяц. В программе партии важное место уделяется «экологическому социализму». Ставится вопрос об экологическом планировании, которое предусматривает борьбу с последствиями климатических изменений и переход к 2050 г. на 100-процентное использование обновляемых источников энергии. В политической сфере «Непокоренная Франция» выступает за разрыв с существующим политическим режимом. В случае прихода к власти планируется созвать Законодательное собрание и поставить вопрос о переходе к Шестой республике с тем, чтобы ограничить президентские полномочия и ввести пропорциональную систему выборов.

¹ В правительстве Л. Жоспена Ж.-Л. Меланшон получил пост министра-делегата по вопросам профессионального образования (2000-2002). Он дважды избирался депутатом Европейского парламента (2009, 2014).

Меланшон остается верен идее революции, которая должна положить конец капиталистической системе. Основными врагами для него являются: международный финансовый капитал; олигархия, которая сосредоточила в своих руках власть и собственность, и правящая во Франции элита. Политик заявляет: «Я готовлю революцию, но пока она не наступила, надо участвовать в выборах» [18, р. 27]. Впервые свою кандидатуру для участия в президентских выборах он выдвинул в 2012 г. и затем участвовал еще в двух президентских кампаниях, каждый раз набирая все большее число голосов. В 2022 г. по результатам первого тура Ж.-Л. Меланшон занял третье место, собрав 21,9% голосов избирателей (за него проголосовало 7,7 млн. избирателей, на 700 тыс. больше, чем в 2017 г.) [29].

В ходе президентских выборов 2022 г. Меланшон был уверен в победе и рассчитывал выйти во второй тур, чтобы встретиться в нем с М. Ле Пен. Однако этого не произошло. Накануне парламентских выборов он выдвинул идею союза левых сил, рассчитывая на то, что левые получат большинство в Национальном собрании, а сам он, будучи лидером объединения, займет кресло премьер-министра. Этот сценарий тоже не был реализован. Невозможность реализовать собственный политический проект озлобила политика, сделав его агрессивным и неуправляемым. С этого момента деятельность Меланшона и его партии стала откровенно деструктивной. В 2022-2025 гг. в Национальном собрании «Непокоренная Франция» регулярно выступала за роспуск парламента и проведение внеочередных выборов; срывала обсуждение законопроектов, нарушая регламент и заглушая оппонентов. Главное состояло в том, чтобы доказать: институты Пятой республики не работают.

Сегодня, вспомнив свое троцкистское прошлое, Меланшон с гордостью заявляет: «Троцкизм — это моя суть». Вместе с тем агрессивность Меланшона, его стремление любую ситуацию превращать в конфликт не встречает понимания у французских граждан. Стратегия хаоса, которую он продвигает, вызывает протест. Опрос IPSOS свидетельствовал, что большинство французов (73%) придерживались негативного мнения о нем [26]. Он теряет поддержку и у левых избирателей, хотя ему и удастся сохранить свой ядерный электорат.

Меланшон — фигура противоречивая. На сегодняшний день он является самым ярким французским политиком. Народный трибун, он обладает ораторским даром и может подолгу держать публику в напряжении. В его выступлениях анализ политической системы сочетается с юмором, рассказами из французской истории, личными воспоминаниями. Меланшон стал одним из первых французских политиков, широко использовавших социальные сети и новые технологии. В ходе президентской кампании 2022 г. выступления кандидата транслировались на YouTube (там у него 750 тыс. подписчиков), Facebook (1,3 млн. подписчиков) и Twitter (2,5 млн. подписчиков). Самому пожилому кандидату на президентский пост удалось найти общий язык с молодежной аудиторией. Он остроумен, находчив, что делает его особенно популярным в этой среде. В 2022 г. за Меланшона проголосовали 36% в возрастной группе 18-24 года и 30% в возрасте от 25 до 34 лет [24]. Первым он начал использовать цифровые платформы, практикующие интерактивные методы, которые сближают его с подписчиками (Twitch).

Важнейшая тема в дискурсе меланшонистов — борьба против «исламофобии». Французские мусульмане воспринимают Меланшона как единственного политика, способного противостоять крайне правым. «Меланшон — единственный, кто защищал нас, когда Ле Пен и Земмур вели наступление на мусульман», — говорит молодой человек родом из Марселя [25, р. 315]. В этом городе Меланшон в ходе кампании 2022 г. собирал тысячные митинги. Удивительно, левый радикал и республиканец, поддерживая мусульман, не обращает внимание на неравенство между мужчинами и женщинами внутри мусульманского сообщества, насильственные браки, которые заключаются в этой среде, на ношение мусульманской одежды, которая по закону запрещена в публичных местах. Есть все основания предполагать, что избиратели-мусульмане мало интересуются политической программой Меланшона и идея революции, которую он продвигает, их волнует мало. Главное для них то, что в современной Франции есть защитник интересов мусульманского сообщества.

Агрессивный дискурс Меланшона, его критика власти, призывы кардинально изменить существующий порядок и непримиримость в отношении политических оппонентов повлияли на общую полити-

ческую атмосферу. Сегодня дискуссии во Франции все чаще приобретают непримиримый, враждебный характер. Идеи и стиль Меланшона нашли отклик в университетской среде, где в последние годы получила распространение пришедшая из США идеология «постколониализма». Ее сторонники выступают за разрыв с прошлым, которое в их понимании сводится к торговле чернокожими рабами и колонизации. Новым явлением для университетской среды стал «антибелый расизм». В университетах организуются собрания, на которые «белые» французы не допускаются, а иная точка зрения рассматривается как предательство. В студенческой среде активисты-леваки не составляют большинства, но они активно ведут «поиск врага», составляют проскрипционные списки среди студентов, политиков и интеллектуалов, которых преследуют в социальных сетях. В расколотом французском обществе у противоборствующих сторон нет потребности в дискуссии, в нем все больше накапливаются агрессия и взаимная ненависть.

Троцкисты и близкие к ним политики не единственная леворадикальная сила, которая присутствует в политическом пространстве современной Франции. События 1968 г. стали мотором социальной активности, заложив основу новых движений социального протеста — женского, природоохранного, антиядерного, регионалистского [5]. Рядовые маоисты, порвав с маоизмом, в 1970-е годы стояли у истоков экологического движения. Отчасти это объясняет тот факт, что французскому экологическому движению присущ радикализм. Часть маоистов была у истоков пропалестинского движения, возникшего во Франции в 1970-е годы. В наше время движение стало особенно популярным после событий 7 октября 2023 г. По данным МВД в пропалестинском движении в 2024 г. насчитывалось 30 тыс. активистов. В настоящее время во Франции каждую неделю происходит 60-80 манифестаций в поддержку Палестины с числом участников от 3 до 5 тыс. человек. Манифестации проводятся не только в крупных, но в малых и средних городах, в них участвуют не только представители политизированной интеллигенции, но все более широкий круг протестующих.

Единого анархистского движения во Франции не существует. Анархисты представляют собой неоднородную «галактику», состоящую из множества организаций, в которую входят собственно группы анархистов, анархо-синдикалисты, а также т.н. «автономные» органи-

зации. Анархисты отстаивают идеи анархического коммунизма — общества без государства, которое структурируется не по вертикали, а по горизонтали, в котором существует социальное равенство и отсутствует принуждение. Рост рядов анархистов в последние годы происходил за счет появления новых группировок, занимающихся социальными проблемами: вопросами экологии, защитой прав женщин. В 2018-2019 гг. анархисты поддержали движение «желтых жилетов». В 2023 г. они принимали участие в экологических выступлениях в Сен-Солин, куда съехались анархисты-экологи из многих стран Европы. Анархисты принимают активное участие в антивоенном движении. Во Франции создана коалиция под названием «Война войне», в которой видное место занимают анархисты. Участники коалиции ведут антивоенную пропаганду, выступают против милитаризации экономики и общества.

Наряду с социальными движениями протеста левые радикалы присутствуют в политико-медийном пространстве. В 2008 г. во Франции было образовано независимое интернет-издание «Медиапарт». Среди его создателей — бывшие троцкисты, журналисты Эдви Пленель и Жерар Депорт. Издание получило известность своими громкими журналистскими расследованиями, многие из которых завершились судебными разбирательствами и политическими отставками. Журналисты вскрывают случаи коррупции и злоупотребления служебным положением высоких должностных лиц. По результатам расследования дела бывшего министра бюджета Жерома Каюзака во Франции были созданы Национальная финансовая прокуратура (Parquet national financier, PNF), отслеживающая финансовые преступления; и Высший орган, обеспечивающий прозрачность общественной жизни (Haute autorité pour la transparence de la vie publique), занимающийся выявлением конфликта интересов в государственной службе.

Самыми известным расследованием «Медиапарта» стало дело президента Николя Саркози. В 2012 г. между двумя турами президентских выборов Медиапарт опубликовал документ, в котором говорилось о том, что президентская кампания 2007 г. Саркози финансировалась ливийским правительством. С 2013 г. Национальная финансовая прокуратура проводила следственные действия. Дело дошло до суда, и 25 сентября 2025 г. бывший президент был приго-

ворен к пяти годам тюремного заключения, которое начал отбывать в парижской тюрьме «Санте».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Леворадикальные идеи во Франции никогда не исчезали, хотя интерес к ним не оставался неизменным на протяжении истории. В первой четверти XXI в. левая радикальная мысль в политическом пространстве представлена меланшонистами, троцкистами, анархистами. Эти партии/ организации выступают за радикальные преобразования во всех сферах жизни общества. Новым в их деятельности является то, что сегодня они стремятся к созданию альянсов с другими движениями протеста, силами, которые борются с «глобальным капитализмом» и выступают за альтернативную общественную и экономическую модель развития [23, p.7].

Многие идеи, выдвигаемые левыми радикалами, находят поддержку в обществе. К ним относится идея прямой демократии, популярная среди анархистов и троцкистов. На фоне роста недоверия к политике, политическим партиям и политическому представительству (в 2025 г. политике не доверяли 74% французов) [22] прямая демократия представляется гражданам как способ возрождения подлинной демократии. В ходе социальных протестов проводятся общие собрания, в ходе которых каждый участник может высказать свое мнение. Все большее распространение получает идея перераспределения богатства. Больше половины французов (59%) понимают социальную справедливость, как изъятие богатства у самых обеспеченных с целью перераспределения среди бедных [22]. Летом-осенью 2025 г. в ходе обсуждения путей решения проблемы, связанной с государственным долгом, популярным стало предложение экономиста Габриэля Зукмана ввести дополнительный 2-процентный налог на капитал самых богатых французов. Это предложение было поддержано всеми левыми партиями.

Дискурс левых радикалов находит отклик в обществе. Меланшон «заражает» сограждан агрессивной энергией, легитимирует акты насилия, как это было во время городских восстаний летом 2023 г. Политик часто говорит о приближении и неизбежности социальной/гражданской революции. И эта тема все чаще возникает в публичном поле. Накануне выборов в Европарламент (2024) французское теле-

видение показало получивший общественный резонанс многосерийный телефильм «Горячка» (La Fièvre). В нем речь шла о том, как действуют механизмы политического скандала, как скандал трансформируется в массовые протесты и какую роль в этом процессе играют СМИ, политики и журналисты.

В современном французском обществе грань между системностью и несистемностью все чаще стирается. В стенах Национального собрания «Непокоренная Франция» не столько участвует в парламентской деятельности, сколько организует протестные акции, срывает заседания, мешает обсуждению законопроектов. Сближение левых радикалов с социальными движениями способствует их радикализации. Наряду с существующими протестными движениями во Франции появились новые прогрессистские движения левого толка — новое женское движение, постколониальное движение, которые стремятся «деконструировать социальную несправедливость», «поставив во главу угла расу, гендер и сексуальность» [Плакроуз, Линдси 2022:13]. Эти движения направлены на изменение общества, они отстаивают новые ценности и социальные нормы (однополые браки и связанные с их заключением права; право на смену пола и т.д.) и, как пишет Э. Тодд, вторгаются в самую природу человека, «отрицая биологическую реальность» и защищая трансгуманизм [15]. Новые социальные движения — это «новая политическая религия, заменившая марксизм». По своей природе они радикальные и, как считает другой французский исследователь Д. Бурмо, представляют угрозу для демократии, поскольку их сторонников отличает идейная непримиримость и отказ от диалога [3, с. 46].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лапина Наталия Юрьевна — доктор политических наук, главный научный сотрудник. Институт научной информации по общественным наукам РАН. **Телефон:** +7 (499) 128-06-43. **Электронная почта:** lapina_n@mail.ru.

Research Article

NATALIA YU. LAPINA¹

¹ The Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

51/21, Nakhimovsky Prospect, 117418, Moscow, Russia

RADICAL LEFT POLITICAL CULTURE IN POLITICS AND SOCIAL MOVEMENTS OF MODERN FRANCE

Abstract. “Political culture is one of the most popular and seductive concepts in political science, but it is also one of the most controversial and confusing,” write the authors of the article “Cause in Search of Its Effect or What Does Political Culture Explain?” [Elkins, Simeon 2016:21]. The conceptualization of the idea dates back to the 1960s, although attempts to explain the peculiarities of political behavior of peoples in different countries were made long before that. The author focuses on the peculiarities of one of the segments of the political culture of modern France — the left-wing radical political culture, which has deep historical roots and has been represented by such ideological and political movements as socialism, Maoism, Trotskyism, Guevarism, anarchism, and melanchonism at different times. The article shows how the shifts in social development in the 1960s and 1970s led to a growing interest in left-wing radical ideas and how these ideas evolved in the following decades. The article analyzes the role and place of representatives of the intellectual elite (A. Camus, J.-P. Sartre, J.-L. Godard, M. Foucault, P. Bourdieu, A. Touraine, and others) in the socio-political process, as well as their active participation in public life. The article explores how left-wing radical ideas infiltrate political discourse and influence public sentiment. It examines how the political and cultural debate in France has evolved in the context of political radicalization. The analysis of political history and the current stage in the development of the left-wing movement in France is supplemented by the author’s own empirical research.

Keywords. Left radicalism, political elite, intellectual elite, France, J.-P. Sartre, M. Foucault, J.-L. Mélenchon, A. Krivine.

For citation: Lapina N.Yu. Radical left political culture in politics and social movements of modern France. *Vlast’ i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 136–161. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.4>. EDN: OYVEUU (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Yu. Lapina — Doctor of Political Science, main research fellow. The Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Head of the Department of the Global Problems.

Phone: +7 (499) 128-06-43. **E-mail:** lapina_n@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Белинский А.В. Сара Вагенкнехт. Реалист. Популист. Мадонна левых // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 3. С. 176–189. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.10>

- Belinsky A.V. Sahra Wagenknecht. Realist. Populist. Madonna of the Left. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2025. No. 3. P. 176–189. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.10> (In Russ.)
2. Бенсаид Д. 1968 год во Франции // Скепсис. 1998. [электронный ресурс]. Дата обращения 03.10.2025. URL: https://sceptsis.net/library/id_1722.html
Bensaid D. 1968 in France. *Skepsis*. 1998. Accessed 03.10.2025. URL: https://sceptsis.net/library/id_1722.html (In Russ.)
3. Бурмо Д. Демократия перед вызовами вокизма // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 3. С. 45–63. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.03>.
Bourmaud D. Democracy and the challenge of wokeism. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2025. No. 3. P. 45–63. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.03> (In Russ.)
4. Вершинин А.А. Французские ультралевые на рубеже веков // Современная Европа. 2016. № 3. С. 66–78. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320166678>. EDN: WHKQPT
Vershinin A.A. Francuzskie ul'tralevye na rubezhe vekov. *Sovremennaya Evropa*. 2016. Vol. 3. P. 66–78. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320166678> (In Russ.)
5. Вивьорка М. Социальные движения во Франции (1968–2023) // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 3. С. 55–74. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.03>. EDN: JZUGT
Wieviorka M. Social'nye dvizheniya vo Francii (1968–2023). *Aktual'nye problemy Evropy*. 2023. No. 3. P. 55–74. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.03> (In Russ.)
6. Дамье В.В. Анархисты в современных социальных движениях // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 3. С. 26–44. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.02>
Damier V.V. Anarchists in contemporary social movements. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2025. No. 3. P. 26–44. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.02> (In Russ.)
7. Дука А.В. Политическая культура — поиски теоретических оснований // Политэкс. 2006. Т. 2. № 1. С. 7–30. EDN: KPGYUT
Duka A.V. Political culture — the search for theoretical foundations. *Politex*. 2006. Vol. 2. No. 1. P. 7–30. (In Russ.)
8. Жискард д'Эстен В. Французы: размышления о судьбе народа / Пер. с фр. Г.А. Абрамова. М.: НИЦ «Ладомир», 2004. 248 с.
Giscard d'Estaing V. *The French: Reflections on the fate of a people*. Transl. from French by G.A. Abramov. Moscow: Lodomir publ., 2004. 248 p. (In Russ.)
9. Камю А. Бунтующий человек / Пер. с фр. Ю.М. Денисова, Ю.Н. Стефанова // Камю А. Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 119–356.

- Camus A. The rebel. Transl. from French. by Yu.M. Denisov, Yu.N. Stefanov. Camus A. *Buntuyushchii chelovek: Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [The rebel: Philosophy. Politics. Art]. Moscow: Politizdat. 1990. P. 119–356. (In Russ.)
10. Лапина Н.Ю. Леворадикальные партии и движения: европейский и мировой опыт // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 3. С. 7–25.
<https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.01>
Lapina N.Yu. Left-wing radical parties and movements: European and global experience. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2025. No. 3. P. 7–25.
<https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.01> (In Russ.)
11. Орачева О.И., Подвинцев О.Б. Политическая мысль в терминах и лицах. Пермь: ПГУ, 1998. 315 с.
Oracheva O.I., Podvintsev O.B. *Politicheskaya mysl' v terminakh i litsakh*. [Political thought in terms and persons]. Perm: PSU publ., 1998. 315 p. (In Russ.)
12. Плакроуз Х., Линдси Дж. Циничные теории: как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М.: Individuum, 2022. 384 с.
Pluckrose H., Lindsay J. *Tsinichnye teorii: kak vse stali sporit' o rase, genere i identichnosti i chto v etom plokhogo* [Cynical theories: how everyone came to argue about race, gender, and identity — and what's so bad about it]. Moscow: Individuum publ., 2022. 384 p. (In Russ.)
13. Политология. Новый лексикон / Под ред. А.И. Соловьева. 2-ое изд. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2024. 525 с.
Politologiya. Novyj leksikon [Political science. New Lexicon] Ed. by A.I. Solov'ev. 2 ed. Moscow: «Aspect Press» publ., 2024. 525 p. (In Russ.)
14. Салмин А.М. Наследие А. де Токвиля и современная политическая традиция Запада // Салмин А.М. Шесть портретов. СПб.: Алетея, 2008. С. 88–134.
Salmin A.M. *Nasledie A. de Tokvilya i sovremennaya politicheskaya tradiciya Zapada* [The legacy of A. de Tocqueville and the modern political tradition of the West]. Salmin A.M. *Shest' portretov* [Six Portraits]. St. Petersburg: Aletheia, 2008. P. 88–134. (In Russ.)
15. Todd Э. Роль России в мировых процессах меня всегда поражала: интервью Н. Руткевич // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 6. С. 44–50.
<https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-6-44-50>. EDN: JEQKDI.
Todd E. Russia's role in global processes has always amazed me: interview taken by N. Rutkevich. *Rossiya v global'noi politike*. 2024. Vol. 22. No. 6. P. 44–50.
<https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-6-44-50>. (In Russ.)
16. Философы Франции: Словарь. Изд. 2-е. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2016. 464 с.

- Filosofy Francii: Slovar'*. [Philosophers of France: Dictionary]. 2 ed. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2016. 464 p. (In Russ.)
17. Хенкин С.М. Леворадикальные организации Испании между антисистемностью и системностью // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 3. С. 120–140. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.07>
Khenkin S.M. Left-wing radical organizations of Spain between anti-system and system. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2025. No. 3. P. 120–140. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.03.07> (In Russ.)
 18. Barbier Ch. *Moi, Jean-Luc M.* Paris: Editions Grasset, 2024. 128 p.
 19. *Dictionnaire de sociologie*. Sous la dir. de A. Akoun, P. Ansart. Paris: Seuil, 1999. 587 p.
 20. Dullin S. Les interprétations françaises du système soviétique. *Le siècle des communismes*. Sous la dir. de M. Dreyfus, B. Groppo, Cl.S. Ingerflom, R. Lew, Cl. Pennetier, B. Pudal, S. Wolikow. Paris: Les Éditions de l'Atelier, 2000. P. 47–65. <https://doi.org/10.7202/1023757ar>
 21. Elkins D.J., Simeon R.E.B. A cause in search of its effect, or what does political culture explain? *Culture and Politics: A Reader*. Ed. by L. Crothers, Ch. Lockhart. New York : Palgrave Macmillan, 2016. P. 21–38. https://doi.org/10.1007/978-1-349-62965-7_2
 22. *En qu[o]i les Français ont-ils confiance aujourd'hui?* Le baromètre de la confiance politique. Vague 16. (2025) / CEVIPOF, SciencesPo. — Février. Accessed 13.03.2025. URL: https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/Barometre%20confiance%20CEVIPOF%20Vague%2016%20fev%202025-v2_0.pdf
 23. Escalona F., Vieira M. *La gauche radicale en Europe, ou l'émergence d'une famille de partis* / Fondation Jean-Jaurès ; Observatoire de la vie politique // HAL. — HAL Id: halshs-01018857. 12.11.2013. 18 p. Accessed 13.03.2025. URL: <https://shs.hal.science/halshs-01018857v1/document>
 24. Fourquet J. *L'archipel électoral mélenchoniste*. Fondation Jean Jaurès. 16.04.2022. Accessed 03.10.2025. URL: https://www.jean-jaures.org/publication/larchipel-electoral-melenchoniste/?post_id=33336&export_pdf=1
 25. Fourquet J. *La France d'après. Tableau politique*. Avec la collaboration de S. Manternach. Paris: Seuil, 2023. 552 p.
 26. Jakubowicz L. Popularité, Jean-Luc Mélenchon touche le fond // *Décideurs Magazine*. 16.11.2023. Accessed 03.10.2025. URL: <https://www.decideurs-magazine.com/politique-societe/56830-popularite-jean-luc-melenchon-touche-le-fond.html>
 27. Jungkunz S. The nature and origins of political extremism in Germany and beyond. [Switzerland] : Palgrave Macmillan, Springer Nature, 2022. 231 p.

28. Large R. La « troisième gauche » en Europe, le nouveau clivage post-sociétal qui vient ? // « La troisième gauche ». Enquête sur le tournant post-sociétal de la gauche européenne : Etude/ Fondation Jean Jaurès, 2025. Accessed 27.06.2025. URL: <https://www.jean-jaures.org/publication/la-troisieme-gauche-enquete-sur-le-tournant-post-societal-de-la-gauche-europeenne/>
29. Présidentielle 2022 : les résultats du premier tour // *Vie publique*, 11 avril 2022. Accessed: 18.04.2022. URL: <https://www.vie-publique.fr/en-bref/284746-presidentielle-2022-les-resultats-du-premier-tour>.
30. Remond R. Les intellectuels et la politique // *Revue française de science politique*, 1959. Vol. 9. No, 4. P. 860–880.
31. Sartre J.-P. *Plaidoyer pour les intellectuels*. Paris : Gallimard, 1972. 160 p.
32. Sirinelli J.-P. *Les Révolutions françaises 1962–2017*. Paris : Odile Jacob, 2017. 383 p.
33. Winock M. *L'effet des générations. Une brève histoire des intellectuels français*. Vincennes : Éditions Thierry Marchaisse. 2011. 151 p.

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 – 89244 от 17.03.2025

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: А.В. Дука
Научные редакторы: А.С. Быстрова, Д.Б. Тев
Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Журнал «Власть и элиты» включен в базу РИНЦ

Права на материалы, опубликованные журналом «Власть и элиты»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются. Журнал открытого доступа. Доступ к контенту
журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.powerelites.ru>
- на сайте издателя: <https://socinst.ru/publications/powerelites/>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=59624

Издатель: Социологический институт РАН – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Сайт издателя: <https://socinst.ru/>
Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru
Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2025. Том 12. № 2. Дата выхода в свет 11.11.2025.